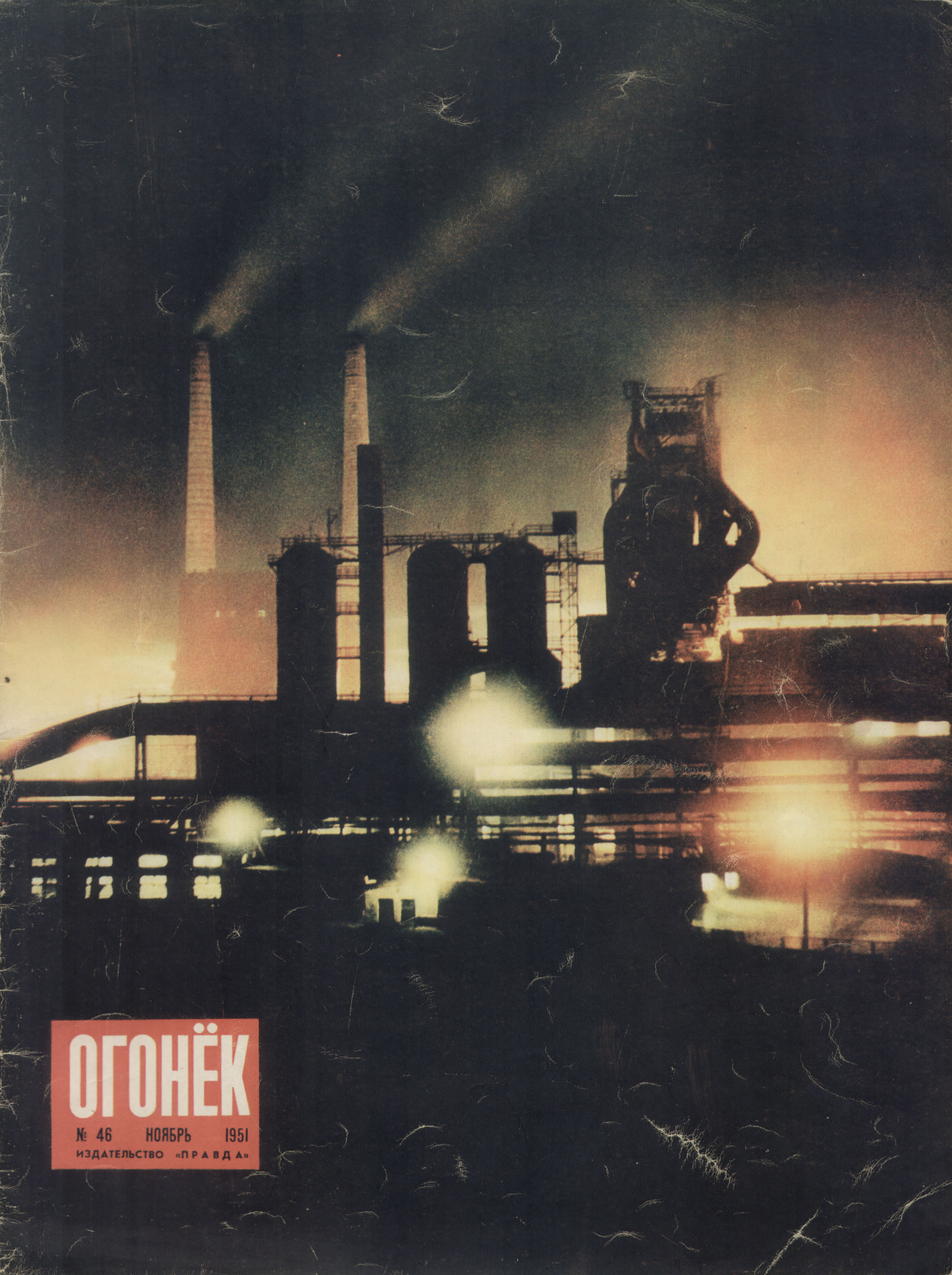
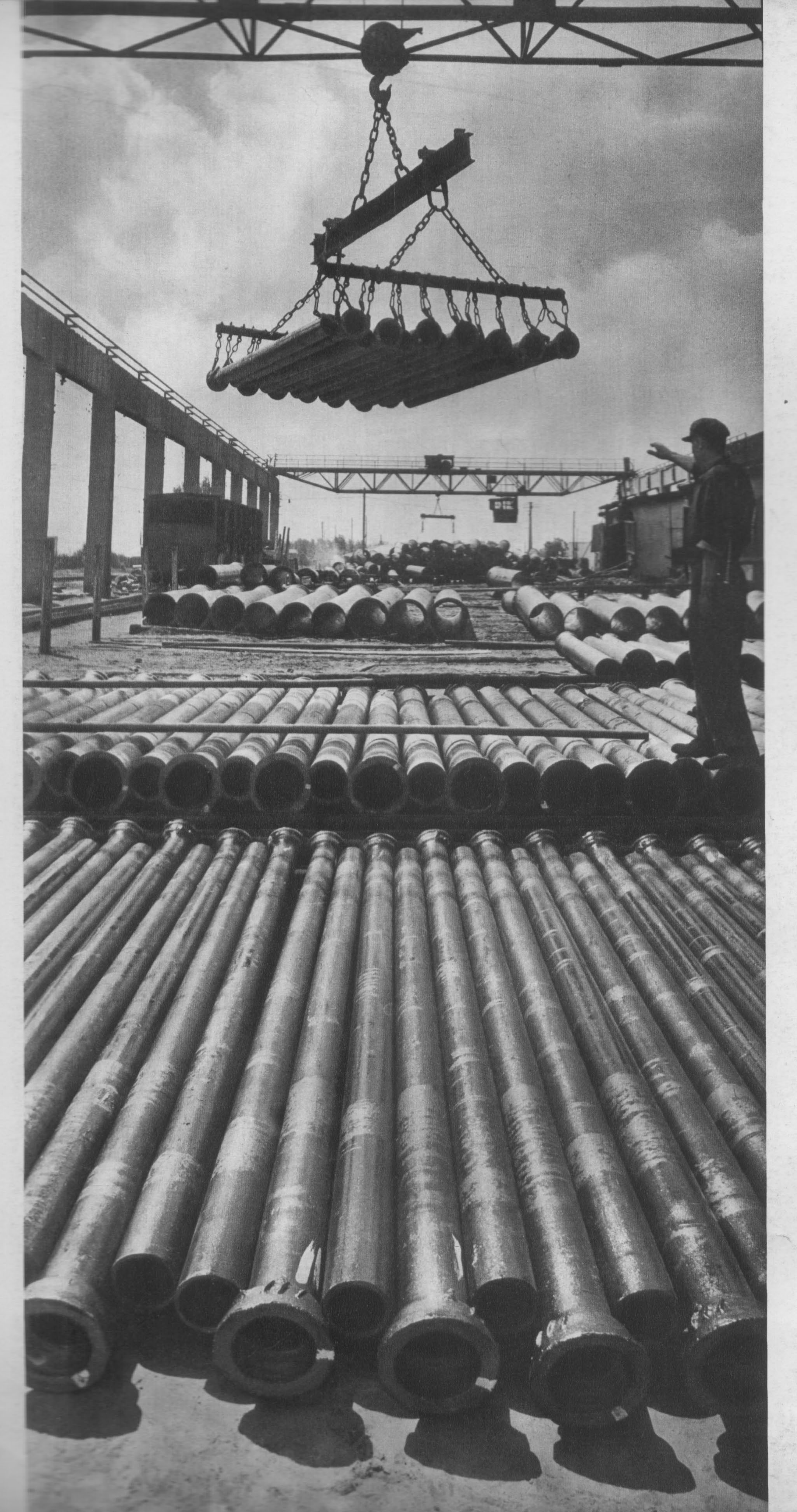

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На складе готовой продукции Синарского трубного завода в городе Каменск-Уральский.

Фото Е. Халдея

На первой странице обложки: Индустриальный пейзаж.

Фото Дм. Бальтерманца

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1275)

11 НОЯБРЯ 1951

29-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Высотный дом на Смоленской площади в праздничную ночь.
Фото Дм. Бальтерманца

ПРЕЗИДИУМ ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ МОСКОВСКОГО СОВЕТА 6 НОЯБРЯ 1951 ГОДА. Товарищ **Л. П. Берия** выступает с докладом о 34-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗ

Величественны будни советского народа. Усилия миллионов людей приводят к чудесному преображению Родины, шаг за шагом приближают ее к коммунизму. Каждодневно ощущаем мы это непрерывное движение вперед.

Накануне великого Октябрьского праздника на весь мир прозвучали цифры о новых грандиозных успехах мирного строительства в Советском Союзе. Эти цифры наполнили радостью сердца всех честных тружеников мира, они внесли смятение в стан врагов человечества. Доклад товарища Л. П. Берия наглядно показал, какими блистательными итогами ознаменована 34-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Каждый коллектив советских тружеников гордится сознанием, что в этих итогах есть и его вклад.

Вправе говорить о своем вкладе славная армия металлургов. По сравнению с прошлым годом один лишь прирост выплавки чугуна составит в этом году 2 700 тысяч тонн, стали — около 4 миллионов тонн, проката — 3 миллиона тонн.

Вниманием и почетом окружены советские шахтеры. И они достойно отвечают на сталинскую заботу партии и правительства. За последние несколько лет ежегодный прирост добычи угля равен в среднем 24 миллионам тонн.

Все больше черного золота добывают из недр советские нефтяники. За ряд последних лет ежегодный прирост добычи нефти составляет 4 с половиной миллиона тонн.

Замечательных успехов добились энергетики. Общая мощность электростанций и новых агрегатов, вводимых в действие в 1951 году, составит около 3 миллионов киловатт, что примерно равно 5 Днепрогэсам.

Впервые в мире советские машиностроители производят в этом году паровую турбину мощностью 150 тысяч киловатт.

Все отряды рабочего класса пришли к годовщине Октября с убедительными успехами, но, пожалуй, нет сейчас такой популярной фигуры, как строитель. Строятся не только предприятия, не только города,— перестраивается география нашей Родины. Никогда еще человеческий труд не был направлен на такую высокую цель, как ныне в нашей стране, где сама природа поставлена на службу коммунизму. Уже в 1952 году вводится в эксплуатацию одно из крупнейших сооружений — Волго-Донской водный путь.

Гордое сознанием выполненного долга, пришло к Октябрьскому празднику и колхозное крестьянство. За последние несколько лет валовой урожай зерна ежегодно превышает 7 миллиардов пудов.

Социализм — это прежде всего забота о человеке, о его благополучии и счастье. Неисчислимы реальные плоды социалистического строя, которыми пользуется советский народ. Каким глубоким смыслом проникнуты цифры, оглашенные в докладе тов. Берия: в нашей стране смертность снизилась в два раза по сравнению с предвоенным 1940 годом и еще более сократилась детская смертность. Ежегодный чистый прирост населения СССР уже в течение нескольких лет превышает прирост населения в 1940 году и составляет более 3 миллионов душ.

И первая мысль, которой советские люди встречали 34-ю годовщину Великого Октября, была мысль о том, как велико счастье жить и трудиться в эпоху Сталина, в эпоху социализма, жить и трудиться в Советском Союзе, возглавляющем лагерь социализма и демократии, лагерь мира!

* * *

Москва. Красная площадь в строгом праздничном убранстве. Издалека виднеются портреты создателей и вождей большевистской партии и Советского государства В. И. Ленина, И. В. Сталина. Шестнадцать гербов советских республик символизируют нерушимую дружбу народов нашей страны.

За несколько минут до парада огромная площадь погружается в молчание. На трибуну мавзолея поднимаются товарищи Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятов. Присутствующие тепло при-

Фото Ф. Кислова

ДНИК

ветствуют руководителей партии и правительства.

Из ворот Спасской башни выезжает принимающий парад Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Его встречает командующий парадом генерал-полковник П. А. Артемьев. Приняв рапорт, маршал Малиновский объезжает войска, здоровается с солдатами, офицерами, генералами, поздравляет их с праздником — 34-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. В ответ на приветствие гремит дружное «ура». Закончив объезд войск, маршал Р. Малиновский сходит с коня, поднимается на трибуну мавзолея и обращается с речью к воинам, трудящимся Советского Союза, к зарубежным друзьям, прибывшим на праздник. Многоголосое «ура» покрывает заключительные слова речи маршала Р. Малиновского.

Начинается парад. Первыми проходят по площади питомцы Краснознаменной ордена Ленина и ордена Суворова I степени Военной академии имени М. В. Фрунзе. Вслед за ними на площадь вступают колонны Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского, награжденной орденом Ленина и орденом Суворова, Военной ордена Ленина академии бронетанковых и механизированных войск имени И. В. Сталина и других военных учебных заведений.

Присутствующие на Красной площади пристально наблюдают и за другим парадом, развертывающимся в воздухе. Здесь, над золотистыми шпилями Исторического музея, проплывает эскортируемый реактивными истребителями многомоторный флагманский самолет командующего воздушным парадом гвардии генерал-лейтенанта авиации В. И. Сталина. Чудесное, незабываемое зрелище открывается взорам москвичей! С непостижимой скоростью проносятся один за другим реактивные истребители.

На Красной площади продолжается марш воинских частей. Идут тепло приветствуемые военные моряки. Проходят, поражая великолепной выправкой, курсанты. Печатают четкий шаг часовые священных границ нашей Родины — советские пограничники. Под горячие рукоплескания перед трибунами проходят воспитанники суворовских и нахимовских училищ. Возгласы восхищения вызывает великолепная советская техника: артиллерия и танки.

Яркое впечатление оставляет парад. «...Агрессоры хотят, — говорит товарищ Сталин,— чтобы Советский Союз был безоружен в случае их нападения на него. Но Советский Союз с этим не согласен и думает, что агрессора надо встретить во всеоружии». Парад наглядно показал, что Вооруженные Силы Советской страны бдительно охраняют мирный труд народа.

После небольшого перерыва на Красную площадь вступают колонны демонстрантов. Около миллиона людей прошло в рядах этой грандиозной народной манифестации. Здесь были представители многих поколений: и те, которые свыше трех десятилетий назад закладывали основы нашего государства; и те, кто с оружием в руках отстаивал Родину; и те, кто трудом крепит ее мощь; и те, кто ныне, в послевоенные годы, впервые вступает на жизненный путь. Знамена, лозунги, плакаты, транспаранты — все говорит об этом: советские люди заняты мирным трудом, все их думы и чаяния направлены к миру.

Октябрьская демонстрация была проникнута интернациональным духом советского народа. Над площадью звучали приветствия в честь великого китайского народа, в честь героического народа Кореи, братские приветы трудящимся народно-демократических стран, здравицы Германской Демократической Республике.

Октябрьская демонстрация прошла под знаком величайшего морально-политического единства советских людей, тесно сплоченных вокруг партии Ленина — Сталина, уверенно идущих вперед — к окончательной победе коммунизма.

* * *

Вечером на площадях, улицах, в парках и скверах Москвы состоялись народные гуляния. В ознаменование Октябрьского праздника прогремели двадцать залпов артиллерийского салюта.

Новое здание Московского государственного университета в праздничном убранстве.
Фото Е. Умнова

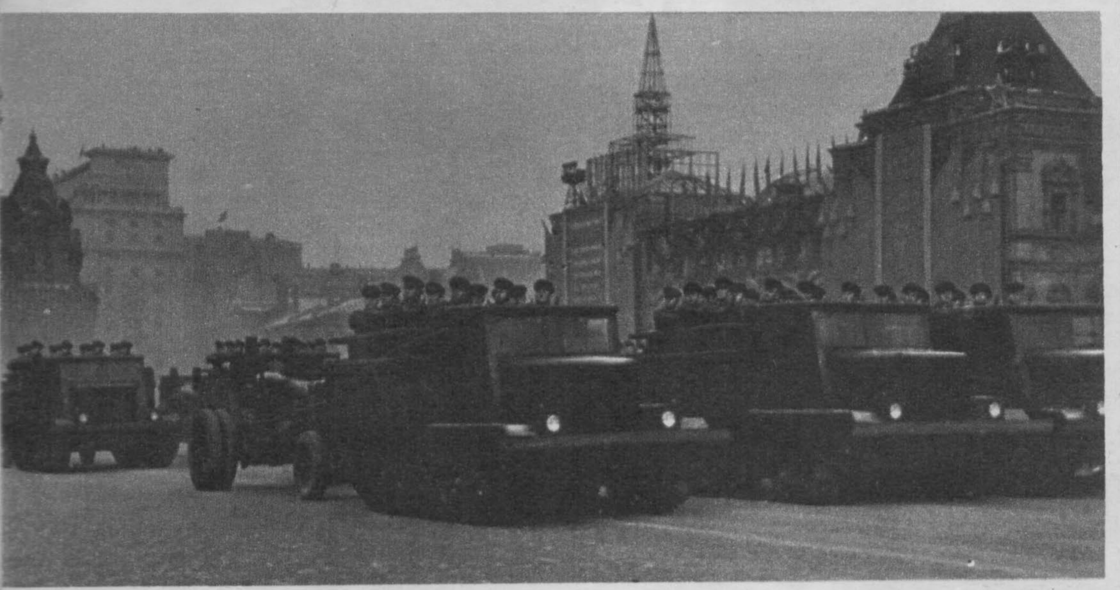
Принимающий парад Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский объезжает войска.

Москва, 7 ноября 1951 года. Парад на Красной площади.
Фото А. Гостева и М. Савина

НА ТРИБУНЕ МАВЗОЛЕЯ 7 НОЯБРЯ 1951 ГОДА.

Слева направо: товарищи П. Ф. Жигарев, С. М. Буденный, Л. А. Говоров, С. М. Штеменко, Н. Г. Кузнецов, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Р. Я. Малиновский, Н. М. Шверник, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, А. А. Андреев, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко и М. Ф. Шкирятов.

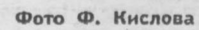

Фото Ф. Кислова

Слева и вверху: демонстрация трудящихся столицы.

Внизу: 7 ноября в Киеве. В колонне демонстрантов.

Фото М. Мельника (ТАСС)

РЯДОВОЙ ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ

А. СТАРКОВ

Прибирая в шкафу, Вера Васильевна нашла аккуратно сложенный кусок красной материи, развернула его и вспомнила, что это косынка, которую она носила лет тридцать назад. Удивительное дело, платок не выцвел, не пожелтел, был попрежнему яркий, пунцовый, словно только что с фабрики. Нефедова накинула его на голову, повязала, как когда-то, и подошла к зеркалу. И ей почудилось вдруг, что она помолодела и выглядит, как в те годы далекой юности, когда впервые надела этот платочек. Она и в самом деле, наверно, помолодела, потому что старший сынишка Леня, вернувшись из школы и увидев ее в платке, сказал:

— Ой, какая ты у нас, мама, молоденькая!

Весь этот вечер ее не покидало приподнятое настроение. Ну что, казалось бы, в этой красной косынке, в этой незатейливой вещице? А как она взволновала! Нахлынули воспоминания. Не сразу в них разберешься, и все по полочкам не разложишь: мелькает множество лиц, слышатся чьи-то голоса. Вот, оттесняя остальное, проступает в памяти какая-то картина и тут же сменяется другой...

...Детства у нее не было.

Во дворе кирпичного завода стоит огромная глиномешалка. Пара лошадей ходит вокруг нее, впряженная в дышло; оно вращает вал. Рядом с лошадьми, погоняя их, шагает крошечная девчурка. В руках длинное кнутовище. Девочке нельзя останавливаться: стоит ей чуть отстать от лошадей, как они замедляют шаг. Круг, второй, третий, десять, тридцать, сто кругов. Крутится дышло. Вал мнет глину. Еще круг, еще и еще. Лошадей меняют, а девочка продолжает ходить. Она идет так с четырех часов ночи. Ее, восьмилетнюю, поднимают в этакую рань для того, чтобы к утру, когда появляются формовщики, она успела подготовить изрядную порцию глины. Круг за кругом, круг за кругом. Опять меняют лошадей, а девочка все идет и идет.

И все-таки это лучше, чем быть подручной у формовщика, сбивать глину в комья. За день таких десятифунтовых «комочков» нужно слепить тысячи полторы, не меньше. Перебросить их с ладони на ладонь — и то руки одеревенеют. А тут каждый должен быть плотным, упругим. Попробуй замесить чуть пожиже — разъяренный мастер швырнет тебе этот липкий ком в лицо. Опухают пальцы, ломит в запястьях — перевяжешь их туго шерстяной ниткой, вроде легче становится, а потом снова ломит...

А юность была славная! Боевая комсомольская юность двадцатых годов... Можно ли забыть тебя! Можно ли забыть сарай, в котором репетировали пьесу из эпохи французской революции и который был уже не сараем, а Бастилией. Бастилию же, как известно, следовало штурмовать. И потому трещали доски ветхого сарая. Но его щадили и старались не развалить, ибо ему предстояло через полчаса превратиться в лекционный зал, где докладчик из райкома под аплодисменты всей «комсы» заклеймит «злобную гидру капитала». Потом будут песни: «Варшавянка», «Молодая гвардия», «Смело, товарищи, в ногу» и веселая, задиристая «Сергей-поп, Сергей-поп...» А еще позже, заполночь, когда стихнут последние «вихри враждебные», сарай станет учебной аудиторией, и те, кто только что горланил песни, будут тихо и робко повторять друг за другом: «У Шу-ры ша-ры, ша-ры у Шу-ры... Лу-ша ма-ла, ма-ла Лу-ша...» Это ликбез. Среди других тут и темноволосая девушка, в которой можно узнать прежнюю маленькую погонщицу с кирпичного завода. Она теперь не на кирпичном, а на металлургическом, в огнеупорном цехе, формует кирпичи для «мартына».

На голове у нее красный платочек. Она жен-делегатка. «Нашли кого выбрать, — сказал о ней мастер, — это ж тихоня из тихонь». И быстро получил возможность убедиться, какова эта тихоня. Он обругал одну из работниц, и та пожаловалась делегатке. Нефедова пошла к мастеру в конторку. Встала, гневная, на пороге:

— Сейчас же идите и извинитесь перед Ивановой.

— Че-е-го-о? — протянул мастер.

— Немедленно, говорю, идите и извинитесь. Кто вам позволил оскорблять человека? Не пожелаете извиниться, созовем женское собрание и всем миром заставим.

Глаза смотрят спокойно, ясно. И мастер понимает, что эта выполнит угрозу, что ссориться с ней не стоит...

Она и сама удивлялась: откуда берется в ней смелость, в ней, которую прежде почти никогда не оставляло чувство страха? Она боялась мастера, городового, попа. Боялась отца-пропойцу. Боялась громко говорить. Голос у нее всегда был приглушенный, тихий. Но зато с какой силой зазвучал он теперь!

Первый раз она заговорила громко, когда пришла домой с комсомольского собрания. Мать спросила:

— Ты где была? — и вздрогнула от неожиданности, услышав необычайно звонкий голос дочери:

— В комсомоле... Приняли меня...

Отец, пьяный, низко, по-бычьи опустив голову, тяжело шагнул к ней, но, перехватив ее ясный, смелый взгляд, остановился.

Тесный, душный мир, в котором она родилась и жила, наполнился вдруг светом, воздухом, стал широким, просторным. Он был бы еще шире, если б... если б она умела хорошо читать, а не так, как сейчас: «Лу-ша ма-ла, ма-ла Лу-ша»... Ленин в Москве сказал: учиться! В городском клубе выступал представитель губкома комсомола, который был в Москве на съезде и слышал, как Ленин сказал это. Вот бы самой прочитать речь вождя!..

Прочитает!

И прочитает еще много других чудесных речей и книг. А в один из вечеров она сядет за стол и напишет письмо в Свердловск, в редакцию «Уральского рабочего», письмо о женщинах, которые «хотят жить культурно, а им мешают, даже подписку на газеты не берут, говорят, что рано им газеты читать, а женщины обижаются, ведь без газеты нельзя...» Подписалась сперва так: «Стрела». Не понравилось, зачеркнула, поставила «Зоркая». Тоже не понравилось. «Активистка» — так вроде лучше. Нет, не годится. Замазала все жирной чертой и расписалась: «Нефедова», — подумала и добавила: «Делегатка». «Уральский рабочий» напечатал это письмо. Все слова были ее, редакция только точки расставила да сделала приписку: «Требуется вмешательство Златоустовской партийной организации».

...Пришел печальный январь тысяча девятьсот двадцать четвертого года. Страна хоронила Ильича. Стояли страшные морозы. Особенно свирепствовали они на Урале: птицы падали на лету, скованные стужей... Златоустовцы собрались на площади. Был траурный митинг. Люди плакали, и слезы замерзали у них на щеках. Нефедова стояла в толпе. Она слышала, как оратор сказал: «Партия, рабочий класс осиротели... Сплотимся вокруг партии!» «Сплотимся...» — повторила про себя Нефедова и непроизвольно придвинулась к соседке.

В дни ленинского призыва Нефедова стала коммунисткой. Она вошла в ряды тех, о ком товарищ Сталин сказал: «Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии». И с тех пор каждое свое движение, каждый поступок — всю себя она проверяла этими сталинскими словами. Какова ты, член партии Нефедова, достойна ли быть солдатом великой армии?

К тому времени она стала уже опытной формовщицей. Ее выбрали женорганизатором цеха. Она училась в политшколе, потом в партийном кружке. Грамотности еще было маловато. Все, кажется, понимала на занятиях, а «обобщить, сформулировать», как требовал этого руководитель, не могла. Язык становился тяжелым, слова пропадали. И вот ей поручили подготовить доклад на кружке о подъеме русского революционного движения в 900-х годах. Это случилось так неожиданно, что она даже не успела отказаться. А дома спохватилась: ой, что же это будет! Ведь ни за что не сделать доклада, только опозоришься!

Решила пойти к руководителю и попросить его, чтобы не давал пока такого сложного задания. Но пошла не к руководителю, а в библиотеку. Там ей попалась любопытная брошюра. Оказывается, за два года до петербургского «Кровавого воскресенья» было такое и в Златоусте... Об этом она и расскажет на кружке.

Расспросила мать — та знала о расправе, которую учинил уфимский губернатор над златоустовскими рабочими. Они пришли к дому горного начальника, чтобы потребовать освобождения двух арестованных забастовщиков; демонстрантов подпустили поближе и расстреляли... Нефедова нашла в краеведческом музее большевистскую листовку, посвященную событиям в Златоусте.

Словом, доклад получился на славу. Все остались довольны. Руководитель похвалил.

— Товарищ Нефедова, — сказал он, — научилась обобщать и формулировать.

Примерно в ту же пору, году в двадцать шестом, приключилась с ней история, о которой и сейчас вспоминать стыдно.

На окраине города поселился «ворожей-чернокнижник». Слух о нем пополз из дома в дом. Подружки Нефедовой собрались к ворожею и ее с собой позвали.

— Вера, — говорят, — пойдем, судьбы пытать не будем, только поглядим.

И она пошла. Зачем? А она и сама не знала, зачем. Посмотреть... Колдун оказался не дряхлым старцем, как она думала, а безбородым, щекастым мужиком лет сорока. Деньги он брал и с тех, кому гадал, и с тех, кто лишь смотрел на гаданье.

Вера возвращалась с ворожбы с таким ощущением, будто ее выкупали в чем-то липком.

Это было во вторник, а в субботу проходило районное собрание партийного актива. Нефедова, как член райкома, сидела в президиуме. Секретарь райкома делал доклад о коммунистическом воспитании. Он говорил о «родимых пятнах капитализма, которые очень живучи». О «слабой идейной закалке наших кадров». О «враждебных силах, которые используют каждый наш промах».

— Вы, наверно, слыхали, товарищи, о колдуне, который появился в наших краях. Люди идут к нему, и, значит, мы плохо работаем с этими людьми. Идут не только неграмотные старухи. Идет молодежь. Больше того, некоторые коммунисты побывали у этого жулика и даже кое-кто из членов райкома.

Секретарь не назвал фамилии Нефедовой. Но ей казалось, что весь зал смотрит на нее. И тогда она вышла к трибуне и сказала:

— Член райкома, о котором говорил наш секретарь, — это я, Нефедова. Мне очень стыдно перед вами, товарищи коммунисты. Я прошу вывести меня из состава районного комитета, как не оправдавшую доверия.

Но ее просьбу «не уважили». Ей сказали: ты ошиблась, мы тебя чуточку подправили. Еще раз ошибешься, не обижайся — подправим посильней. Партийка ты молодая. Учись!

Она училась и за партой и у жизни.

За партой: кружки, партийные курсы, четыре года в вечернем районном комвузе. В ее зачетной комвузовской книжке значатся отметки: по истории ВКП(б), истории народов СССР, ленинизму, родному языку, математике, географии, политэкономии, теории советского хозяйства, партийному строительству, новой истории.

А вот уроки, полученные ею у жизни.

Мобилизация на уборочную кампанию в деревню: шла одна из самых первых колхозных осеней, горячая, боевая пора первых колхозных побед... Работа в окружной контрольной комиссии: борьба за единство и чистоту нашей партии, против ее врагов... Депутатская деятельность: строятся жилые дома, мостятся и заливаются асфальтом дороги, вспыхивают на темных улицах огни электрических фонарей...

Она была попрежнему женорганизатором. Женщины часто жаловались ей: «Не пускают к станкам, к механизмам». Пошла в партком. Вопрос поставила так: завод оснащается новой техникой, осваивает ее, а женщины — в стороне от этого большого дела. Неверно это!

Секретарь парткома согласился с ней.

— Вот что, — предложил он, — начните, Нефедова. Покажите пример.

Она не сразу поняла, о чем идет речь. Он пояснил:

— В прокатных цехах не хватает машинистов, электриков. Мы попросим администрацию перевести вас туда. Пойдете?

— Пойду, — сказала она.

Возвращаясь в цех, думала: ты формовщица, всю жизнь возишься с глиной, с кирпичами. А там моторы, электричество! Не слишком ли ты поспешила с ответом? Нет, не поспешила.

В прокатке ее встретили сдержанно. Электрик, в распоряжение которого она поступила, был человек хмурый, замкнутый. Он сухо объяснил ее обязанности машиниста в будке управления и счел на этом свои функции исчерпанными. В душе он, конечно, считал, что управлять моторами не женское дело, но вслух этого не высказывал.

Электрик не иронизировал над Нефедовой, над ее неловкостью, над ее промахами, он просто не замечал ее и часто делал то, что делать должна была она. Всем своим скептическим видом он как бы говорил: «Ну, что ж, такая уж мне выпала морока, у других помощники, а у меня помощница...» Однажды, когда его не было в будке, Нефедова ошиблась, неправильно включила мотор и чуть не сожгла его. Прибежал электрик. Он не ругался, не кричал. Он молча отстранил ее локтем, встал к мотору, и это было еще обидней.

Была б она в будке одна, наверно бы, расплакалась... Первая мысль — уйти отсюда, вернуться в огнеупорный. А что подумают люди? «Не смогла, сбежала». Ну и пусть думают. Но как же так — пусть? Разве это — только твое личное дело? Разве секретарь парткома не сказал: «Начните, покажите пример»? Она пришла сюда для того, чтобы вслед за ней пришли другие женщины. Как же можно уйти? Нет, она не уйдет.

Среди электриков цеха был коммунист Титанов. Нефедова не была с ним знакома, но видела его несколько раз на партийных собраниях. Выступал он редко. А если уж брал слово, говорил дельно, веско. Может быть, попросить его, чтобы подучил немного? Неловко, пожалуй: человек все-таки незнакомый. Незнакомый-то незнакомый, но ведь не посторонний — коммунист! Должен помочь. И Нефедова пошла к нему на участок. А он ей на пути встретился.

— Я к вам, — сказал Титанов. — Дали мне партийное поручение — заняться с вами, подучить малость. Если, конечно, не возражаете...

Славное партийное поручение!

Титанов научил ее работать во всех будках управления: и в тех, где управляют толкателями нагревательных печей, и в тех, которым подчиняются рольганги, и в тех, откуда командуют салазковыми пилами, разрезающими прокатанный металл... Потом она перешла на краны. А потом в машинный зал! Это событие совпало с другим: ее выбрали партгруппоргом.

Домой она приходила поздно: собрания, кружки, консультации в партийном кабинете. Муж давно уже дома — ждет ее. Он старший канавщик в мартеновском цехе, его очень ценят как специалиста. Человек хороший, душевный, но есть у него один «пунктик»: не одобряет пристрастия жены к общественной работе. Сперва относился к этому иронически, подшучивал. А тут начал сердиться. Не выдержал, упрекнул:

— Где ты вечно пропадаешь? Ты хозяйка, мать, у тебя дети....

— Детьми не кори, — сказала она. — Я их лаской да заботой не обделяю. Ты знаешь это и попрекаешь зря... На цепь не посадишь. Не дамся.

Ее огорчало, что муж мало читает, не учится и интереса у него к этому нет. Сколько времени зря теряет! Ведь молодой еще, учиться бы и учиться...

— Мне моих четырех классов вполне достаточно, — говорил он. — На работе пока не хают.

— Вот именно — пока...

Однажды, придя домой с собрания, она не застала Михаила.

— Папа был?

— Был, торопился, убежал, — доложил обстоятельный Леня.

Вернулся Михаил часам к одиннадцати. Подмышкой книги, из кармана торчит тетрадь. Вид растерянный, встревоженный.

— Ты чего такой?

— Будешь таким...

— Никак, учиться заставили?

— Заставили, Вера... В школе мастеров.

Он и не подозревал, кто тут приложил руку. Он и не догадывался, что его Вера, встретив на днях парторга мартеновского цеха, спросила:

— Почему вы Киреева на учебу не посылаете? У человека и способности есть и желание.

Парторг удивленно посмотрел на Нефедову. Еще раз взглянул на нее и понял.

— Пошлем, — сказал он. — Мы как раз получили путевки в школу мастеров.

Так ее муж начал учиться.

Это было перед самой войной. А в войну, на четвертый ее месяц, Вера Васильевна проводила мужа в армию.

Он писал — сначала с Дальнего Востока, потом из-под Орла, из Белоруссии, из Польши. Даже по этим коротеньким, скупым, словно боевые донесения, письмам видно было, как вырос, как изменился ее Михаил. Вот он рядовой минометчик, а вот уже командир расчета... Вступил в партию...

Было одно письмо, необычно большое, написанное разными карандашами. Видимо, писал на привалах. «Наступаем... Пора у нас горячая. Преследуем зверя в его логове. Писать хоть и некогда, но все-таки пишу, так хочется поговорить с тобой. Все время думаю о тебе, о ребятишках. Я много повидал и пережил за эти годы, на многое стал смотреть иначе. Как жаль, что учиться начал только перед самой войной... Останусь живой, жить буду совсем по-иному. Ты мне поможешь...»

Потом пришло совсем коротенькое письмецо. В конверт была вложена вырезка — заметка из армейской газеты: «Партийная работа в наступлении». Подпись: «Парторг роты минометчиков старшина Михаил Киреев». И больше писем не было...

...Нефедова в машинном зале. Она здесь совсем другая, чем, скажем, дома, — притихшая, сосредоточенная, словно приготовившаяся к совершению какого-то торжественного обряда.

Только что она «приняла вахту у машиниста Татьяны Федоровны Терентьевой». Так записано в журнале приема и сдачи смен. Но для нее эта Татьяна Федоровна всегда будет Танюшкой, какой она впервые увидела ее. Эта девочка приехала из осажденного Ленинграда, города, в котором Нефедова никогда не была, но о котором так много знает теперь по рассказам Тани. У них есть договоренность: вот закончит Татьяна в будущем году школу рабочей молодежи и поедет в Ленинград сдавать экзамены в юридический институт. Поедет тогда с ней в отпуск и Вера Васильевна.

Легко, неслышно, словно на цыпочках, ходит Нефедова по машинному залу.

Перелистала журнал дежурства, взглянула на приборы, нагнулась над мотором, потом подошла к двери, которая ведет в цех, распахнула ее. Лисицын, мастер прокатного стана «260», сразу увидел Нефедову и приветственно поднял руку. У нее с Лисицыным старая дружба. Правда, начиналась эта дружба несколько необычно.

Рисунок В. Климашина

Машинист — у моторов, мастер — у прокатного стана. Первый дает жизнь машине, второй управляет ею. Работают вроде вместе, а по существу врозь. Так было заведено: машинист не вмешивается в дела мастера, а тот «не мешает» машинисту.

И поэтому Лисицын немало удивился, когда Нефедова подошла однажды к стану и сказала:

— Стан идет тяжело. Съедает много энергии. Он у вас, наверно, зажат, распустите его...

Лисицын рассердился, но произнес сдержанно:

— Я до сих пор считал, что ваше рабочее место вон там, — и показал в сторону машинного зала.

— Мое рабочее место — цех, завод...

Лисицын — коммунист. Почувствовал, что неправ.

— Ладно, — сказал он, — договоримся.

Основа для согласия была простой и ясной: чем лучше отрегулирован стан, тем меньше нагрузка на мотор, а, значит, остаются резервы мощности, и за счет этого можно больше прокатать металла...

...Тихо в машинном зале. Нефедова смотрит на часы — восьмой. Значит, Танюшка уже на сессии городского совета. А Леня? Леня дома, готовится к докладу. Ему поручено доложить на заседании кружка юных историков о революционном прошлом Златоуста. Роясь в «мамином архиве», он нашел две записи о событиях 1903 года. «Ого, использую!» А Сережка? Сережка известно где. Небось, не пришел еще с озера.

Стоит Вера Васильевна посередине машинного зала и улыбается. Вспомнилась ей вчерашняя находка: красный платочек...

И вот я в Москве!

Беседа с ответственным секретарем Американского славянского конгресса Г. Пиринским

— Итак, я в Советском Союзе, в Москве. Выхожу на площадь Свердлова, иду Охотным рядом и улицей Горького и все повторяю себе: ну, конечно же, я в Москве!

То, о чем мечталось в американской тюрьме на острове Слез, осуществилось: я увидел Москву!

Так начал свой рассказ известный американский общественный деятель Георгий Пиринский. Юношей, после фашистского переворота в Болгарии в 1923 году, он бежал в Америку, надеясь найти здесь вторую родину. Молодой Пиринский тогда еще не представлял себе, что в стране хваленой «демократии» он тотчас после приезда попадет в черный список, безработным будет скитаться по бесконечным дорогам Америки, окажется за тюремной решеткой.

В годы второй мировой войны Георгий Пиринский — один из создателей Американского славянского конгресса.

— Я всегда буду гордиться тем,— говорит Пиринский,— что в Нью-Йорке на пятнадцатитысячном митинге в Медисон-сквер гардене мне выпала честь читать телеграмму И. В. Сталина, приветствовавшего Третий американский славянский конгресс.

Пиринский — активный участник всех четырех съездов Конгресса, объединившего вокруг себя широкие массы прогрессивных американцев славянского происхождения.

— Скажите, пожалуйста, сколько раз вас арестовывали в Соединенных Штатах?

— Шесть. Один раз — это было в 1935 году в Детройте — за то, что я будто бы посетил Советский Союз. Но тогда я лишь мечтал о такой поездке, осуществленной только теперь.

— Почему же вас все-таки арестовали?

— Должно быть, департамент юстиции был уверен, что рано или поздно я осуществлю это свое желание. Они, так сказать, хотели меня наказать авансом. Что ж, департамент юстиции в конечном счете не ошибся, и мне трудно обвинять его: ведь сегодня я в Москве! Потом меня арестовывали в Чикаго за выступление на антифашистском митинге. Потом за участие в движении сторонников мира.

В конце июня 1949 года «комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» опубликовала «доклад» об Американском славянском конгрессе. В нем с серьезным видом объявлялось, что Американский славянский конгресс — это... подрывная организация. Еще до того, как Джон Вуд, председатель «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» палаты представителей, подписал этот «доклад», против Пиринского был возбужден судебный процесс.

— В чем же вас обвиняли?

— В том, что я якобы призывал... к свержению американского правительства! В качестве «доказательств по делу» были привлечены труды Ленина и Сталина и «Краткий курс истории ВКП(б)».

Суд состоялся в Нью-Йорке. Я защищался, отстаивал право иметь свои убеждения; я говорил, что меня судят за участие в движении сторонников мира. Судьи это, конечно, сами хорошо знали.

Я был снова арестован и сослан на Эллис айленд, прозванный островом Слез, где меня заботливо упрятали в тюрьму.

— Расскажите, пожалуйста, что сегодня представляет собой остров Слез?

— Это маленький остров близ Нью-Йорка. Большое четырехэтажное здание тюрьмы отгорожено от внешнего мира двумя рядами колючей проволоки. Высота этой ограды — четыре метра. В тюрьме есть и одиночные камеры и большие отделения на двести—триста и даже четыреста человек. Как правило, заключенные Эллис айленда ожидают высылки из США. Здесь можно встретить людей всех возрастов и всех наций. Некоторые томятся там по два—три года с женами и детьми. Я встретил в тюрьме одного молодого рабочего-португальца; он попал на остров Слез за то, что собирал подписи под Обращением за Пакт Мира. Из тюрьмы он был отправлен на самолете в Португалию, прямо в лапы Салазара.

— Что особенно запомнилось вам из пребывания на острове Слез?

— Никогда не забуду 7 ноября прошлого года,— живо отвечает Пиринский.— Этот день я провел в камере, которую мы, заключенные, называли «отделением Маккарэна»: в ней сидели люди, вся «вина» которых была в том, что они позволили себе думать о войне и мире не так, как думает мистер Ачесон. Чтобы попасть в «отделение Маккарэна», надо было пройти четыре массивные железные двери.

И вот мы, семнадцать сторонников мира, сидевшие там в ожидании решения судебных властей, начали заблаговременно готовиться ко дню 7 ноября. Убрали камеру, заранее расписали весь праздничный день. Накануне друзья из Нью-Йорка передали нам посылки. В полдень мы открыли в камере митинг. Первым взял слово Фердинанд Смит, бывший секретарь профсоюза пароходных служащих. Он сказал: «Вы все знаете: 7 ноября — это великий и очень радостный день для каждого белого, желтого, черного человека, где бы он ни был: в тюрьме или на свободе. Верно, мы в тюрьме, мы на острове Слез. Но наши глаза улыбаются потому, что наш дух и наши идеи не могут быть заключены в тюрьму...»

Один из моих товарищей, имени которого я назвать не могу по вполне понятным причинам, говорил о значении Октябрьской революции для негритянского народа. Другой наш товарищ пел «Широка страна моя родная». Я говорил о роли Советского Союза в борьбе за мир. Потом мы пели «Интернационал».

Мы стояли в камере, крепко взявшись за руки, и пели громко, во весь голос, международный гимн трудящихся. Тюрьма острова Слез, притихшая и торжественная, слушала нас...

Вскоре после этого меня под охраной привезли в Нью-Йорк к судье Бонди. Это был старый, глухой, желчный человек. Он осмотрел меня с головы до ног и спросил:

— Вы Пиринский?

— Да.

— Что вы будете делать, если Советская Армия нападет на Соединенные Штаты?

Георгий Пиринский.

— Этого не может быть, господин судья,— отвечал я.— Советская Армия никогда не нападет на Соединенные Штаты.

— Почему вы так думаете? Россия нападет на нашу страну.

— Нет, это невозможно,— повторил я.— Дело в том, что Советская Армия — это не империалистическая армия, а армия мира.

Судья рассердился:

— Отвечайте на вопрос: что вы будете делать в случае нападения Советов?

— Господи, да этого же не может быть!

Судья рассвирепел.

— Отвечайте: да или нет? — закричал он с глазами, налитыми кровью.

Тогда я тоже рассердился и крикнул:

— Нет!

— Что нет? — орал Бонди.

— Я не буду воевать против Советского Союза!

Меня снова увезли на остров Слез. По дороге мне удалось достать «Нью-Йорк таймс». К своему немалому удивлению, я прочитал в этом номере заявление сенатора О'Коннэра. «Я удивляюсь,— говорил О'Коннэр,— тому, что такие подрывные элементы, как Пиринский, свободно расхаживают по Нью-Йорку. Пиринский — один из руководителей опаснейшей организации».

В тюрьме, еще раз прочитав излияния сенатора, я решил послать О'Коннэру ответ. Я написал: «Дорогой сенатор! Я ознакомился с вашим заявлением в сенате, опубликованным в «Нью-Йорк таймс». Во-первых, хочу сообщить Вам, что я, к сожалению, не расхаживаю по Нью-Йорку, а сижу в тюрьме на Эллис айленд. Во-вторых, — думаю, что вам тоже интересно будет узнать, — я горжусь тем, что являюсь ответственным секретарем Славянского конгресса. В-третьих, мне думается, вам небесполезно вспомнить, что говорил президент Рузвельт, руководитель партии, к которой вы принадлежите, о Славянском конгрессе. Он сказал, что Америка гордится американцами славянского происхождения, потому что они настоящие патриоты.

Прочитав ваше заявление, я пришел к выводу, что в вашем поведении есть нечто общее с поведением Форрестола. Я был бы очень огорчен, если бы узнал, что Вы кончили так же, как он. Но боюсь, что вы кончите именно так, если не пересмотрите своих взглядов».

Я не знаю, было ли вручено мое письмо адресату, но ответа от сенатора, конечно, не последовало...

В Соединенных Штатах и сегодня продолжают преследовать прогрессивные славянские организации. В Чикаго, в Нью-Йорке, Детройте, Питтсбурге многие славяне — сторонники мира — арестованы. Многих увольняют с работы. Их хотят запугать репрессиями, их хотят заставить отказаться от своих убеждений.

— Но движение за мир в США ширится, несмотря ни на что,— говорит Пиринский.— Меня и многих других сторонников мира выслали из США. Но я уверен, что это не запугает миллионы американских славян и весь американский народ, жаждущий мира.

— Теперь вы вернулись в Болгарию. Расскажите, пожалуйста, о ваших впечатлениях.

— Болгарский народ свободен. Он строит социализм с помощью Советского Союза. Софии я не узнал: это счастливый город счастливых людей. Мои соотечественники оказали мне большую честь, избрав заместителем председателя Болгарского комитета защиты мира.

Судьба привела меня в Москву в дни тридцать четвертой годовщины Великой Октябрьской революции,— говорит в заключение Пиринский.— Это для меня вдвойне радостно, ибо знамя Октября, поднятое в 1917 году, осеняет сегодня миллионы и миллионы честных борцов за мир, дружбу народов и счастье человечества.

Народный художник Узбекской ССР, мастер художественной вышивки Фазилат Саидалиева работает над панно «Борьба за мир».

Фото Г. Зельма

Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР Абдулхак Абдуллаев показывает директору Музея искусств художнице Шамсрой Хасановой свои работы.

Фото Я. Рюмкина

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ!

Недавно мы побывали в Кадиевке, в горнопромышленной школе № 19, где обучаются будущие шахтеры — проходчики, забойщики, крепильщики.

В те дни здесь готовились к приему пополнения. В канцелярии нам показали пачку писем, полученных из различных областей Украины. Юноши просят подробней рассказать о школе, об условиях учебы и жизни в ней. Отвечают на эти письма воспитанники школы, работающие ныне на шахтах Кадиевки. Один из таких ответов мы предаем гласности:

«Незнакомые мои друзья Василий, Павло и Афанасий!

Решил написать вам, потому что мы с вами земляки. Я тоже из Каменец-Подольской области, из-под Проскурова. Тут наших, каменец-подольских, полно. Вот два моих самых больших приятеля — Миша Кравчук и Сергей Чайка. Они почти соседи ваши, один — из Иршиков, другой — из Ладыг. Оба, как и я, забойщики. Дружу я еще с крепильщиком Володей Павицким. Он житомирский. Мы тут все подобрались не из хлипких, ну а этот по силе двум равен... Но я забежал вперед и начал вам рассказывать о своих друзьях. О них — ниже.

Вот уже год, как мы в Кадиевке. Это город знаменитый. Здесь зародилось стахановское движение.

Помню, перед началом занятий нам показали Кадиевку. Проводил экскурсию Александр Иванович Дорофеев — помощник директора школы по культурно-массовой работе. Он местный уроженец, сын забойщика. Собирался, окончив десятилетку, учиться на горного инженера. Но пришлось воевать. Был он летчиком-истребителем. Сопровождал наших бомбардировщиков в полетах на Берлин.

— Смотрите, какой у нас город! — говорил нам Александр Иванович во время экскурсии.— Вот Дворец культуры, такой и Москве подстать. Вот стадион, столичным не уступит. Вот кино «Стахановец» — красивое здание, правда? А там, вокруг города, шахты. Видите красные звезды на копрах? По вечерам, если шахта план выполняет, они зажигаются. Эти звезды, когда горят, похожи на кремлевские, рубиновые...

Мы вышли на центральную площадь города. Она вся в деревьях, в цветах. Среди зелени — черный обелиск. Он установлен над братской могилой горняков, погибших в дни оккупации.

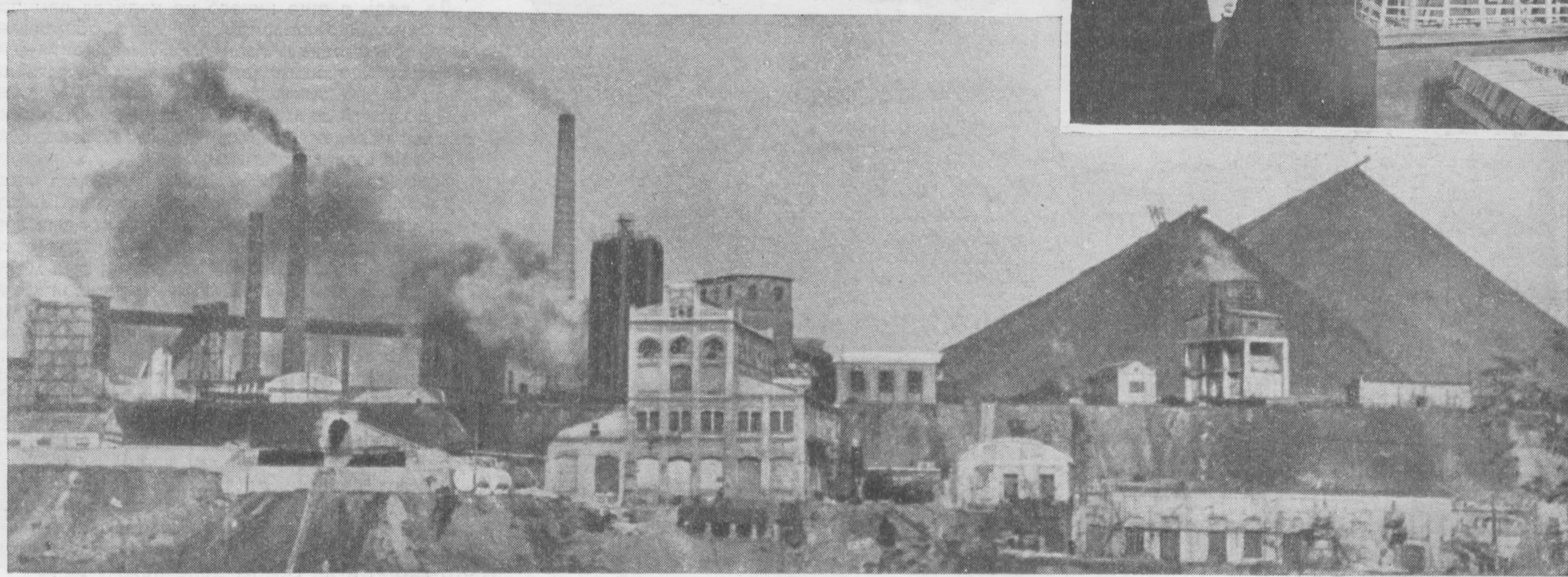
— Здесь лежат наши герои,— сказал Александр Иванович, и мы обнажили головы.— Тут Сережа Насонов, мой дружок, работавший в подполье. Много здесь лежит хороших людей... Они не сдались врагу. Они боролись за ваше счастье, ребята! Так любите же наш город, возрожденный из пепла, не осрамите его шахтерской чести,— закончил Дорофеев, и мы еще долго стояли молча около могилы.

Выпускники горнопромышленной школы № 19 (слева направо): Сергей Чайка, Михаил Кравчук и Владимир Павицкий.

А вечером того же дня с нами беседовал директор школы Василий Арсеньевич Мясниченко. Он шахтер с тринадцати лет, начинал с

— Здесь ты будешь работать! — говорит директор горнопромышленной школы № 19 Василий Арсеньевич Мясниченко, показывая макет шахты Ване Фурцеву, принятому в школу.

Шахта имени Ильича, где работают выпускники горнопромышленной школы № 19.

Михаил Кравчук в забое.

Когда мы спустились в настоящую шахту, мы уже знали ее по макетам, по схемам. Мы уже имели понятие об основных законах горного дела. Нас нельзя было заставить плечами поддерживать «кровлю», как сделал это кулак Свиридов с героями романа «Донбасс» Бориса Горбатова. Пусть наши первые шаги по шахте были не очень уверенными, но она не казалась нам таинственной и страшной.

Мы начинали работать, обогащенные опытом наших предшественников. Нет ничего удивительного, что к концу обучения мы выполняли нормы шахтеров пятого разряда! Многие начальники участков, где наши ребята были на практике, просили прислать их после выпуска. Миша Кравчук работает, например, на том участке, где учился. За первую же неделю он заработал 2 тысячи рублей. Миша — лучший из нас. Но и «середнячки» получают в месяц не меньше трех тысяч... Между прочим, мы еще в период обучения зарабатывали неплохо. Еще учениками, мы выдали на-гора́ 18 тысяч тонн угля.

Тут недавно собрались мы коллективно в город за покупками. Подобралась целая компания. Составили списки, что кому нужно, и отправились по магазинам. Главным советчиком в покупках был Кравчук. Он человек хозяйственный, к тому же работал до школы несколько месяцев в райфинотделе и хорошо знает счет копейке. Обратно ехали на машинах: много накупили! Каждый приобрел пальто, костюм, ботинки, несколько шелковых рубашек, галстук. Это — как обязательное. А затем пошли индивидуальные запросы. Володе

профессий, каких и в помине сейчас нет. Был он «выборщиком» — отбирал породу от угля, «отгребщиком» — отбрасывал уголь из забоя, «саночником» — таскал на карачках тяжелые ящики — «санки» — с углем. Василий Арсеньевич был комсомольцем в гражданскую войну, четверть века он в большевистской партии. Работал забойщиком, проходчиком, крепильщиком. Учился на рабфаке, в институте. К тридцати пяти годам стал инженером. А нынче его сын, которому нет и двадцати лет, уже на втором курсе Горного института.

Много интересного рассказал нам директор о горняцкой профессии. Он напомнил слова Владимира Ильича Ленина о том, что уголь — хлеб промышленности. А шахтеры добывают этот хлеб. Большая сила — шахтеры!

Потом пошли дни учебы. Школа имеет свою шахту. Правда, она не настоящая — учебная. Во дворе устроены в натуральную величину штреки, лава, проложены пути, стоят компрессоры, вагончики, транспортеры. А в кабинете горной техники собраны все машины и механизмы, которые применяются сейчас на шахтах. Есть тут и модель горного комбайна «Донбасс» — чудесной советской машины, которая сама производит зарубку, отбойку и навалку угля. А на отдельном стенде лежат обушок, кайло и лопата — предметы, отходящие в прошлое.

Хорошо поработал — хорошо заработал! Крепильщик Владимир Павицкий у кассы.

Павицкому долго выбирали и наконец выбрали гармонь. Сергей Чайка набрал книг. И все мы купили букет цветов нашей Егоровне.

Да, ведь я еще ничего не написал вам про Егоровну. Это комендант нашего общежития Марфа Егоровна Агеенко. «Комендант» — не то слово. Не комендант Егоровна, а мать наша... Кто не знает ее в Кадиевке! Известна она, пожалуй, всему Донбассу. О ней до войны книжку написали. Многие годы работала Егоровна на шахте откатчицей.

Перед войной Марфа Егоровна была в числе знатных шахтеров на приеме в Кремле. Выступала там, обещала воспитывать молодых горняков. И, вернувшись в Кадиевку, стала организатором образцового общежития для молодежи, работающей на шахтах. Написала письмо в столицу, просила помочь. И вскоре из Москвы пришел вагон с мебелью для общежития, в том числе рояль, большие часы и зеркало-трюмо для красного уголка. В годы оккупации шахтеры сберегли эти вещи, и когда снова открылось общежитие, они были водворены на свои места. Стоит ли говорить, как ценим, как храним мы эти вещи!..

Так мы живем. Хорошо живем! И так сроднились за год с Кадиевкой, что говорим о себе: мы из Кадиевки! Приезжайте к нам!

Жму ваши руки пока на расстоянии. Думаю, что скоро и на самом деле пожму их...»

А. ЛАЗАРЕВ

Забойщик Сергей Чайка идет на работу.

АМЕРИКАНЦЫ В ИНДИИ

Из путевых заметок

Ив. ПОЛТАВСКИЙ

С американцами, делающими бизнес в Индии, мы неожиданно встретились еще в Каире.

После трехдневного пребывания в столице Египта нам удалось приобрести билеты на самолет, идущий в Бомбей через Бахрейнские острова. Самолет принадлежал индийской компании «Эйр Индия». В каирской конторе этой компании нам сказали, что самолеты ведут индийские летчики и пассажиры обслуживаются «чисто по-индийски».

— Мы успешно конкурируем с американскими и английскими воздушными линиями,— говорил нам молодой индиец, оформлявший билеты.— За последний год наша компания не имела ни одной серьезной аварии, а другие самолеты, особенно американские, частенько «теряют» своих пассажиров где-нибудь в Аравийской пустыне или в Персидском заливе...

Как бы иллюстрируя его слова, на стене висела реклама американской авиакомпании. На рекламе был изображен летящий высоко в небе четырехмоторный самолет, а внизу пески пустыни и на них — следы босых ног человека. Большими буквами из угла в угол начертано: «Пользуйтесь услугами нашей компании».

— Вот ваши билеты! Как только войдете в самолет, считайте себя в Индии! — приветливо сказал нам индиец.

К сожалению, нам не пришлось сразу «считать себя в Индии». На аэродроме нам сначала сказали, что самолет запаздывает, затем поведали, что рейс отменяется, а через полчаса предложили лететь в Бомбей на другом самолете, принадлежащем... американской компании «Транс-уорлд эйрлайнс».

— Билеты ваши действительны. Завтра вечером будем в Бомбее, разумеется, если ничего не случится. О'кэй! — говорил нам, не вынимая трубки изо рта и рук из карманов, человек в полувоенной американской форме.

Пришлось согласиться. Мы опаздывали, явно опаздывали в Дели на технические конференции. Мы опаздывали еще и потому, что в Вене английские военные власти задержали на несколько дней выдачу пропусков, хотя у нас и были визы английского посольства в Москве...

В самолете две американского пошиба «воздушные хозяйки» всю дорогу предлагали нам американские сигареты, «кока-кола» и, конечно, жевательную резинку, пахнувшую газолином. При этом «воздушные хозяйки» задавали нам по десять — пятнадцать самых разнообразных вопросов в минуту, прикрываясь плохо разыгранной женской любознательностью.

Под предлогом создания «уюта» для пассажиров самолеты компании «Транс-уорлд эйрлайнс» явно превращены в летающие офисы американской тайной полиции — за десятки тысяч километров от главной резиденции гуверовского «Федерального бюро расследований». И делается это с назойливостью, переходящей в открытую наглость...

Позже мы узнали, что вылет самолета «Эйр Индия» из Каира вовсе и не отменялся. Этот самолет прибыл в Бомбей на два часа раньше нас. Дело в том, что «Эйр Индия» находится в зависимости от «Транс-уорлд эйрлайнс». Последняя еще 19 декабря прошлого года разослала многим транспортным компаниям Индии директиву, подписанную неким Бенсоном. «До нашего совета,— говорилось в этой директиве,— не принимайте никакого груза или пассажиров, принадлежащих к нижеуказанным странам». И в приложенном списке значились: Советский Союз, Китайская Народная Республика, Чехословакия, Польша и другие страны народной демократии.

«Директива» Бенсона, несмотря на ее секретность, была опубликована в индийской прессе. Она вызвала бурю негодования среди прогрессивной общественности страны. Люди различных политических взглядов были крайне возмущены этим вопиющим вмешательством в дела Индии.

«Это письмо — вызов, брошенный внешней политике Индии, которая выступает как раз против того, что приказывает Бенсон»,— писала газета «Дели таймс».

«Кто такой Бенсон? Кто уполномочил его ссорить нас с нашим великим и дружественным северным соседом? Кто дал этому янки право издавать такие скандальные приказы индийским компаниям?» — спрашивала бомбейская газета «Кросроудз».

«Индийский народ борется за мир и национальную независимость не для того, чтобы вместо британских вице-королей у нас хозяйничали американские бизнесмены»,— говорил на митинге в Калькутте студент Чендар.

В Бомбее, на Золотом рынке, в самом оживленном восточном районе города, бродят группами, по три — четыре человека, американцы. Все они в форме летчиков или моряков. Один держит в руках огромный чемодан и ходит молча, настороженно, несколько в стороне от своих товарищей. Остальные весело зазывают:

— Имеются авторучки «Паркер-51», нейлоновые чулки фирмы Дюпон, сигареты «Кэмэл», различные редкие медикаменты!

На первый взгляд это мелкий рыночный бизнес. На самом деле — хорошо организованная контрабанда, наносящая немалый вред индийской торговле. В контрабандной спекуляции участвуют иногда крупные американские фирмы. В обход таможен они сбывают индийским торгашам огромное количество лежалых американских товаров. В Бомбее нам рассказывали, что в числе прочего американцы завозят в страну контрабандой большое количество вредных наркотиков: кокаин, морфий, опиум.

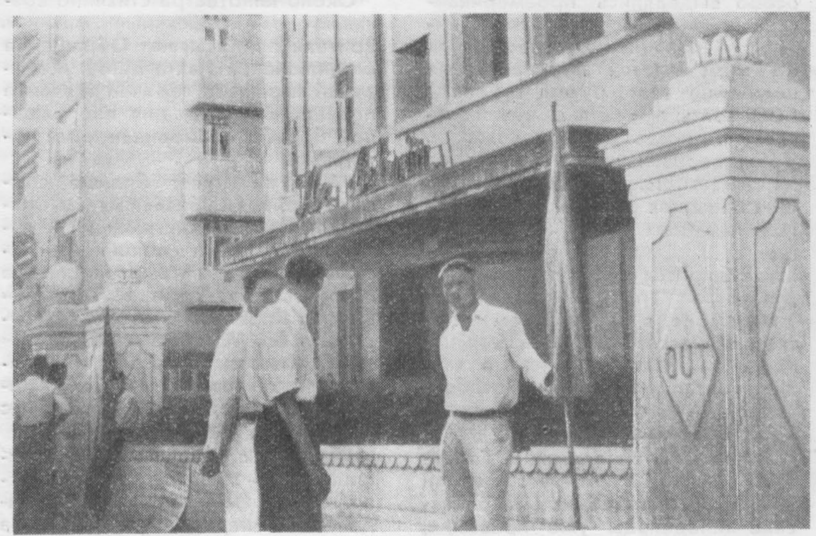
Но все же это мелкий бизнес по сравнению с той чудовищной спекуляцией, какую запланировали Ачесон и Даллес в связи с голодом в Индии.

Искусственный раздел Индии британскими империалистами среди других тяжелых для народных масс последствий вызвал в стране жестокий голод. Нам пришлось видеть опухших от голода людей в Амритсаре и в Нагпуре, в Калькутте и в Бомбее, в Бенаресе и в Майсуре. Особенно запомнились толпы голодных в Калькутте. На центральной площади города — Майдане — стоит огромный памятник лорду Керзону. На памятнике начертаны высокопарные слова лорда: «Если мы утеряем Индию, закатится солнце нашей британской империи». А под памятником — семья бездомного беженца. Мать, отец, трое детей, все едва движутся от голода. Они бежали из Восточной Бенгалии, включенной в Пакистан, бежали, спасаясь от мусульмано-индийской резни, разжигаемой англичанами...

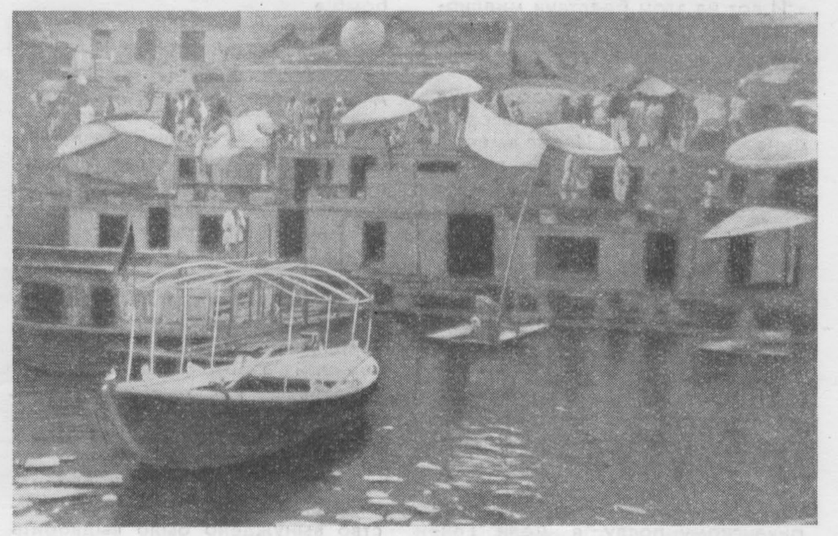
Трудно забыть тысячи голодных в Бенаресе, пришедших умирать в «священный город». Люди лежат на каменной набережной Ганга и ждут смерти. Вот бродит полуголый человек, вымазанный мелом. Это священник. Он ищет уже умерших, чтобы сжечь их на простом костре и прах выбросить в Ганг. Когда проходишь по этой набережной, тысячи рук протягиваются со всех сторон и слышатся слабые, стонущие голоса...

А в Бомбее, красивом городе с широкими бульварами, асфальтированными площадями, роскошными особняками и фешенебельными гостиницами, ночью трудно пройти по улице. Все тротуары, проезды и бульвары заполнены бездомными людьми. Они спят прямо на асфальте, на камне, прикрывшись от комаров обрывками бумаги.

Есть в Бомбее огромная арка, называемая Воротами Индии. Она сооружена на том месте бомбейской набережной, куда ступила в 1911 году нога британского короля. Днем тут любят отдыхать на скамейках богатые купцы, любу-

Пикет бастующих служащих бомбейской гостиницы.

На набережной Ганга в Бенаресе. Камеры, где днем сжигают трупы умерших, а ночью ютятся бездомные люди.

ясь морским приливом, гонкой яхт, силуэтами английских и американских военных кораблей. Вечером на этой же скамейке вы можете увидеть, например, устроившегося на ночь врача, получившего высшее образование в

Англии. Он работает в одной из частных больниц Бомбея, но заработка хватает только на пропитание; жилья на эти деньги себе не обеспечишь.

Миллионы людей в Индии ежегодно умирают от голода. Голод порождает гигантское распространение эпидемических и других массовых болезней. Вот некоторые статистические данные, взятые из официального индийского ежегодника:

«30% населения Индии не имеет достаточно пищи, а другие 30% употребляют вредную пищу».

«От всевозможных заболеваний в Индии в среднем умирает 6 миллионов 200 тысяч человек в год: 3 миллиона 600 тысяч от малярии, 500 тысяч от туберкулеза (больных туберкулезом — 2 миллиона 500 тысяч), 300 тысяч от дизентерии, 50 тысяч от холеры и т. д. 70 тысяч индийцев ежегодно умирают от оспы; чума уничтожает 20 тысяч человек».

«Ежегодно в Индии умирает 200 тысяч женщин во время родов».

Эти данные относятся к «нормальным» годам. В годы же вспышек голода, особенно такого жестокого, как в нынешнем году, эти цифры возрастают во много раз.

И вот на этом бедствии миллионов индийцев в Вашингтоне задумали делать прибыльный бизнес.

«Взамен нашего продовольствия мы должны получить некоторые минералы, которые Индия имеет в изобилии,— откровенно заявил член американского конгресса Керстон.— Эти материалы необходимы для производства атомных бомб, реактивных двигателей и другого подобного оборудования».

В этом — основная «идея» задуманной Уолл-стритом гнусной спекуляции на голоде в Индии. Но хищники побоялись действовать без маски. Они решили создать видимость того, что Индия «сама ищет американской помощи».

Как сообщала газета «Кросроудз» от 5 марта, бывшему американскому послу в Дели Гендерсону было дано указание организовать фальшивку в виде «обращения индийского народа к президенту Трумэну». Атташе американского посольства в Дели Тейлор сочинил текст этого «обращения» и вручил его депутатам индийского парламента Масани и Ранга. К тексту был приложен «подарок» — по 25 тысяч рупий каждому — «на расходы, связанные со сбором подписей под обращением и его отправкой». Под фальшивкой удалось собрать подписи еще нескольких членов индийского парламента. Но вскоре эта жульническая проделка была разоблачена индийской прогрессивной общественностью.

Неудача привела в ярость американских бизнесменов. Вашингтон перешел к открытому нажиму на индийское правительство. «Безусловно, мы теперь отнюдь не торопимся помогать Индии»,— писала «Нью-Йорк таймс», комментируя вымогательскую тактику американского правительства.

Суть этой тактики довольно выразительно была изложена в газете «Дейли компас».

«Решение сенатской комиссии по иностранным делам отложить рассмотрение законопроекта об отправке продовольствия в Индию,— констатировала газета,— представляет собой нечто худшее, чем шантаж, так как предлагается не давать голодающему населению продовольствие, которое мы готовы были уделить, если этим будет куплена независимость индийского правительства».

Шантаж американских империалистов на голоде вызвал в Индии всенародное негодование. Индийский народ воочию увидел, какова цена американской «помощи». Особенно часто повторялась в эти дни индийская народная поговорка: «Если американец пожмет тебе руку, сосчитай свои собственные пальцы!»

— Щупальцы войны протягиваются к Индии,— заявил от имени индийских рабочих Чаккарай Четтиара, председатель Всеиндийского конгресса профсоюзов.—Американские империалисты в обмен на пшеницу хотят подчинить Индию, но граждане Индии прежде всего хотят мира, и они его отстоят...

В тихом, захолустном городке Нагпуре нам попался на глаза плакат: «Американцы хотят, чтобы за каждое их зернышко мы отдали жизнь гражданина Индии. Они грозят не только голодом, но и атомной бомбой. Но честные люди сильнее голода и атомных бомб!»

В том, что такое силы мира и что такое поджигатели войны, индийский народ еще больше убедился, когда голодающим Индии оказали бескорыстную помощь великие ее соседи — Советский Союз и Китайская Народная Республика.

В Западной Бенгалии, вблизи города Трипор, индийской полицией был задержан американец. Он оказался сотрудником журнала «Лайф» Берком. Поймали его с поличным: он фотографировал военный аэродром в Агартала...

Случаев, когда американские журналисты и бизнесмены на деле оказываются матерыми военными и политическими шпионами, за последнее время в Индии отмечено немало. Индийское правительство вынуждено было выдворить за пределы страны представителя американской информационной службы Грэхэма. Помимо своих официальных обязанностей — распространения американской печати,— Грэхэм занялся сколачиванием самых реакционных сил страны с целью свержения нынешнего индийского правительства. При помощи подкупленного им правителя княжества Барода Грэхэм сколотил партию «юнионистов», почти полностью состоявшую из террористов-головорезов с уголовным прошлым. Немалую помощь Грэхэму в этом антигосударственном заговоре оказывали религиозно-шовинистическая организация «Хинду махасабха» и военно-фашистская группа «Раштрия севак санг».

Эти реакционные группы, как и ряд индийских князьков, получали от американского посольства в Дели огромные суммы на организацию террористических актов и на проамериканскую пропаганду. За ту же плату они снабжали американцев секретной политической и военной информацией.

Для своей подрывной деятельности, как писала газета «Нетаджи», американцы решили использовать низама Хайдерабада, известного нечеловечески жестоким подавлением восстания крестьян Теленганы, поднявшихся на борьбу за земельную реформу.

Американские разведчики стараются всеми способами пролезть в индийскую печать. Тем же Грэхэмом были составлены каталоги индийских газет и журналов, где особо выделялись проамериканские продажные элементы из индийской реакционной прессы. Как об этом писали прогрессивные индийские газеты, эти субъекты были взяты американским посольством на постоянное содержание.

Но американских колонизаторов на каждом шагу ожидают неудачи в их попытках сделать Индию слепым орудием своей агрессивной политики. Движение сторонников мира ширится в Индии с каждым днем.

В Бомбее, в центральном кинотеатре «Регал», американская кинофирма начала демонстрировать документальный фильм о разбойничьей войне, которую ведут США в Корее.

Бездарная киностряпня Голливуда обычно бойкотируется всеми честными индийцами. Американские киноделъцы уже привыкли, что их фильмы идут сплошь и рядом при почти пустых залах. На этот раз, к немалому удивлению американцев, кинотеатр «Регал» осаждали тысячные толпы людей. Билеты были распроданы на несколько дней вперед. Мистер Грэхэм и его коллеги могли бы подумать, что им неожиданно улыбнулась удача. На деле интерес зрителей к фильму имел другие причины.

Что показали на экране американцы? Поселок недалеко от Сеула. Мирный сельский пейзаж. Крошечные фанзы. Буддийский храм. Крестьяне в белых одеждах трудятся на полях. Играют дети. И вдруг американские бомбардировщики в воздухе. Диктор, надрываясь, кричит нечто предельно наглое и нелепое: «Отважные американские летчики среди белого дня (!) не боятся (!!) пикировать прямо на военные объекты врага!» На поселок летят напалмовые бомбы. Бушует пожар... Наконец дым рассеивается. Кинообъектив с потрясающим цинизмом показывает груды развалин вместо поселка, мертвых корейцев и кореянок не с оружием, а с граблями и мотыгами в окостеневших руках. На экране плачущие дети, которые тщетно разыскивают родителей среди трупов...

Глядя на чудовищные злодеяния, которыми цинично бахвалится американская пропаганда, индийцы врываются негодующими криками: «Смерть убийцам! Долой янки!»

Рисунки худ. Читтапрозад из книги «Голодающая Бенгалия».

Около кинотеатра стихийно возникают многотысячные митинги. Зрители подписывают Обращение о заключении Пакта Мира. Молодежь выражает горячее желание поехать в Корею для вооруженной борьбы с американскими извергами.

«Азия не может больше слышать криков убиваемых американцами корейских женщин и детей и оставаться спокойной,— писали в своем письме индийские патриоты из города Этавах.— Борьба Кореи за свободу является борьбой Азии за свободу».

Испугавшись столь потрясающего «успеха» своего фильма, американцы немедленно сняли его с экрана.

История с американским кинофильмом — лишь один из бесчисленных примеров того, как индийский народ отвечает на происки американских поджигателей войны.

РАБОТАЕТ ХИМИЯ

Семен КАНЕВСКИЙ

Изумляясь красоте на редкость рослой и чистой пшеницы, комбайнеры знаменитого на Кубани Тихорецкого совхоза шутили:

— Ну, скажи, пожалуйста, до чего аккуратная прополка! Даже на венки девчатам не оставили васильков...

Этим летом особенно хороша была пшеница на участках, где ее прополола авиация. Еще во время кущения хлебов самолеты, словно росой, окропили тихорецкие поля особым раствором. Сорняки завяли и погибли. А пшеница, освободившись от врагов, отнимающих у нее пищу, воду и солнце, росла не по дням, а по часам и принесла радостный урожай.

Авиахимическая прополка хлебов.

Фото Г. Санько

В могучий арсенал советской агротехники теперь вошел новый, весьма эффективный способ борьбы против сорняков — химический. Он был испытан на Урале, Алтае, Украине, Северном Кавказе, в Западной Сибири, Подмосковье, Поволжье. И всюду себя оправдал.

Идея применить химические вещества, безвредные для культурных злаковых растений и губительные для сорняков, имеет большую историю. Еще в те времена, когда гениальный Менделеев занимался опытами по химическому удобрению почв, его ученики пробовали на сорняках действие всевозможных ядов. Однако результатов тогда не удалось добиться. Либо эти средства не достигали цели — многие сорняки выживали после опрыскивания — либо уничтожение сорняков обходилось слишком дорого. Кроме того препараты были опасны для здоровья людей и животных.

Проблему химической борьбы против сорняков блестяще разрешили советские ученые. Победила советская органическая химия, советская агробиология!

Как это ни парадоксально, но оказалось, что уничтожить растение можно тем же самым оружием, с помощью которого в других условиях ему помогают жить. Речь идет о так называемых стимуляторах роста. В «гомеопатических» дозах — от одного до пяти граммов на гектар — эти препараты пробуждают в растительных организмах необычайный прилив жизненной энергии. Под влиянием этих веществ ускоряется созревание томатов и других теплолюбивых овощей. Плоды на фруктовых деревьях перестают опадать. Черенки приобретают способность быстро и прочно укореняться. Взрослые деревья, выросшие в лесах, после пересадки на городские улицы выживают среди асфальта, брусчатки и кирпича. Их корни обрызганы стимулирующими веществами.

Но вот украинский ученый Н. Г. Холодный сделал открытие: стоит лишь несколько увеличить дозу, и стимуляторы превращаются в свою прямую противоположность. Они уничтожают то самое растение, которому помогали бороться за существование. Уже при ста граммах на гектар те же препараты отравляют, убивают многие растения. Этим двойственным свойством химических веществ и воспользовались наши агрохимики. Собственно говоря, нечто подобное известно медицине. В микроскопической дозе стрихнин, строфантин, мышьяк помогают сердцу работать, а в увеличенной дозе становятся опаснейшими ядами.

Научные сотрудники Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева доцент И. И. Гунар, кандидат сельскохозяйственных наук М. Я. Березовский и другие разработали метод химической борьбы с сорной растительностью, за что и были удостоены Сталинской премии. Примененные советскими учеными химические средства прополки известны среди специалистов под названием «2М-4х» и «2,4-ДУ». Хлеборобы Дона и Кубани, где химическую прополку уже применили на значительных площадях, дали этим препаратам свое, народное название — сорнякобои.

Сорнякобой в виде водного раствора буквально душит сорняки голодом. Вторгаясь в клетки растения, он нарушает в нем обмен веществ: лишает его способности добывать из почвы и воздуха пищу и воду, вырабатывать для себя крахмал и белки. Наблюдательный глаз заметит его разрушительную силу через несколько часов. Листья сорняков начинают желтеть и увядать. Стебли постепенно скручиваются и принимают уродливый вид. Корни отмирают — растение гибнет.

Замечательное свойство препарата — его избирательное действие. Он истребляет **только двудольные** растения и не опасен для однодольных злаковых трав и хлебов — пшеницы, ржи, ячменя, овса, кукурузы, проса, риса, чумизы. В этом заключается сущность химической прополки злаковых культур.

Химическая прополка хлебов означает огромный хозяйственный выигрыш для страны: урожай увеличивается на 3—6 центнеров зерна с гектара.

Новые препараты уничтожают дикую редьку, сурепку, лебеду, осоты, лютики, васильки, ромашку, вьюнок... Всех не перечесть. Но особо следует сказать об амброзии.

По преданию древних, амброзия служила пищей богам. Но мы говорим об амброзии полыннолистной — сорной траве американского происхождения. Непонятно, почему ботаники окрестили ее столь поэтическим именем. В амброзии нет ничего привлекательного: внешне она напоминает нашу степную полынь, стебли ее жесткие, листья отвратительно горькие. Даже неприхотливые овцы отказываются есть эту противную «пищу богов».

Лауреат Сталинской премии М. Я. Березовский с практиканткой В. Быковой в вегетационном домике Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Амброзия — невероятно агрессивный сорняк. На полях, где свирепствует зловредная «американка», культурному растению и дышать нечем. Выбрасывая миллиарды семян на гектаре, амброзия размножается с фантастической быстротой.

«Чистокровную американку» впервые обнаружили у нас еще в 1918 году на Ставрополье. Достоверно известно, что попала она на Северный Кавказ вместе с тозарами, которые поставляли американские империалисты деникинским бандам. Деникинцы брали без разбора все, что давали им заокеанские хозяева. Этим, очевидно, и воспользовалась американская разведка, подкинув зловреднейший сорняк.

Что амброзия служит «богам» Уолл-стрита пищей для диверсий, подтверждают и факты недавнего времени. Американцы вновь пытались забросить в нашу страну амброзию в годы второй мировой войны. Пароход «Томас Полок» под звездно-полосатым флагом доставил в наш порт посевные материалы, засоренные амброзией. Впрочем, бдительные инспекторы советской карантинной службы не удивились находке. Это была очередная попытка американской разведки «поставить» Советскому Союзу опаснейшие сорняки, насекомых, грибки-паразиты и болезнетворные бактерии. Настороженность советских людей неоднократно спасала наши поля, плантации и сады от огромной опасности, которую таили в себе трюмы американских пароходов.

Но вернемся к амброзии на Ставрополье. Теперь будет покончено с американской «диверсанткой». Опыты, проведенные в 1950 и 1951 годах, доказали, что и с этим злейшим врагом советских полей наша химия справится наверняка.

Химическая прополка хлебов, проверенная Министерством сельского хозяйства СССР в самых различных климатических условиях, в ближайшем будущем развернется на миллионах гектаров.

Однако это вовсе не значит, что проблема химических средств защиты культурных растений от сорняков решена во всей ее научно-технической сложности. Сделан весьма крупный, но только первый шаг. Впереди еще много работы, много трудных загадок для химиков, физиологов и биологов. Например, сорнякобои легко уничтожают гречишку, ромашку и одуванчик на Кубани и Дону, но слабо действуют на те же растения в Московской области. Следовательно, для разных географических зон надо искать свои дозировки, свои методы прополки.

Наши научные работники настойчиво продолжают исследования. Близко время, когда советская наука освободит тружеников социалистического сельского хозяйства от изнурительной работы — ручной прополки. Это будут делать за человека химические вещества и машины-опрыскиватели.

В крымской степи

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Джанкой

Среди хлебов и полевых дорог
Нагроможденье кровель черепичных.
Джанкой — саманный крымский городок —
В акациях, что зацвели вторично.

Белеют стены, камни горячи,
Дворы пропахли мятой и шалфеем
В степи от Перекопа до Керчи,
Не раз опустошенной суховеем.

Из края в край таврической земли,
По присившим тропам знаменитым
Еще весной топографы прошли,
Кто с колышками, кто с теодолитом.

В степи, средь буйных маков, у копра —
Палатки изыскателей приезжих.
И чудится: уже летит с Днепра
Речная окрыляющая свежесть.

И за маршрутом движется маршрут,
И мчатся пятитонок вереницы —
Они в Джанкой ракушечник везут,
Кирпич-сырец, стекло и черепицу.

В Джанкое воздвигаются леса
И возникают светлые фасады.
Тут школы и жилые корпуса,
Тут мастерские, гаражи и склады.

Щебенка. Штабеля оконных рам.
Стучит движок за временным забором.
Сплошным потоком к верхним этажам
Взлетают кирпичи по транспортерам.

А каменщики стройки городской
Прославились упорством и сноровкой:
Забрызганный известкою Джанкой
Сегодня соревнуется с Каховкой!

Тут всё, как на исходных рубежах
Перед большим и трудным наступленьем,—
У станционных складов, на лесах,
В строительно-монтажном управленье.

Стал знаменитым крымский городок,
Исполненный радушия. И каждый
Со станции донесшийся гудок
Сулит ему новоприбывших граждан.

Овеяны ветрами всех дорог,
Они сошлись на этой стройке новой,
Где перепелся волжский говорок
С молдавской песней и полтавской мовой.

И от бессонной станции в Крыму,
От этих вновь рождающихся улиц
До Волги, до разбуженной Аму
Живые нити дружбы протянулись.

Пусть навсегда запомнятся тебе
Бригады новоселов у вокзала,
Растущий городок среди степей,
Великого строительства начало.

Весовщик

Южная сверкающая синь.
Мальвы. Колокольчики. Полынь.

Солнце над равниною степной,
Над подсолнухами, над стерней.

Убраны высокие хлеба,
Кончена до срока молотьба.

Августовским днем озарено,
На брезенте сушится зерно.

Весовщик чубатый на посту.
Плечи обожженные в поту.

Он в очках защитных — яркий зной
Больно бьет в глаза голубизной.

Пылью золотистою покрыт,
Улыбаясь, хлопец говорит:

— Эх, и небывалый урожай!
Только управляйся — разгружай.

Много в землю вложено труда.
Да и степь щедра, как никогда!

Видно, чует крымская земля,
Что Днипро вспоит ее поля.

Видно, слышит, как ее бурят,
Как по трассе вешки ставят в ряд,

И, такой предвидя разворот,
Урожай авансом выдает!

...Сдвинув кверху темные очки,
Смотрит весовщик из-под руки

В направленье севера, туда,
Где, хоть не видна еще вода,

На стерню у тропки полевой
Тень легла от вышки буровой.

У СТАРОГО ПЕРЕВОЗА

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунок О. Верейского

Километрах в тридцати от Брянска река Десна уходит от высот правобережья и течет, выписывая ленивые колена, среди широкой луговой поймы. Место это, не знаю почему, еще во времена, когда мы были мальчишками, называлось Старым перевозом, хотя никакого нового перевоза поблизости и не было. Лет двадцать пять назад место это было бойкое: в праздники, поспешая на базар, стекались с корзинами и кошелками женщины чуть не из десяти заречных деревень; в будни, особенно между концом весеннего сева и началом покоса, сбивались подводы с бревнами и швырком[1], тянулись сельчане на приработки. На песчаных взлобках у парома трещали дуги и ломались оси, стояла брань, свистели кнуты. Ветхие баркасы парома в волну хватали бортами воду, и внук перевозчика, веснушчатый и востроносый малый Федька, до одурения вымётывался на отливке. Рыжеватый низенький перевозчик в рваных суконных рукавицах, красный от напряжения, надсаживаясь, тянул канат, покрикивал на мужиков: «Пособи-и-и!» Иногда, не выдержав тяжести груженых возов, паром переворачивался; тогда рубились постромки, всхрапывая, бились на песчаной отмели, запутавшись в вожжах, лошади, а возчики, выволакивая из реки телеги и вылавливая прибитый к берегу швырок, грозились когда-нибудь утопить перевозчика за его худую снасть.

Все это было давно, так давно, что, кажется порой, приснился в летнюю ночь неотвязный сон.

...Отстреляв на перелете вечернюю зарю, мы решили не возвращаться в деревню, а заночевать у Старого перевоза. Уже почти стемнело, когда мы подходили к нему. Стояла редкостная тишина с тем особенным запахом улежавшегося сена и подгорелой стерни, которые являются безошибочными признаками поворота к осени. Шуршали, цепляясь за полы курток, низкие красноталовые кустики с уже подсыхающей жестяной листвой, монотонно и равнодушно журчала вода под обрывистым берегом. У перевоза вместо старой, покривившейся хатки, бывшей когда-то, стояла дощатая будка с желтым глазком освещенного окна. Мы постучали, и к нам вышел старик, в котором при слабом свете из окна я с трудом, но все же узнал старого перевозчика — во всю его голову желтела лысина, рыжие борода и усы выцвели и были неопределенного цвета. Да и в глазах уже не было огонька, который светился в них прежде.

Поздоровавшись с нами и узнав, что мы пришли на ночевку, старик несколько замялся:

— Приютить-то вас мне негде, вот незадача. В будке один топчан, младший внук спит, а сам я то ли на полу, то ли — в погоду — на пароме сенца постилаю...

— Да мы, пожалуй, на улице, у костерка, раз уж такое дело.

— На улице — чего и лучше! И шалашик вон там, в кустиках, имеется — неказистый шалашик, что и говорить, ино протекает малость, а все при непогоде путникам защита. И сена копешка при нем, постелить можно...

Шалашик действительно был сметан на живую нитку и с успехом мог защищать разве что от солнца. Да и вообще на всем здесь, у Старого перевоза, лежала печать временности и одряхления.

Когда улеглись хлопоты и запылал костерок, старик деликатно ушел в свою будку, чтобы не мешать нам, и даже после настойчивых приглашений не вдруг согласился посидеть с нами и выпить за удачу. Это была новая черта, неизвестная мне в людях такой профессии,— обычно они словоохотливы и не упускают случая «пропустить» рюмку — другую «к разговору». К тому же, степенно выпив из пластмассовой стопки раз и «повторив» только после основательных уговоров, старик решительно отказался от третьей:

— Сто грамм взял — и стоп. Прежде, бывало, и половинку мог одолеть, а теперь года не

[1] Распиленный на дрова лес.

те — шестидесятый пошел... Малолитражный дед — это меня так один здешний охотник называет, на почте служит.

— Хлопотно, небось, в такие-то годы на перевозе?

— Какие, сынок, хлопоты! Не побоюсь сказать: захудал перевоз, неизвестно, для чего и содержим. Раньше-то, правда, людно было, а как подкрепились колхозы — так и пошло наше дело под гору. Ехали как-то два председателя из зареченских, на совещание в район, что ли... Доехали на машине до припаромка, а оттуда пешком четыре километра. Выговаривали мне: «Дохлая твоя техника, дед: с эмкой — и то не сунешься!». «Верно,— говорю,— подъемистость подкачала». «Ладно,— отвечают,— не тужи, мы тебе скоро понтоны организуем, трехтонку грузи — не дрогнут!» Подумал я тогда: и то, дескать, никуда не денетесь, машинная техника сама подсказывает, что и как... Да, дело прошлое, а мечтал я похозяйствовать на понтонах! Дом, думал, поставим для проезжих, людно будет, все новости жизни при мне будут, ведь и прежде, бывало, я против всех по округе наслышан был, против всех больше знал, что на свете делается. Оно и то сказать: студентов на каникулах возил, корреспондентов областных, всяких райкомовских и других работников в воскресенье по грибы и ягоды. Председатели колхозов, и те любопытствовали: «Не слыхал ли, мол, чего у соседей делается?» Да не получилось оно по моей думке. Не дали мне понтонов, построили километров на пять ниже мост наплавной, на баркасах, и загудели туда машины! На лошадях же езды и вовсе мало. Остались мне одни пешеходы, которым на мост кружно,— их и вожу. А уж и тех мало, что ни год — переводятся: больше на попутных машинах пристраиваются.

— Конец, стало быть, Старому перевозу?

— Считай, что и конец. Одно и удерживает: реку люблю, сетями иной раз балуюсь. Так это, думаю, при любой работе не убежит, только лодочку при себе оставить... Председателю нашему высказался весной, долго он думал, сказал: «Ладно, поскрипи еще малость, пока снасть на ходу, повози пеших, сколько наберется,— там видно будет». Так что, может, в последний год езжу, а там только и останется от Старого перевоза что кличка одна...

Выкатив уголек, старик принялся раскуривать трубку. Запищал кулик, но тотчас же смолк — вдалеке по мосту прогрохотал поезд, другой подал гудок со станции. В густеющей тьме по правобережью поигрывали сполохи света от идущих машин, ниже по течению, у наплавного моста, непрерывно колыхалось широкое зарево от фар.

— У Сеньки-то Кузовлева круглосуточная маята,— вздохнул старик.

— А кто это Сенька?

— Да вроде колхозный начальник на мосту. Тот скучать не будет. Какой ни едет шофер — всех знает, со всяким шуткой перекинется. Все к нему отошло...

— А немцы тут были? — вспомнил один из нас.

— Были,— коротко ответил дед.— Иные и остались.

— Как так?

— В земле, известно.

— Тоже переправлялись на ту сторону?

— Переправлялись.

— И на пароме?

— На пароме не пришлось,— совершенно спокойно, как о чем-нибудь самом обычном, ответил старик. — Партизан я переправлял в леса, а как немцы на правобережье вышли, самовольно пошабашил: канат в землю закопал, а в баркасах дырки сделал да камнем притопил в омутке. Два года лежали, песком замыло — еле выручили. Сам на лодке в леса подался, до снега жил на островке, а потом в избушке лесной в партизанском районе. Помогал посильно...

Я вспомнил о Федьке, востроносом и бойком, старшем внуке старика. Перевозчик помолчал, будто собираясь с мыслями, и так же спокойно,— видать, отболело уже — сказал:

— Пропал Федька в бою... Недалеко тут, на Взборье. На вторую весну немцы осмелели, решили партизан в лесах ущемить. Как поднялись с луга к опушке, тут и схлестнулись — партизаны не уступают, и немцы на своем стоят. Федька со своим ручным пулеметом в раздвоенной березке устроился, до самого обеда супостатов прореживал. Да не миновало и его: приподнялся в горячке — тут его и скосило. Упал он в развилку, головой вперед, повис на этой горькой березоньке... Уж и убитого, его раз двадцать расстреляли — и мертвый был страшен он неприятелям! Как отбили наши наступление, похоронили его под той самой березкой — простреленная вся, а выжила, шумит над ним... Теперь мне младший внук помогает, девять лет ему, Санькой зовут. Тоже боевой хлопец, погляжу на него,— все Федька мерещится, все мерещится... А только уйдет Санька: мыслимо ли ребенку в такой скуке сидеть! На мост уйдет, если пустить: у него, у Сеньки Кузовлева, половчее наших дела идут...

Поспел чай, фыркнув, плеснул на угли. Шестнадцатилетний сын одного из наших приятелей, выбравшийся, как говорят охотники, на «первое поле», уже спал, свернувшись, под копной, и, наверное, снились ему утки на закатном зеркале озерка, свистели крыльями, налетая стремительно и внезапно. Беседа у костра его совершенно не заинтересовала: воспоминания о прошлом ему казались седой древностью, которую нет смысла принимать в расчет, а настоящее — обычным и будничным. Его интересовало и волновало только будущее, и то по преимуществу в гигантских масштабах тысячеверстных каналов и небывалых гидростанций. Старик, осторожно схлебывая чай из медной кружки, которую он прихватил в будке, то и дело посматривал в сторону моста.

— Завозно нынче у Сеньки Кузовлева, хлеб с урожая повезли на элеватор — дело государственное.

— А он, Сенька, уж спит, наверное,— высказал предположение один из нас.— Поздновато...

— Сенька-то спит? — удивился старик.— Ну, это не такой мужик, чтобы к ночи мост без присмотра оставить. Лазает, небось, по баркасам, смотрит, не сочит ли где. Этот дошлый будет!

— Небось, заработок у него побольше, чем тут?

— Заработком и нас не обижают, все по колхозному закону делается. А служба, что и говорить, с нашей не равняться — маятная у него служба. К большому делу приставлен;

он, этот мост, один на округу, другого на двадцать верст не сыщешь! Каких там только машин не ездит, каких новостей не наслушаешься!..

И если необычно было сидеть у Старого перевоза, некогда шумного, полного жизни, а теперь как бы оттертого в сторону и по-осеннему придремавшего, то еще более необычно было смотреть на этого старика-перевозчика, слушать его неторопливую речь. Чувствовалось, что, проработав с детства на Старом перевозе, он любил его всем сердцем, мыслил о нем нераздельно со всей своей долгой жизнью и в то же время как бы собственными руками хоронил его. Какое бы ни всплыло воспоминание из прошлого, оно для него было неразрывно связано с этой излучиной, со скрипеньем каната и журчаньем воды о борта маломощных баркасов. И в то же время мысли его неотвязно, неотступно вращались вокруг Сеньки Кузовлева и его моста, душа его жила там, где громыхали груженые машины, полные разной клади, где запыленные шоферы, перебрасываясь шутками, наскоро умывались на быстринке и снова гнали по всем дорогам округи — в колхозы, МТС, на станцию, в город, в сельскохозяйственный техникум. Мечта о понтонах, озарившая было его все усиливающееся одиночество, не осуществилась: жизнь обогнала ее, предъявила более широкие претензии, и теперь, глядя в сторону моста, он день за днем все больше отрывался сердцем от Старого перевоза, как птица, готовая к перелету. Мне уже начинало казаться, что старик вот-вот, до конца открывшись, выскажет свое затаенное желание: сменить Сеньку Кузовлева или хотя бы пойти к нему в помощники. Но я ошибся.

— Техник один недавно проходил тут, из Москвы,— сказал старик,— слыхал от него, хорошо дела идут на Дону.

— Говорят, хорошо.

— А про новые планы, случаем, не слыхали? Новые стройки не затеваются?

— Да ведь оно так — одни строятся, другие планируются...

— Вот-вот, так оно и есть... Техник мне тот говорил, что имеются планы. Один, говорит, очень интересный, нас касается — про Десну. Мелеет она, река наша, что ни год, а это хозяйству убыток, пароходам да баржам пути нет. Опять же, Дон с Волгой соединили, а с Днепром как же? Не обсевок в поле, как ни возьми. Вот и решил будто бы товарищ Сталин Иосиф Виссарионович соединить Десну с Окой... Понимаете? По Волге-то пароходы в Оку, а из Оки по Десне в самый что ни на есть в Днепр! Верно ли только?

Мы сказали, что не знаем,— может быть, и верно.

— Скорее всего, верно,— решил старик.— Раз от этого польза хозяйству большая...

И вдруг довольная и хитроватая улыбка заиграла в уголках его глаз:

— Выходит, что Сеньку Кузовлева скоро тоже в запас, как и меня.

— Это почему? — удивились мы.

— А как же! Десна-то станет большая, машин, движения разного прибавится — разве обойдешься баркасным мостом? Жизнь, она вон как круто вверх забирает, она тому мосту сама баланс подводит. Построят мост на быках — тут тебе и все, никакого начальника не надо. И пойдем мы с Сенькой рыбацкую артель организовывать — Десна ведь большая станет, а по воде и рыбка...

— А и хитрый ты, дед! Сидишь тут себе в сторонке, вроде и вовсе на покой выписался, а планы вон какие имеешь!

— Планы имеем,— согласился старик.— А как же? Это уж верно! А председатель наш понтоны, говорит, достанем. Нет, тут понтонами не обойдешься, тут во-он куда замахивается жизнь наша!..

Старик пожелал нам спокойной ночи и ушел на паром. Но, чорт его знает, почему, спать расхотелось. И даже за полночь, когда дрема все-таки одолела, перед глазами кружились и плыли возчики, ломающие оглобли и дуги на взлобке у Старого парома, понтоны, сполохи света возле моста, широкие воды Десны и железобетонные быки каменного моста, выгнувшего к звездам нагретую за день солнцем каменную спину...

А в краснотале у Старого перевоза шумел предосенний ветер, и монотонно журчали струйки воды, подмывая обрывистый берег...

Ломоносовская фабрика цветного стекла

Осенью 1752 года Михаил Васильевич Ломоносов подал прошение в сенат о выдаче ему разрешения «завести фабрику делания изобретенных разноцветных стекол, и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерийных вещей и уборов...»

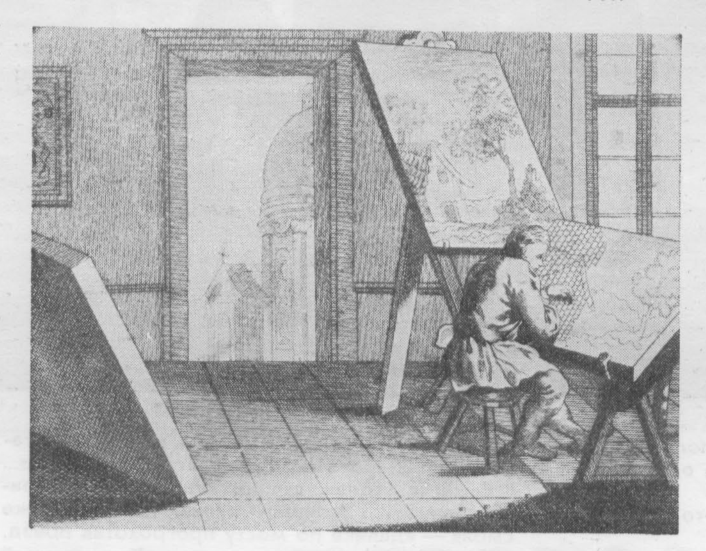
Местом строительства фабрики ученый избрал деревню Усть-Рудицу, в Копорском уезде, Петербургской губернии, располагавшую месторождениями качественных песков, топливом и водной энергией.

Ломоносов писал:

Я зрю здесь в радости
довольствий общих вид,
Где Рудица, вьючись
сквозь каменья, журчит,
Где действует вода, где
действует и пламень,
Чтобы составить мне, или
превысить камень,
Для сохранения геройских,
славных дел,
Что долг к отечеству
изобразить велел...

Уже через год рапортом в мануфактур-контору Ломоносов сообщал о закладке и постройке некоторых зданий Усть-Рудицкой фабрики. Это было первое в России промышленное предприятие, работавшее на основе научных изысканий. Однако до последнего времени полного представления о фабрике не было. После смерти ученого она была уничтожена пожаром, а остатки орудий производства находились под развалинами, в земле.

Экспедиция Академии наук СССР и Политехнического института имени Калинина, проводившая последние два года раскопки фабрики, извлекла отдельные части машин, лабораторного и технологического оборудования, стеклоплавильные тигели, металлический инструмент, многие образцы продукции...

Мозаичная мастерская ломоносовского времени.

По тем временам ломоносовская фабрика являлась крупным промышленным предприятием. Она имела свою исследовательскую лабораторию, оригинальные стеклоплавильные печи, мастерские, оснащенные различными станками и механизмами конструкции Ломоносова.

Великий ученый не только разработал теорию цветного стекловарения, спроектировал и построил фабрику, но и создал на основе научных достижений передовую технологию. В фабричной лаборатории разрабатывались новая рецептура цветного стекла и методы обработки его.

Мировой известностью пользовалась продукция фабрики: цветное декоративное и оконное стекло, бусы, бисеры, изразцы, посуда, пуговицы... Вырабатывалась различных цветов тянутая и пластинчатая смальта, шедшая для приготовления знаменитой ломоносовской мозаики. Из нее создавались батальные картины, портреты. Ломоносовские смальты по своему колориту и оттенкам не имели равных в мире.

Найдена грамота, выданная сенатом Ломоносову на владение землей в Копорском уезде, где находилась фабрика (ныне Ломоносовский район Ленинградской области). Листы ее обрамлены исполненными под руководством ученого акварельными миниатюрами, изображающими отдельные производственные процессы и общий вид фабрики. Эта находка в сочетании с материалами раскопок позволила восстановить в точности весь комплекс построек и планировку ломоносовского предприятия.

В Ленинграде, в старинном здании Кунсткамеры, в которой находится Музей М. В. Ломоносова Академии наук СССР, открыта большая экспозиция, воспроизводящая по образцам раскопок и историческим материалам облик ломоносовской фабрики цветного стекла, двухвековой давности.

К. ЧЕРЕВКОВ

Мастер бытовой картины

«Одна из примечательнейших и типичнейших картинок современной русской школы» — так отозвался В. В. Стасов о ранней работе В. Е. Маковского, с которой художник успешно выступил на выставке передвижников. Слова великого критика можно отнести ко всему творчеству живописца, яркого и последовательного представителя передвижничества.

Замечательный художник-жанрист В. Е. Маковский (1846—1920) принадлежит к одной из тех семей, которые поколение за поколением работали в области искусства. Фамилия Маковских связана с Московским училищем живописи, ваяния и зодчества, одним из основателей которого был отец художника. В этом наиболее демократическом и передовом художественном учебном заведении России учился и впоследствии преподавал сам В. Е. Маковский.

Окончание молодым художником училища совпало с появлением Товарищества передвижных выставок, в которое он и вступил вместе с ведущими московскими мастерами-реалистами — В. Перовым, А. Саврасовым, И. Прянишниковым. До конца жизни В. Е. Маковский хранил верность основному принципу нового искусства — служить своим творчеством народу, создавать произведения о народной жизни, нужные и понятные широкому зрителю.

Произведения В. Е. Маковского очень широки по своей тематике и показу различных социальных типов. От крестьянки до аристократа и от рабочего до чиновника — представители современного ему русского общества оживают на его полотнах. В своих многочисленных зарисовках окружающей действительности В. Маковский выступает не как простой бытописатель. Художнику чуждо поверхностное отношение к изображаемому. Он от всего сердца защищает или обвиняет своих героев, высказывает свое отношение к происходящему, произносит тот «приговор над действительностью», которого требовал от искусства Чернышевский.

Глубокая человечность, теплота и задушевность, с которыми художник обрисовывает крестьянских детей («Игра в бабки») или замученную нуждой крестьянку, пришедшую повидать отданного в учение сына («Свидание»), сменяются едкой насмешкой в полотнах о сытом мещанском житье-бытье «сильных мира сего». Ирония В. Е. Маковского не развлекает — она разоблачает, и в этом смысле она продолжает выдвинутую еще Федотовым идею создания серии «нравственно-критических сцен из обыденной жизни».

Две темы — бесправных тружеников и могущественных бездельников — красной нитью проходят через все творчество В. Е. Маковского. Художник не только рассказывает о тяжелой жизни народа и с большой любовью рисует простых людей. С годами идейная острота его искусства возрастает: на полотнах встают образы борцов за новые порядки и новый строй. Так возникают «Вечеринка» и связанная с событиями первой русской революции картина «Допрос революционерки». В. Е. Маковский горячо протестует против несправедливостей существующего строя («Девятое января 1905 года на Васильевском острове», «Жертвы Ходынки» и другие). К числу таких его произведений относится и «Осужденный».

Герой картины — преступник с точки зрения правительства, но художник подходит к нему по-иному: это жертва царского «правосудия». С глубоким сочувствием В. Е. Маковский раскрывает его душевную трагедию, горе родных.

Именно в силу гражданственного смысла творчества В. Е. Маковского В. В. Стасов с гордостью писал о нем: «Владимир Маковский — один из лучших и капитальнейших русских художников».

Н. МОЛЕВА

На великой трассе

Короткие рассказы

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки Н. Жукова

1. МОРСКАЯ УЛИЦА

«Победа» была новенькая, прямо с завода. Необкатанный ее мотор был с ограничителем. Поэтому двигались мы, по выражению водителя, со скоростью «девятый день десяту версту», и сам он чуть ли не зубами скрипел от досады, когда его обгоняли даже старенькие колхозные грузовички, тарахтящие расшатанными бортами.

За стеклом с удручающей медлительностью, какая бывает в снах, бесконечно тянулась однообразная, ровная степь, кое-где сверкавшая седоватым инеем солончаков. Но движение было такое густое, что пыль стояла над степью, как серый, тяжелый туман. Все вокруг: и могучие столбы высоковольтной передачи, шагавшие через дорогу, и глубоко провисавшие ее провода, и придорожные былинки, и даже суслики, столбиками стоявшие на своих холмиках и равнодушно следившие за непрерывным бегом машин,— все это было покрыто замшевым слоем пыли. То там, то тут пыль эта вдруг начинала завиваться сизым смерчем, подниматься вверх, и уплотнившийся столб, крутясь на своем остром основании, как бы упирался в невысокое тусклое небо, но скоро и он растворялся все в том же пыльном тумане.

Даже прохлада осенних сумерек не осадила пыль. Свет фар вяз в ее серых переливающихся клубах. Машины шли теперь, неистово ревя сиренами. Езда становилась опасной, и шофер предложил завернуть на ночь в «один знакомый хуторок», известный своим председателем колхоза, человеком деловым, инициативным и к тому же «дюже ласковым до людей с Волго-Дона». Где-то, у заметной лишь одному ему дорожной приметы, шофер свернул с грейдера на степной проселок. Мы вырвались из пыльного плена, через час езды увидели россыпь неярких уютных электрических огней, и перед нами широко раскинулся хутор.

Машина остановилась у нового большого приземистого здания, где помещалось колхозное правление. Густо запотевшие окна были ярко освещены, за ними, плотно теснясь, чернели человеческие силуэты. В открытую форточку, как из трубы, тянуло синеватым махорочным дымом. Шофер вбежал в дом и через минуту появился на крыльце с коренастым человеком в военном кителе и сверкающих сапогах. Вытирая платком бритую голову, человек этот подошел к машине, поздоровался и сказал веселым хрипловатым баском:

— Вы уж езжайте прямо до моей жинки. Я ей сейчас по телефону полную инструкцию передам. Она вас призетит... А я, извиняйте, дюже занятый: лекция у нас о полизном земледелии... Из Москвы человек читает.

И, обращаясь к шоферу, добавил:

— Так ты, гвардия, маршрут помнишь? Это вот Морская улица, а там, ей в торец, Набережная. Так вот Набережная, дом три. Крыльцо расписано под масляну краску... то мой. Я Горпине звякну. Она вмиг развернется. Она у меня дюже мобильная.

Но мы не дали «развернуться» хозяйке, действительно оказавшейся очень гостеприимной, расторопной. Медленная езда по пыльной степи совершенно измотала, и, едва стряхнув и смыв с себя пыль, мы отправились в светелку, где хозяйка уже раскинула постели, и с удовольствием растянулись на прохладных, чистых простынях.

Наконец-то после утомительного скитания по пыльной, безводной степи мы добрались до воды! И хотя впотьмах не удалось рассмотреть окрестности, самые названия Морская улица, Набережная, в которых как бы слышались и влажный, прохладный ветерок, и плеск воды, и шелест прибрежного камыша, ласкали слух.

Заботливая хозяйка затенила абажур лампы вышитым рушником. В просторной комнате, стены которой еще источали смолистый запах, воцарился приятный полумрак, и в нем странно, слишком отчетливо вырисовались на фоне кружевных занавесок какие-то растения, поднимающиеся из небольших горшков; вместо цветов на них висели тугие и как бы волокнистые плоды. Растения эти в домашней обстановке выглядели очень необыкновенно, и в то же время трудно было отделаться от мысли, что где-то и когда-то ты уже видел их. Но когда, где, у кого, так и не удалось припомнить.

Уже сквозь сон слышали мы, как вернулся домой председатель, как ходил он на цыпочках, скрипя своими сапогами, как деликатным полушопотом пенял он жене за то, что она позволила «людям с канала» лечь без ужина. Потом, стараясь не шуметь, он говорил по телефону, и сиплым, заговорщицким басом благодарил кого-то за дельного лектора, и долго выторговывал возможность оставить его «хоть на недельку, хоть на пять дней, ну хоть на одни суточки» в своем колхозе для консультации. Когда председатель угомонился и, должно быть, лег спать, два молодых голоса, мужской и женский, вдруг заспорили о том, что выгоднее: рис или хлопок,— заспорили горячо, шумно, но голос председателя тем же заговорщицким шопотом оборвал:

— Цыц, спать!

Всё вместе: необыкновенное название улиц в этой степной станице, телефонный разговор председателя, этот спор и странные цветы на окне — слилось в общее впечатление чего-то нового, необычного, сулящего утром какие-то неожиданности. С этим чувством я и проснулся и, проснувшись, первым делом узнал, что странные растения на окне — это кусты хлопка разных сортов, еще цветущие внизу, а сверху уже отягощенные созревшими, растрескавшимися коробочками. За кружевной занавеской окна ветер перебирал лапчатые листья молоденьких акаций, а за этими деревцами вместо реки или озера, которым полагалось виднеться с Набережной, простиралась все та же серая, сухая, голая степь, далеко видная со взгорья, на котором находился хутор.

В соседней комнате нас ждал обильный завтрак, прикрытый чистой салфеткой. Но хозяина дома уже не было. Жена его, высокая, неторопливая и какая-то вся очень прочная казачка, одетая, как учительница или врач, но с головой в белом ситцевом платочке, завязанном под подбородком, сказала, что батько еще до света увез на своем козелке московского гостя в степь, в поля, где будущей весной на орошаемых участках колхоз собирается сажать хлопок и рис. Она сказала, что уже в этом году колхозники делали опыты, и, хотя с водой все еще очень туго — ее приходится движком качать из колодцев с большой глубины,— опыты удались, и что теперь общей мечтой стало сделать поливные культуры столь же знаменитыми, как и виноград, который колхоз, переселяясь из затопляемой зоны, бережно перенес с собой в новые места.

— Почему же плохо с водой?

— А как же? До Дона-то теперь, не соврать бы, километров тридцать. Из колодцев качаем, да какая же она, эта вода! Соленая, жесткая. Скотина, и та от нее отворачивается.

— Ну, а улицы у вас называются Набережная, Морская?

Хозяйка скупо улыбнулась, сверкнув крепкими жемчужно-белыми зубами.

— А что ж названия? Названия, они не зря. Так будет. Весной сюда вот, к самому нашему дому, Цимлянское море придет. Вот и Набережная... А Морская, так по ней к пристани путь будет, к самому морю. А как же? Когда мы прошлой весной со старых мест снялись да тут строиться начали, и пошли в правлении споры, как улицы называть. Раньше-то у нас одна улица и была, кишкой по-над Доном тянулась. А теперь вон как широко поселились: и улицы, и переулки, и площадь. У нас и бульвар есть; хоть сейчас там клушке цыплят в тени не спрятать, а назвали бульвар. Деревьев насадили: акацию, вербу, вишню... Растут.

Помолчала. Ловкие ее руки неторопливо и как-то очень заботливо придвигали гостям еду, накладывали куски позкуснее, меняли тарелки.

— А по старым местам не скучаете?

Хозяйка вздохнула:

— Я так по совести скажу, что скучаю. А как же: родилась, выросла там. Деды, прадеды там похоронены. Да и хутор-то у нас хорош был, весь в зелени... Да что там говорить, старую грушу, и то рубить жалко! А с собою разве подымешь? Ну, а батько наш, да и другие, многие, эти уж о прежних местах и забыли. Они сейчас все вокруг хлопка да риса танцуют. Вперед глядят, назад им оглядываться некогда. Вчера до глухой ночи спорили, что лучше растить. Одни кричат, рис доходней, другие — хлопок: он государству нужней. Наш-то вон вчера во втором ночи пришел. А молодые и того позже. Да и то, видать, не откипели, тут вот ночью открыли дискуссию, пока батько на них не цыкнул. Они о старых местах и не вспоминают. Для них это — уж дно морское.

Женщина поставила на стол блюдо с виноградом. Тяжелые, налитые темносиние кисти, еще блестящие утренней росой, свисали с него.

— Наш, знаменитый... Кушайте! — Хозяйка улыбнулась каким-то своим мыслям и, должно быть, опасаясь, как бы гости не истолковали неладно ее улыбку, поспешила пояснить: — Вот вы говорите, почему Морская улица. А знаете, о чем у нас на хуторе спорят? Не сменить ли старое его название. Комсомольцы новое придумали — Пятиморский... Мол, корабли с пяти морей тут останавливаться будут. Сначала-то казаки над ними смеялись, а сейчас и сам наш батько иной раз вдруг посреди разговора ни с того и ни с сего брякнет: «А что, мол, Горпина, чем плохо Пятиморский?»

Зазвонил телефон. Хозяйка сняла трубку и отвела от уха платок.

— Да нет. Еще у нас... Да, завтракают... Да что я не знаю, что ли? Учит... Да передам, передам, занимайся своими делами, а гостей привечать — дело хозяйкино.

Она повесила трубку на крючок.

— Сам. Батько наш звонит: беспокоится, как вас угощаю... Он до вашего этого каналу всем сердцем прирос, и как кто с канала у нас заночует, сам не свой. Это ладно, что вы рано заснули, а то бы он вас заговорил до смерти. Все ему про канал знать надо.

Через полчаса мы уезжали. В ярких утренних лучах Морская улица лежала перед нами двумя широкими рядами веселых домиков, точно привставших на цыпочки на своих кирпичных фундаментах. Посреди этой центральной улицы была просторная площадь, и вокруг нее, совсем уже по-городскому, расположились большие красивые здания: клуб, колхозное правление, ясли, аптека. Вдоль широких профилированных тротуаров двумя шеренгами вставали тоненькие деревца, а из-за новых невысоких плетней выглядывали совсем еще молодые садочки.

И хотя все это было покрыто все тем же зеленоватым слоем пыли и пожилой водовоз развозил по домам в утвержденной на старом «газике» цистерне пока что драгоценную здесь воду, уже нетрудно было представить, как с Набережной откроется вид на лазурные водные просторы и как по этой вот Морской улице покатят машины, неся груз на пристань для кораблей, пришедших с пяти советских морей.

2. ПРАКТИКАНТ

Дело было ночью, когда со всех объектов огромной стройки в приземистое здание правления уже поступили сведения о сделанном за день. В этот час начальник строительства, известный советский инженер, собирал у себя руководителей районов и своих ближайших помощников, чтобы наметить и обсудить главные задачи завтрашнего дня. На стройке эти короткие ночные совещания зовут заседаниями военного совета, и в шутливом названии этом есть правда, ибо напряженная жизнь строительства напоминает картину наступления, и мирное трудовое это наступление, все нарастая и расширяясь, ведется день и ночь.

Так вот, в этот поздний час мы попросили у начальника стройки провожатого, который мог бы отвести нас на один из объектов, где утром ожидались важные производственные события. Начальник потер большой, сильной, рабочей рукой свой высокий лоб и сказал задумчиво:

— А знаете, придется, пожалуй, ехать без провожатого. Весь мой народ должен быть тут, на совещании... Впрочем,— и в его спокойных больших, стального цвета глазах, которые, как нам рассказывали, даже в самые трудные, критические минуты не теряли своего холодного спокойствия, вдруг мелькнула озороватая лукавинка,— впрочем, есть один человек... очень серьезный товарищ... только...

Он позвонил и сказал пожилой секретарше, бесшумно возникшей в дверях:

— Пригласите ко мне практиканта. Если он ушел, пошлите за ним машину.— И, обернувшись к нам, добавил: — Только уговор: вслух не удивляться и провожатого вашего вопросами о его личности не смущать. Я вам потом сам все объясню.

Усталое лицо начальника сохраняло прежнее холодно деловое выражение, но глаза его смеялись уже откровенно. В это время дверь открылась, и из-за портьеры возникла щупленькая фигура подростка в ватнике. Слишком большой по размеру ватник этот сидел на нем, как водолазная рубаха, и рукава его были даже не загнуты, а закатаны. На вид вошедшему можно было дать лет четырнадцать, но лицо его, совсем еще детское, было необычайно серьезно, и это взрослое выражение как-то особенно не вязалось с носом-пуговкой, густо поперченным крупными золотыми веснушками, с ребячьим пушком на щеках, с пухлыми губами.

— Вот познакомьтесь. Константин Ермоленко. Наш практикант... Костя, отведете товарищей на объект. Все им покажете.

Странный практикант ничуть не удивился. Повидимому, выполнять подобные поручения было ему не в диковинку. Мальчишеским жестом он поддернул свой непомерный ватник и при этом серьезно сказал:

— Хорошо. Попрошу вас за мной.

Необыкновенный проводник наш действительно оказался бесценным спутником. Он всю дорогу рассказывал о строительстве; точнее, не рассказывал, а необычайно толково и точно отвечал на вопросы, и ни один из них не мог застать его врасплох. Строительство он знал отлично и знал о нем именно то, что могло показаться интересным новичкам, приехавшим с ним познакомиться. Память у него была поразительная. Впрочем, относясь к своему делу очень ответственно, он не вполне доверял ей и иногда лез в карман своего ватника, извлекал записную книжку, замурзанную и истертую, и уточнял по ней названия или цифры.

Но особенно в нашем проводнике подкупало то, что он весь сросся со стройкой, думал о ней, как о чем-то своем, личном. На нас, людей, впервые попавших сюда, он смотрел снисходительно и считал долгом все пояснять в популярных сравнениях. Так, мы узнали, что гигантская намывная плотина похожа на горный хребет, что машины бетонного завода перезаривают в день больше чем целый состав цемента, что если вытянуть в одну нитку всю металлическую арматуру, уже заложенную в тело сооружения, то получилась бы стальная полоса длиной в пятнадцать тысяч километров. На стройке его знали и, должно быть, любили. Кое-кто из встретившихся инженеров, правда, не без легкой и теплой усмешки, поздоровался с ним, а шофер одной из тяжелых машин, возивших бетон, поровнявшись с ним, притормозил и, высунувшись из кабины, крикнул:

— Не на поселок ли, Константин Николаевич, путь держишь? Влезай в кабину, подкину до бетонных...

Когда же мы поднялись на гребень плотины и внизу, под нами, огни стройки засверкали так густо, будто это были обильные осенние звезды, отраженные в черной воде, наш юный проводник стал просто поэтом. По каким-то одному ему видимым признакам угадывая сооружения в россыпи огней, он говорил о них так, будто отчетливо видел перед собой и неоглядное море, созданное руками человека, и огни маяков на концах волнорезов, и аванпорт, принимающий суда пяти морей, и убежища кораблей от бури, и сами корабли, поднимавшиеся и опускавшиеся по воле человека. Должно быть, его маленькое увлекающееся сердце так было захвачено всем этим, что он действительно видел во тьме, прикрывавшей сухую изрытую степь, все эти сооружения, известные пока только по чертежам и эскизным проектам. Когда же он обо всем этом говорил, показывая то туда, то сюда тоненьким мальчишеским, перепачканным чернилами пальцем, на его лице, испещренном комичными веснушками, была такая радостная вера, что им можно было залюбоваться.

Помня свое обещание, мы не стали расспрашивать нашего провожатого ни о чем, лично его касающемся, хотя маленький энтузиаст все больше и больше интересовал нас. Простившись, мы искренно поблагодарили его за содержательную беседу, за помощь и с нетерпением двинулись в кабинет начальника, окна которого все еще были освещены.

— Ну как? — спросил он, подымая от бумаг глаза.

— Замечательно! Впечатления колоссальные.

— Я не об этом. Это само собой... А как наш практикант: все пояснил, показал?

— Бога ради, объясните: где вы откопали такого чудесного парнишку?

В глазах строителя опять засверкали ласковые лукавинки, и по этим лукавинкам стало ясно, что человек этот, на которого партия возложила ответственность за одну из крупнейших строек нашего времени, знает, ценит и очень любит людей.

— Мы его не откапывали. Сам пришел, как и все. А хорош, правда? Ему сейчас пятнадцатый год. В его возрасте мы еще за вареньем в шкаф к матери лазили. А он живая энциклопедия стройки. Все знает, все любит, всем интересуется.

— А почему его зовут практикантом?

Строитель некоторое время сосредоточенно перебирал бумаги, потом отодвинул их, как бы решив, что трудовой день, затянувшийся чуть ли не до рассвета, закончен, и, не торопясь, со вкусом рассказал историю Константина Ермоленко, которого все на стройке, даже официальные люди, зовут практикантом.

История эта неожиданно оказалась совсем незамечательной, даже будничной. Много людей со всех концов страны устремляется сейчас на стройки коммунизма. Одних влечет благородное желание положить свой кирпич в исторические сооружения, других увлекает романтический пафос созидания, третьи считают, что на этих стройках они получат возможность лучше проявить свои способности, четвертых влекут новые, невиданные профессии, гигантская техника, пятых — и такие есть — тянет к длинному рублю. Отделы кадров ежедневно отвечают на целые груды письменных предложений. Десятки специальных людей принимают заявления, оформляют на работу тех, кто приезжает.

Одним из таких прибыл прямо на место окончивший шестой класс Константин Ермоленко, сын солдата, погибшего в боях за Ростов. Он решил строить Волго-Дон и в первый же день каникул, захватив табель с отличными отметками, сел на пароход. Нужно честно сказать: он сел без билета и был с позором ссажен на ближайшей пристани. Но дорожные неприятности не охладили его пыла: где пешком, где на попутных грузовиках он добрался до стройки и отыскал контору отдела кадров.

Ему отказали, резонно заявив, что он мал. Мальчик добрался до начальника отдела кадров, показал ему табель с отличными отметками и передовую комсомольской газеты, призывавшую молодежь идти на стройки. Даже передовая, смутившая юное сердце, не произвела впечатления на начальника кадров. Он был неумолим. Но и новый отказ не укротил мальчика. Он пробился в управление, к кабинету самого начальника стройки.

— И вот секретарь докладывает: такой-то просит принять,— рассказывал начальник стройки, и ласковое, веселое выражение его глаз удивительно контрастировало с усталым неподвижным лицом и будничным, деловым тоном.— Отвечаю: «Вы же знаете, что я наймом на работу не занимаюсь». «Очень вас прошу, примите». А надо вам сказать, секретарь — женщина строгая, отнюдь не сентиментальная, а тут даже голос просительно дрожит. Вижу, что что-то тут сверхобычное. «Зовите». И является. Это он сейчас большой ватник носит, чтобы взрослее казаться, а тогда вошел совсем маленький парнишка. И заметьте, с достоинством вошел. И жалуется, что его не берут на работу. Говорю: «Правильно не берут, опоздал родиться лет на пять». Тянет табель и эту газетку, которая совсем у него истрепалась. Вижу, тяга у него совершенно неистребимая. Фанатик какой-то. Он меня, признаться, этим подкупил, но я все же говорю: «Не торопись, твое впереди, на твой век строек хватит, тебе учиться надо». А он этак рассудительно и требовательно заявляет: «Вот вы студентов на практику принимаете? Вот и возьмите меня практикантом на время каникул». Этим он меня победил. Ну, думаю, в нарушение всех правил возьму. И взял курьером. А он, видите, как-то сам собой в порученцы выдвинулся. Светлая голова! А память какая!

И когда уже совсем перед рассветом выходили из темного здания на пустые улицы нового, недавно раскинувшегося в степи поселка, знаменитый строитель, жадно вдохнув свежего степного, попахивающего полынью воздуха, сказал с мечтательной улыбкой:

— А каких они дел наворочают, такие-то вот, когда они вырастут и возмужают!

3. КОНСУЛЬТАЦИЯ

— Если вы считаете, что нужно обязательно рассказывать об этом происшествии, то уж позвольте прежде всего пояснить вам, во-первых, кто такая Наташа, из-за которой все это произошло, и, во-вторых, сказать об обстановке происшествия, хотя сам я, признаться, ничего особенного, заслуживающего внимания во всем этом и не вижу. Обычные, так сказать, текущие дела.

Николай Чумаченко, старший багермейстер, он же комсогрупппорг одного из лучших на стройке землесосных снарядов, демобилизованный артиллерист, еще не растерявший на гражданской службе своей гвардейской собранности, подтянутости, привычным жестом одернул аккуратную гимнастерку, на которой два ордена Отечественной войны соседствовали с Красной Звездой. Но закончить мысль ему не дали. В разговор стремительно ворвалась маленькая полная голубоглазая девушка с очаровательными ямочками на пухлых румяных щеках. Тряхнув россыпью льняных кудряшек, она трагически всплеснула руками:

— Ой, как он тянет! Во-первых, во-вторых... Ну чего тут пояснять? Наташа — дочь начальника их земснаряда. Ну да, того самого, знаменитого... Ей сейчас одиннадцать месяцев, а тогда, весной, было восемь. Она одна из первых ребят, родившихся на строительстве, и весь их экипаж, даже старый боцман Никитыч, который при женщинах лишается языка,— все без памяти в нее влюблены. И потому, когда у Наташи вдруг случается поносик, весь земснаряд лихорадит...

Комсогрупппорг старается сохранить свою холодную собранность, но улыбка помимо воли появляется на его худощавом загорелом лице:

— Вы поглядите на нее! И это молодой советский специалист, врач... Хорошо, что я никогда ничем не болею, а то лучше к бабке в станицу направился бы, чем идти к такому несерьезному медику... Так вот, о Наташе. Действительно, она дочь нашего начальника, и действительно она тогда заболела, и заболела серьезно. А дело было как раз весной, в разлив, в самую горячую пору, когда нам нужно было работать с большой отдачей... Начальник у нас кремень. Я его в самых трудных переделках видел, у него даже голос не менялся, а тут видим мы, что и этот кремень поддаваться начал. Никому ничего не говорит, работает, как всегда, но всем видно: что-то с ним стряслось. Худеет, глаза красные, как у кролика, и такой он стал, точно все у него до звона натянуто. Но о дочке никому ни слова, точно ничего не произошло. Все в себе носит, чтобы людей в горячую пору от дела не отрывать. Попробовали было ребята разведать: что, мол, с вами? «Ничего,— отвечает,— со мной особого не происходит, делайте свое дело, не отвлекайтесь попустому». Ершистый стал, колючий, холодом от него, как из погреба, несет. Ну, ребята видят, что его ни долотом, ни шилом не возьмешь, оставили в покое, тем более, что на деле все это не отражается и снаряд наш попрежнему впереди. Да и работы, по совести говоря, у всех хватало. Решили мы к Первому мая против мощности снаряда, указанной в паспорте, в полтора раза больше выработать. Ну и старались, кто как мог.

— Они из-за этих своих «деловых кубометров грунта» все на свете забывают! — не без яда вставила девушка, метнув в сторону багермейстера озорной и весьма иронический взгляд.

Должно быть, она попала в цель. Он виновато опустил глаза и сделал вид, что пропустил реплику мимо ушей.

— Ну, а я ведь не только багермейстер, а еще и комсогрупппорг. Меня не только, как она выражается, «деловые кубометры», то есть выработка, но и души человеческие интересуют. Догадываюсь: раз на работе полный порядок, значит, что-нибудь дома ущемило нашего начальника. Нагрянул я к нему на квартиру вечером, в то время как он на вахте был, и сразу же прояснил обстановку. Малышка при смерти, врачи руками разводят, мать с ног сбилась, а сам-то, как с вахты придет, так у ее кроватки до следующей смены и дежурит. Испугался я. Вот товарищ врач верно сказала, мы эту Наташку все любим. Славная такая девчонка, голубоглазая, рыженькая, прямо огонек. А тут лежит на спинке, не шелохнется, и на лице одни глаза видны, большущие, жалобные. Подумал я о начальнике нашем, и страшно мне стало. Такое горе, а он виду не подает. Решил я сам действовать. Бегу в амбулаторию. Ночь, заперто. Впотьмах я звонка не разглядел и давай в дверь бухать. Помните, товарищ доктор?

— Да, это нескоро забудешь. Я тогда дежурила, больных нет, задремала немножко, и вдруг неистовый грохот. Я подумала, не пазодок ли перемычку прорвал. Нянечка бежит: «Лизавета Никитична, там псих какой-то ломится!» А он уж тут передо мной в натуральную величину. Ну, видели бы вы его тогда! Без шапки, в грязи, пот с лица течет: «Доктор, беда: Наташка умирает!» Кто такая Наташа, от чего умирает, не говорит. Пошли, и все. «Куда идти, погодите, я машину вызову». «Не пройдет туда машина: паводок, грязь по колено». А сам уж меня в пальто всовывает. И потом, представьте себе, километра два бежали по грязи. Калоши я потеряла, да и что там калоши, тут и резиновые сапоги не помогли бы. А где уж выше колен было, он подхватывал меня на руки и переносил, этакое медведище. У постели больной я появилась, будто меня из пульпозода вытащили, а он даже опомниться мне не дал, прямо ведет к кроватке: «Вот Наташа!» Если бы мне кто-нибудь в институте сказал, что придется так-то вот навещать больных, разве я поверила бы? А тут ничего; отдышалась, умылась, осмотрела больную. Диагноз мой с предыдущими точно совпал. Врачи делали, что могли, но болезнь эта у таких малышей почти не излечивается. Девочка уже и не шевелится, мать окаменела от горя, а он — я его тогда за отца принимала — умоляет: «Доктор, сделайте чудо, спасите». Я говорю: «Чудес не бывает». А он упрямо: «Раз человек очень захочет, обязательно будет чудо». И вы знаете, должно быть, верно, все-таки чудеса случаются. Тут я вдруг вспомнила: когда стажировала в институтской клинике, там мно-

го говорили, что наш профессор, известный академик и заслуженный деятель науки, работает над новым методом лечения этой тяжелой болезни. И вот, как только сей гражданин про чудо сказал, я ему и говорю: дескать, метод лечения разработан, но сейчас проверяется и что, мол, сама я его в точности не знаю, а только слышала о нем. Так вы знаете, что он, вот этот самый гражданин, орденоносец, почтенный багермейстер, комсогрупорг и прочее и прочее, сделал?.. Ну, говори, несчастный, признавайся: чего краснеешь?! Он схватил меня, врача, на руки и закружил по комнате...

Это в самом деле не походило на этого спокойного, подтянутого, собранного человека, но краска, густо пробрызнувшая сквозь матовую смуглоту его лица, показывала, что нечто подобное, вероятно, произошло.

— Да, да, завертел в присутствии матери и маленькой больной, что, согласитесь, было уж совершенно неуместно. И тут повторилась ситуация чеховского рассказа «Лошадиная фамилия», с той только разницей, что речь шла не о дурацком флюсе скучающего барина, а о жизни чудесной малышки. Я вспоминала и точно не могла вспомнить, в чем же состоит этот метод. И чем старательнее я вспоминала, тем больше убеждалась, что очень важные детали я забыла, а может быть, даже как следует и не знала. И хотя никакой вины тут моей не было, мне становилось страшно, что из-за того, что я во время своей стажировки оказалась недостаточно любознательной, сейчас на глазах может погибнуть этот ребенок.

Однако воспоминаниям мы предавались недолго. Этот гражданин вдруг вскричал: «Не вспомните — не беда! Важно, что советской медицине такое средство известно. Телефон клиники знаете?» Я обрадовалась: у меня в книжечке, куда, расставаясь, я записала адреса подружек-однокурсниц, несомненно, был нужный номер. Но что значил этот номер? Клиника была за тридевять земель, в Москве; мы находились в степи. Была глухая ночь, и паводок отрезал нас даже от центрального поселка, где есть телеграф и междугородний телефон. Но его это уже не смущало. «Доктор,— говорит,— бегите в контору гидромеханизации, там есть телефон, а остальное беру на себя». Страшно самоуверенный гражданин, не правда ли?

— Я не в себя, я в советских людей верю. Да и при чем тут самоуверенность? Я знал номер клиники, телефон был поблизости, врач рядом, и неплохой, как потом выяснилось, врач, хоть, по совести говоря, тогда ее курносый нос и в особенности эти вот кудерьки не внушили мне большого доверия.

— Видимо, придется обзаводиться чеховским пенсне, чтобы производить солидное впечатление на таких вот, как у нас в амбулатории нянечка говорит, «запсихованных пациентоз». Словом, добрались мы до телефона. Сей гражданин снимает трубку, звонит на нашу междугороднюю. И этаким противным, сладчайшим голосом говорит: «Девушка, это я, Чумаченко, с комсомольского земснаряда. Здравствуйте». У них там с телеграфом и междугородней давняя дружба. К ним то и дело со всех концов страны приветствия и поздравления передают. Так что они там знатные клиенты. Однако дать срочно Москву ему сначала отказали: по правилам абонент должен зайти лично на переговорную, внести аванс, оформить заказ. Словом, правило, а как зайдешь, когда паводок от междугородней нас отрезал? Но он не смущается. Вы, вероятно, слышали, что он отличный агитатор? И он им весьма выразительно разъяснил, что все советские законы и правила написаны, чтобы лучше и счастливей жилось нашим людям, и что, раз речь идет о человеческой жизни, правила можно и изменять. Он так описал им больную малышку, что телефонные девицы расчувствовались. Нарушить правила они не решились, но выход нашли. Они на свои деньги срочно вызвали Москву.

— Получил я Москву,— улыбаясь, говорит Чумаченко.— Нужный номер мне подсоединили. Ответил дежурный по клинике: что, мол, вам? Я говорю: «Мне профессора такого-то, для консультации». А дежурный меня огорошивает: «Такой-то профессор сам лечится на курорте в Сочи». Я даже крякнул от досады. А она... Ну-ну, что вы сделали, товарищ врач? А она заплакала в три ручья. А тут еще, как всегда водится с междугородней, на самом интересном месте переговоров шум, треск, и пока я тряс трубку да дул в нее, противный деревянный голос объявил: «Прекращайте разговор, ваше время истекло». Я рассвирепел: «Как истекло? Как вы смеете прерывать! Речь о человеческой жизни идет! С Волго-Дона, со стройки коммунизма говорю!» И вы знаете, я такого эффекта не ожидал. Тот же деревянный голос с московской междугородней переспрашивает: «С Волго-Дона? Минутку, соединяю». И опять у телефона клиника. Дежурный уже узнал меня. Правильно, говорит, такой метод существует, испытан, но сам он дежурный, специалист по костному туберкулезу и подробностей лечения не знает, консультировать не может. Спрашиваю: «Какой адрес санатория, в котором профессор отдыхает?» Дежурный даже зарычал от досады: «Вы с ума сошли! Старик второй год в отпуску не был... Разве можно нарушать его отдых?!»

Тем временем я уже в уме проанализировал свой успех у междугородней девушки с деревянным голосом и понял, что это Волго-Дон мне помог. Я и дежурному режу: «Как это вы нам адрес не скажете — это же с Волго-Дона говорят, со стройки коммунизма!» Он: «Неужели с самого Волго-Дона, прямо оттуда?» «А как же,— говорю,— именно оттуда... Мне,— говорю,— сейчас в окно самый шлюз знаменитый виден». Слышу, он торопливо шуршит бумагой. «Запишите,— говорит,— адрес: Сочи, санаторий «Приморье», палата номер три... и, извините,— говорит,— я не знал, что с Волго-Дона».

— Наконец-то адрес у нас. Обрадовалась я страшно,— прерывает врач и украдкой смахивает влагу со своих длинных слипшихся ресниц.— Но тут новая беда: наш заказ кончился. Телефонистки на нашей переговорной, оказывается, уже все капиталы истратили, платить за разговор нечем. Этот гражданин умоляет: «Девушки, займите где-нибудь, пожалуйста. Завтра я всей вашей смене по флакону «Магнолии» вручу». Тут он, конечно, совершил страшную бестактность, и за эту «Магнолию» ему от них правильно попало. Но они все же куда-то там сбегали, денег заняли. Звонок... Сочи, санаторий «Приморье» на проводе. Этот гражданин обрадовался и как в трубку рявкнет: «Говорит Волго-Дон!»

— Ну, так я, положим, не сказал. Но верно, чтобы скорее их там расшевелить, говорю: мол, на проводе строительство Волго-Дона. «Нам срочно,— говорю,— требуется к телефону отдыхающий у вас академик такой-то». Там старушка какая-то ласковая подошла. «Сейчас,— отвечает,— ночь, академик спит, да и не профессор, не академик он тут, а отдыхающий, беспокоить его нельзя, а для разговора отдыхающих по междугороднему телефону существует один день в неделю, и именно воскресенье, и именно с 16 до 20 часов». Тут уж я действительно рассердился. «Вы,— говорю,— что же, о помощи стройкам коммунизма только на собраниях хорошие слова говорите, а как до дела дошло — по воскресеньям с шестнадцати до двадцати?» Слышу, обиделась старушка. «При чем,— говорит,— тут стройки коммунизма и какое отношение они имеют к профессору-педиатру?» «А как же,— говорю,— вы предполагаете, что у нас тут одни гигантские машины работают? Люди строят, а у людей дети, и дети эти могут опасно болеть и даже быть при смерти». Сдается старушка: «Не знаю уж как быть, у нас очень строго». А я напираю: «А вы не раздумывайте, будите профессора, скажите, Волго-Дон, мол, на проводе, просит, пусть он сам решает». И что ж вы

думаете? Минуты не прошло, слышу сиплый старческий бас: «Ну, кто там с Волго-Дона? Профессор такой-то слушает».

Девушка-врач улыбнулась.

— Тут сей гражданин страшно струсил. Трубку мне в руку сунул, ну, а я ничего, я, как могла, рассказала историю болезни, и знаете — я этим очень горжусь,— он похвалил меня за точность диагноза, за то, что мы дозвонились, сказал, что́ нужно делать, продиктовал рецептуру, обстоятельно, не торопясь, говорил. Несколько раз нас пытались прервать, но на этот раз уж сам профессор употреблял магическое слово «Волго-Дон», и разговор возобновляли. Потом, под конец, поблагодарила я его за чудесную консультацию и стала просить прощения за то, что нарушила его отдых. А он вдруг как рассердится: «Вам, доктор, стыдно так говорить! Обязательно звоните, если понадобится. Рад,— говорит,— хоть самый маленький камушек в вашу стройку положить». И потребовал, чтобы обязательно его известили о результатах лечения... А дальше? Что же дальше?.. Было уже просто. У нас ведь тут первоклассная больница и аптека отличная. Я по телефону заказала в аптеке все, что нужно, он вот через Дон на челне меж плывущими льдинами перебрался... Самое удивительное было, что на все это дело ушло не больше двух часов. Под утро я уже сделала больной первую инъекцию, а после сей гражданин не очень вежливо и слишком уж поспешно проводил меня до амбулатории, а сам побежал к себе на земснаряд порадовать отца и принять вахту.

— Ну, а дальше как же?

Молодые люди переглянулись. Врач опустила ресницы и покраснела, а багермейстер отвернулся к стене, особенно почему-то заинтересовавшись продолговатым подтеком на еще не высохшей штукатурке. А потом оба они не выдержали и засмеялись: она — шумно и весело, как смеются открытые, жизнерадостные люди, он — беззвучно и сдержанно.

— Что же дальше? Наташа выздоровела. Мы всем экипажем земснаряда послали в Сочи профессору телеграмму, поздравили с победой его метода и сообщили, что в честь всемогущей советской науки беремся поднять выработку свыше 150 процентов.

— А мы с ним поселились сейчас вот в этой комнате. Этот домик новенький. Половину в нем занимает начальник земснаряда, а другую дали вот нам. Хотите посмотреть Наташку?

Врач на минутку исчезла, потом появилась с толстой девчушкой на руках. Та осмотрела всех серьезными серыми глазами и вдруг потянулась пухлыми ручонками к ярко начищенным орденам, сиявшим на аккуратной гимнастерке Николая Чумаченко, засмеялась, показав четыре больших зуба на верхней и два маленьких острых на нижней десне, и энергично зачастила:

— Дя-дя, дя-дя!..

— Ишь, узнала меня,— довольно улыбнулся багермейстер. И прибавил: — Боцман наш, этакий презабавный старикан, который при женщинах теряет дар речи, называет ее нашей свахой.

Молодые люди переглянулись, и я понял, что вот сейчас-то и было сказано самое главное из того, что им хотелось и о чем они еще говорить стесняются.

4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ШУМЫ

Работники из группы кинохроники, поставившие перед собой хорошую и сложную задачу — шаг за шагом запечатлеть процесс рождения одной из величайших строек коммунизма,— устроили для друзей прослушивание шумов строительства, записанных на кинопленку.

На своеобразный этот вечер был приглашен и начальник одного из больших объектов, известный строитель, уже послуживший однажды прототипом героя одной из любимых наших книг, посвященных всепобеждающему коммунистическому созиданию. Расположились в маленьком номере поселковой гостиницы и набились в него так, что повернуться было негде, только строителя в знак особого к нему уважения усадили в углу, у стола, в единственное кресло. Для пущего эффекта выключили свет.

Аппарат заработал, и в душную комнату вдруг ворвались всем нам знакомые шумы, которые каждый из нас уже успел полюбить. Я никогда не думал, что такая вот простая, бесхитростная запись шумов может выразительно рисовать целые картины строительства. Звуки то сливались в общую музыкальную гамму, то расчленялись на отдельные, отчетливо различимые голоса.

Паровая баба с напряженным стуком загоняет в землю стальной шпунт, и металл сердито стонет, неохотно подчиняясь ритмическим упрямым ударам. Тихо, но напряженно выли электромоторы шагающего экскаватора. Чувствовалось, что гигант работает легко, лишь глухо звякают цепи ковша, да грунт шлепает с высоты в отвалы, напоминая фронтовикам тугой гром взрывающейся мины. Методично скрежещут шестерни машин земснаряда, слышатся отрывистые слова команд, глухой гул гигантского фреза, соленое словечко боцмана, сорвавшееся всердцах, и слышно даже, как мягко ахает, оседая, земля подмытых откосов. Неистово ревут моторы могучих бульдозеров, скрипят о твердый грунт их всесокрушающие ножи; точно бы кряхтя, скрепер набирает в ковш породу, тревожно крякают клаксоны бетоновозов. И, покрывая все эти звуки, господствуя над ними, отдаваясь эхом среди бетонных громад, обычный человеческий голос диспетчера передает по радио распоряжения, передвигая людей и отряды машин, и как бы дирижирует всей этой массой механических звуков.

— Нет, это здорово. Человек — творец, созидатель — господствует над всеми этими рычащими, кричащими, стучащими, скрежещущими стальными гигантами,— неожиданно срывается во тьме мальчишеский голос художника, которого в последние недели строители видели с папкой и с карандашами в самых неожиданных местах.

— Тише, не мешайте,— шикают на него.

Теперь идет пленка с записью шумов исторических событий, происшедших за последнюю неделю, шумов, которые уже отзвучали и больше уже не повторятся. Вот спокойный голос начальника стройки произносит по радио:

— Приказываю очистить котлован. Мы приступаем к пропуску Дона через плотину.

Легкое позвякивание талей мостового крана, скрип поднимаемых щитов, плеск воды, хлынувшей в нижний бьеф, сначала осторожный, как бы нащупывающий путь, но быстро крепнущий, перерастающий в рев, и заглушающий этот рез воды взрыв человеческой радости, крики, аплодисменты, восторженный свист, которыми строители встречают первую воду, плеснувшую в гигантскую бетонную чашу.

И новая звуковая картина — перекрытие донского прорана, тот самый момент, когда советский человек-созидатель твердо сказал могучей реке: сойди со своего векового пути, сверни в сторону, подчинись моей воле, делай, что я прикажу!

Отлично было запечатлено взволнованное слово начальника района, инженера-энтузиаста, о великом советском народе и большевистской партии, обращенное к строителям в эту историческую минуту, и его приказ приступить к перекрытию Дона, и слитный рев бесконечной вереницы могучих машин, вступающих на деревянный банкет с грузом камня в кузовах, и грохот каменных глыб, напоминающий залп фронтовых «Катюш». Звуки ярко рисуют бешеный рев потока, новые и новые залпы падающего камня, всю эту трудную борьбу советских людей с разъяренной рекой, борьбу не на жизнь, а на смерть. Но силы реки иссякают, затихает вода; тоньше, бессильней звучит поток, и наконец уже еле-еле плещут струи реки, смирившейся и побежденной. И снова, теперь уже спокойно и устало, начальник района говорит:

— Поздравляю вас, товарищи! Вашими усилиями Дон был перекрыт за восемь часов пятьдесят минут вместо тридцати пяти часов.

Тут уж слушатели не сдерживают обещания хранить тишину. Раздаются аплодисменты. Голоса перебивают друг друга:

— Здорово! Просто великолепно! Ведь только подумать: все это уже история, все это уже не повторится!

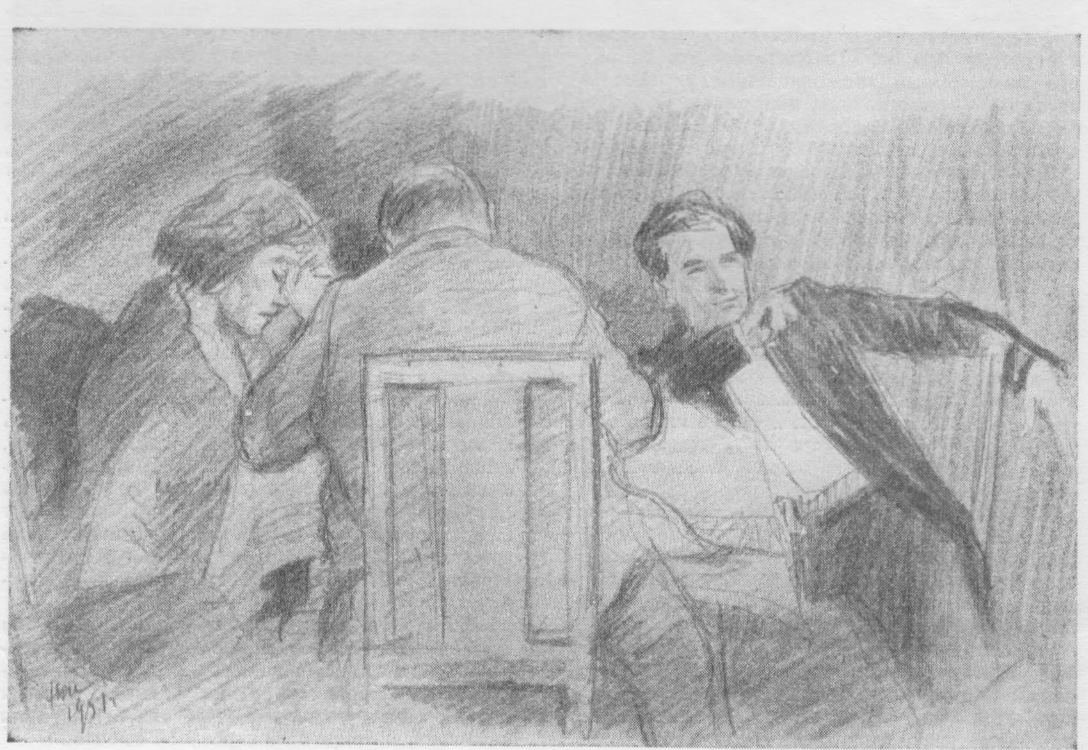
— Нет, главное не в этом. Все это, конечно, повторится, и не раз, и в больших масштабах. Главное в том, что советские люди в две тысячи каком-то году смогут слышать сегодняшнее дыхание строек, которые они уже увидят во всем великолепии.

— А что вы скажете, как вам понравилось? — спросила женщина-режиссер строителя.

Он молчал.

Кто-то включил свет, и мы увидели, что человек этот, который обычно всех поражает своим спокойствием, который в торжественный и трудный час, когда вода Дона, хлынув в котлован, делала суровую и строгую пробу полуторагодовых усилий строителей, спокойно, точно изваяние, стоял в развевающемся плаще на гребне недостроенной плотины, наблюдая водный поток,— этот человек сидел теперь, вцепившись руками в стол, взволнованный, потрясенный, и резко отвернулся к стене, когда в комнате под потолком засветилась лампа.

Надо же было так не во-время зажечь свет!

Модель водосливной плотины Куйбышевской гидроэлектростанции в действии.

ИСПЫТАНИЕ ПОТОКА

Георгий БЛОК

Фото С. Фридлянда

Когда посетитель открывает дверь и входит в коридор, первое, что достигает его слуха,— это равномерный, несмолкающий гул льющейся воды. Словно совсем неподалеку рокочет, прокладывая себе дорогу в тесном каменистом ложе, стремительный поток.

Еще минуту назад во дворе посетителю ничто не напоминало о близости реки, да ее в действительности и не существует, а двухэтажный дом, куда он вошел, снаружи ничем не примечателен, самого заурядного вида.

Правда, известно, что здесь находится гидротехническая лаборатория Гидропроекта. Но неужели так шумит вода, пропускаемая через модели, в миниатюре воспроизводящие волжские берега и сопряженные с ними звенья сооружений будущих Куйбышевского и Сталинградского гидроузлов? Да и самое слово «модель» как-то не вяжется с таким предположением, говорит о чем-то малом, умещающемся на столе, на подоконнике...

Распахивается дверь, и посетитель вступает в полутемную большую залу. Откуда-то из глубины ему навстречу катится гладкая пепельно-серая лента воды, на которой бесшумно скользят, мигают светлячки; в лицо повеяло свежестью, прохладой, точно от реки.

Глаз привыкает к скупому освещению и ясно различает все подробности удивительного явления. Залу во всю длину пересекает лоток, чуть приподнятый над полом. Только сбоку оставлены узкие проходы.

Вдали, «на горизонте», вырисовывается действующая модель примыкающих к правому берегу нескольких пролетов бетонной водосливной плотины Куйбышевской гидроэлектростанции. Через водосброс низвергаются пенистые клокочущие струи. Они растрачивают свои силы в единоборстве с каким-то невидимым препятствием и, уже укрощенные, текут по лотку во всю его ширину. Поток почти достигает дверей, где внезапно проваливается в черную щель, проделанную в полу.

Через лоток перекинуты легкие металлические мостки. Тут устроились лаборанты, внимательно следящие за движением поплавков, снабженных горящими светильниками — коротенькими парафиновыми свечами.

Поплавки отправляются в рейс в одиночку, парами, тройками. Вздрагивая, они, точно наперегонки, бегут по поверхности воды. Пущенные рядом, светляки то уплывают в разные стороны, то один нагоняет другого, и кажется, что они вот-вот столкнутся, зашипят и пойдут ко дну, то кружат на месте, описывая кривые, петляя. Их ловко перехватывают лаборанты перед самым падением в щель.

В разгаре важный опыт. Поплавки-светильники делают доступным наблюдению неведомые, тайные движения верхнего слоя воды, позволяют воочию увидеть повадки и причуды вечной странницы — неугомонной, капризной и коварной стихии.

Снова и снова пускаются в плавание светляки: надо досконально изучить каждую пядь поверхности потока, в одном и в другом месте, в самой середине, поближе к берегу, подальше от него. Минутная стрелка не один раз обойдет циферблат, прежде чем поднимут шторы и в зал ворвется дневной свет, прежде чем пытливые исследователи покинут свои посты, получив точный ответ на заданный ими вопрос.

«Испытание светляками» — только один из многих сотен опытов, проведенных в лаборатории. Здесь зримо, в далекой перспективе проступают контуры отдельных звеньев великих строек коммунизма, видимые как бы из окна самолета, летящего на огромной высоте...

В зале неожиданно воцаряется тишина — перекрыта вода, поток сокращается, иссякает, обнажая дно, не похожее на обычное. Ниже плотины расположены ряды массивных выступов, так называемых пирсов. Они выстроились в шахматном порядке. На них-то с высоты и обрушивается яростная вода.

Каково назначение подводного частокола?

Дело в том, что сброшенная через пролеты вода обладает чудовищной силой. Если ее предоставить самой себе, то она наделает бед: в короткий срок размоет песчаное русло, подхватит и унесет с собой песок, выроет глубокие впадины и поставит под угрозу устойчивость всего сооружения.

Опыт показал, что песок, на который несколько минут подряд падает вода, мгновенно начинает перемещаться, ползти, перекатываться, образует рифления — гряды, ямы.

Подсчитано: через плотину Куйбышевской гидроэлектростанции в одну секунду пронесется около 40 тысяч кубометров воды — количество, равное по объему многоэтажному дому. И так каждую секунду! В переводе на язык энергетиков это составляет миллионы лошадиных сил.

Мощная бетонная плита с насаженными на нее железобетонными пирсами будет прочно противостоять грозному напору, примет его на себя, потушит его скорость. Измотав на преодоление системы гасителей свои разрушительные силы, падающая вода потеряет первоначальную бешеную быстроту и, умиротворенная, потечет дальше.

Простые и эффективные методы гашения, или, вернее, обуздания, вредной энергии всесторонне продуманы и испытаны в лаборатории на моделях. Многократная проверка позволяет уверенно сказать строителям, какая расстановка пирсов самая надежная, самая совершенная, как лучше всего затормозить низвергающийся поток.

Включают насосы, и вода снова заполняет лоток. Ее напор, по заданию, можно регулировать:— то усилить, то ослабить. На мостках опять появляются лаборанты. Специальными приборами они засекают скорость течения то в одной, то в другой точках, заносят показатели измерений на разграфленные листы рабочей книги.

Немало хлопот причиняют исследователям поиски наивыгоднейших форм и размеров береговых сопряжений, то есть участков плотины, прилегающих к берегу, и креплений дна в нижнем бьефе. Здесь ложе Волги будет заковано в железобетонный панцырь. Но ведь прозорная вода может просочиться под ним, со временем образовать пустоты в подстилающем грунте.

Как предупредить этот опасный подмыв, грозящий осадкой сооружению?

Лаборантки А. Кирикова и З. Уклонская фиксируют показания приборов.

Теоретические расчеты не могут дать исчерпывающего ответа. И тогда на помощь пришел эксперимент. Он потребовал изобретательности, выдумки, напряженных усилий дружного коллектива ученых и инженеров, настойчивых, долгих проверок. Самоотверженное упорство увенчалось успехом. Решение оказалось простым и ясным: достаточно опустить плиты панцыря на большую глубину, и вода туда не доберется.

Модели земляных перемычек Сталинградского гидроузла проходят испытание в другой зале — огромной, двухсветной. Легкая балюстрада, которая пристроена к стенам на всем их протяжении, на уровне второго этажа, позволяет следить за опытом как бы со стороны.

Над бегущей водой, над моделями неподвижно повис вмонтированный в стальную ажурную ферму фотоаппарат-автомат. Фотографу нет необходимости волноваться о том, чтобы во-время щелкнуть затвором. Это сделает электрический маятник. Остроумный механизм работает безотказно и четко. Он каждую секунду включает контакты, приводящие в действие затвор, и на светочувствительной пластинке получается нужный отпечаток.

На дне Волги заложат фундамент здания Сталинградской гидроэлектростанции. А это означает, что могучую реку придется потеснить, завоевать место для строительной площадки. Гигантское земляное полукольцо отгородит от воды необходимое пространство.

В лаборатории подбирают такую перемычку, которая лучше других сможет сопротивляться разрушительному напору текущей воды. Сделать удачный выбор не просто, и множество вариантов земляного заслона подвергается «допросу с пристрастием». Насыпаются перемычки различных очертаний, одна форма сменяется другой, устанавливается, какая из них более долговечна.

Основная цель — замедлить движение струй у самой перемычки. Необходимо, чтобы течение здесь было тихим. Чем оно спокойнее, тем меньше возможность размыва преграды.

И снова в опыт вступают поплавки-светильники. Они в союзе с фотоаппаратом помогают раскрыть, как влияет форма земляного вала на скорость и направление струй. Светящийся след поплавка по поверхности последовательно запечатлевается на фотопластинке в виде тонких пунктирных линий.

Каждую секунду щелкает затвор; движутся поплавки. Чем быстрее скорость, тем длиннее светящаяся полоска; чем медленнее, тем она короче, напоминает светлую точку.

Снимок служит беспристрастным свидетельством истинной картины того, как распределяется скорость в потоке. Сравнение фото, сделанных с перемычек различных конфигураций, подсказывает верный путь решения трудной задачи. Светлые точки вокруг верхового узла земляного вала говорят о том, что его форма хорошо продумана: течение замедлилось и не сулит строителям никаких неожиданностей.

Понятен вопрос, в какой степени модель сходна с оригиналом, каким образом удается воссоздать точную картину того, что существует в природе — рельефа русла, его глубины, береговых откосов,— и того, что предложили проектировщики.

Научной основой исследований служат так называемые законы динамического подобия. Данные топографической съемки местности и проектных заданий — вот отправной материал при создании модели. Ее изготовляют и монтируют, строго соблюдая определенную пропорциональность между действующей моделью, естественными условиями и проектом. К принятому масштабу точно подгоняются все показатели.

Все в миниатюре должно быть близким к действительности. Это достигается не сразу. Нередко переделываются детали, вносятся поправки, ведется тщательная подготовка к опыту.

Большое внимание уделяется меняющемуся режиму стока воды в различное время года: весной — в половодье, осенью — в паводки, летом — в пору межени — низкого уровня воды в реке.

Однако не всегда сразу удается всесторонне изучить какое-либо движение потока, например, воздушные воронки на одной модели. Тогда создают их несколько, в разных масштабах — малом, среднем, большом. Так распознается тайна самых запутанных явлений.

Грандиозные сооружения, воздвигаемые по гениальному сталинскому плану на Волге, Дону, Днепре, Аму-Дарье, должны простоять века. Вот почему уже недостаточно древнее правило «семь раз отмерь, один раз отрежь». Не семь, а десятки раз «отмеряют» в лаборатории, прежде чем вынести окончательное суждение, выбрать лучший вариант и осуществить его на практике.

Полученные результаты незамедлительно становятся достоянием проектировщиков и строителей, помогают им в их повседневной деятельности, дают возможность вести работы быстрее, лучше, надежнее.

Техника учит: чем сложнее гидротехническое сооружение, тем больше оно требует изысканий, опытов. Твердым породам — гранитам, диоритам — вода не страшна; на них возводить сооружения проще: нет надобности бояться подмыва.

Другое дело — песчаные грунты, те, которые подвергаются непрерывному нападению воды. Тут за ней нужен глаз и глаз. На мелком песке строить неизмеримо труднее. Здесь-то значительную роль играют испытания — опыты на моделях.

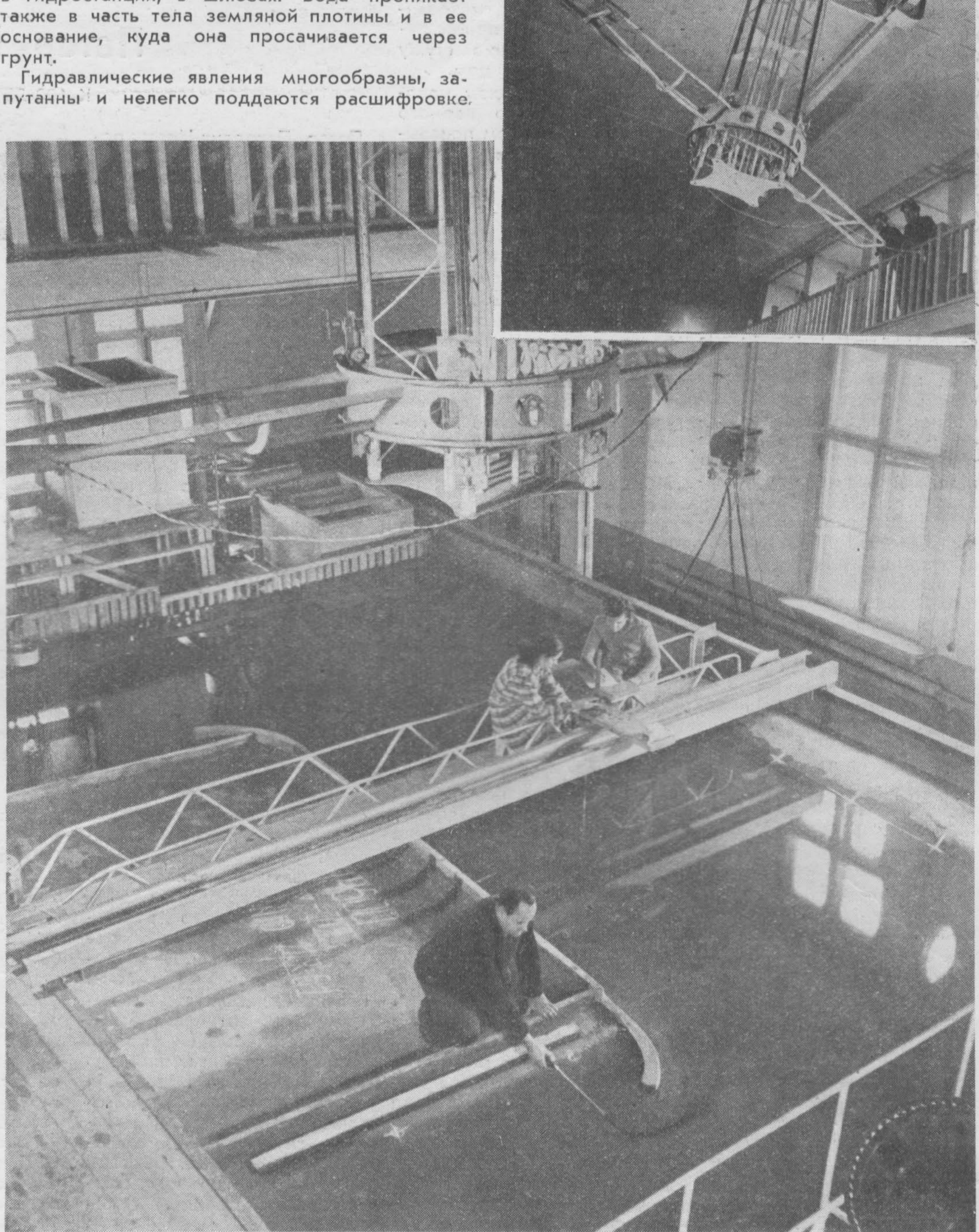
На гидроузле, куда ни взглянешь, всюду вода. Ее увидишь не только в нижнем и верхнем бьефах, в чаше искусственного моря, не только летящей сквозь отверстия водосброса, в гидростанции, в шлюзах. Вода проникает также в часть тела земляной плотины и в ее основание, куда она просачивается через грунт.

Гидравлические явления многообразны, запутанны и нелегко поддаются расшифровке. Одними теоретическими расчетами тут не обойдешься: обязательны кропотливые исследования на опытных установках. Каждый данный случай требует индивидуального подхода.

Опыты на моделях помогают предотвратить какие бы то ни было ошибки, промахи, просмотры, даже самые мелкие, на практике. Факты показывают, что затраты на эксперименты с лихвой окупаются: сберегаются народные средства, экономятся время, силы. А самое главное: строители уверены в том, что сооружения гарантированы от любых опасностей, которые таит вода, что исключена угроза серьезных аварий.

В лаборатории главным образом испытываются модели Куйбышевского и Сталинградского гидроузлов. Только что закончилось изучение шлюзов Волго-Донского канала. Эта модель сейчас переделывается; на ее месте возникнут шлюзы Главного Туркменского канала.

Ученые, инженеры, техники, занятые в лаборатории, гордятся тем, что им выпала честь быть непосредственными участниками великих строек коммунизма.

Общий вид модели земляной перемычки Сталинградской гидроэлектростанции. Вверху: фотоаппарат снимает движение поплавков.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

В ближайшие дни в Москве начнется декада узбекской литературы и искусства. Писатели, поэты, драматурги советского Узбекистана создали за последние годы много новых, интересных произведений. Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам помогли узбекским литераторам совершить решительный поворот к важнейшим темам современности.

Разным этапам жизни узбекских колхозов посвящены новые романы Абдуллы Каххара «Огни Кошчинара» и лауреата Сталинской премии Айбека «Ветер золотой долины», повести молодых прозаиков Шарафа Рашидова «Победители» и Рахмата Файзи «В пустыню пришла весна», поэмы молодых поэтов Мирмухсина «Мастер Гияс» и «Зеленый кишлак» и Аскада Мухтара «На большом пути».

Последний написал также повесть «Там, где сливаются реки» на новую для узбекской литературы, индустриальную тему. Строительство железной дороги в пустыне изображено в поэме молодого автора Эгама Рахима «Дорога счастья».

Об одном из выдающихся произведений современной узбекской литературы рассказываем мы сегодня.

Верный путь

В центре романа современного узбекского писателя Парда Турсуна «Учитель» — жизнь одного человека, но, рассказывая о ней с хронологической последовательностью, автор дает такой широкий фон, что перед читателем проходит жизнь разных слоев узбекского общества в чрезвычайно важный исторический период, охватывающий полтора десятка лет: канун Октябрьской революции, первые годы становления советской власти, коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса.

В первой части романа — «Детство» — мы знакомимся с мальчиком Халмурадом из нищей дехканской семьи. Детство его безотрадно; недаром впоследствии Халмурад не любил вспоминать о нем: «тяжелы и горьки были его воспоминания».

Придавленные непосильными налогами, выгнанные из родного дома, который пошел на уплату долгов баю, родители Халмурада вместе с ним и его младшим братом бродят с места на место в поисках какого-нибудь заработка.

Умер от истощения маленький брат. Не выдержав лишений и горя, где-то на большой дороге умер и отец. Такая же участь ждала и мать. Стремясь обеспечить Халмурада куском хлеба, она отдает его в услужение богатому ташкентскому ишану (духовному лицу). Одиночество, брань, побои, непосильный труд, полуголодное существование — вот что встретил мальчик в этом доме. В его душе рождался протест, росли ненависть к угнетателям и жажда справедливости.

Наступила Октябрьская революция. До мальчика стали доходить слухи, что пришла новая власть, власть трудящихся, и что для таких, как он, сирот открылись дома, где их кормят и учат. А Халмурад страстно мечтел учиться. И вот однажды он, сняв с себя одежду, полученную от хозяина, чуть ли не в одной рубашонке, в зимнюю стужу убежал в детский дом.

Это было началом нового, трудного, но верного пути. Шаг за шагом показывает писатель, как советское воспитание выковывало из Халмурада настоящего человека. Пятнадцатилетним юношей, в траурные дни после смерти Ленина, он вступил в комсомол.

По окончании школы Халмурад был направлен учителем в глухой, отсталый кишлак Камышкапа. Председатель сельсовета Таджибай — подкулачник, дальний родственник одного из местных кулаков, неграмотный, глупый человек — больше всего на свете боялся потерять свою власть. Секретарь партийной ячейки Абдурасуль до приезда Халмурада чувствовал себя довольно одиноким в этом кишлаке, где окопалось кулачье: бывший бай Ола-ходжа со своим сыном Мамурджаном, мясник Закир-ходжа, басмач Мадамин и подобные им. Тут же оказался и бывший хозяин Халмурада ишан Убайдулла-ходжа.

Действие происходит во второй половине двадцатых годов, когда в Узбекистане шла острая классовая борьба. Этой борьбе в основном посвящены вторая и третья части романа—«Первые шаги» и «Верный путь».

Чтобы запугать население и отвратить его от коллективизации, басмачи убивают одного из активистов. Но вокруг секретаря партийной ячейки и учителя растет актив передовиков. Неся людям свет знания, Халмурад воспитывает их в духе великих идей коммунизма, и ничто уже не может сломить их веры в полную победу над эксплуататорами. Огромную идейную и организационную помощь оказывает передовым людям кишлака уполномоченный из Москвы Алексей Михайлов, вместе с которым, как говорит Халмурад, пришла «сама правда». Алексей Михайлов олицетворяет руководящую роль русского рабочего класса в борьбе трудящихся за свои права.

Роман заканчивается полным разгромом кулацкой банды и организацией колхоза. В этом немалую роль сыграла деятельность Халмурада.

Образ главного героя романа удачен потому, что автор дал его в развитии. Халмурад вырастает буквально на глазах, превращаясь из нищего, забитого крестьянского мальчика в деятеля советского общества. Писатель создал типическую фигуру, придав Халмураду яркие индивидуальные черты и сохранив все национальное своеобразие.

Типичны, каждый в своем роде, и остальные персонажи. Особо нужно остановиться на женских образах. Узбекская женщина, ставшая полноправным членом общества, — это новый, еще мало разработанный образ в узбекской литературе. Парда Турсун дал яркий портрет тетушки Аимхан, свободной, смелой женщины, которая одна из первых в кишлаке сбросила паранджу, впоследствии стала председателем сельсовета (вместо Таджибая), а затем и колхоза «Верный путь». Привлекательны образы невесты Халмурада — красивой, умной и свободолюбивой Гульсум и стыдливой, скромной Ай-пашша, несмотря на гнет родителей и бытовые предрассудки, находящей в себе силы не подчиниться воле отца и бежать из дому.

Яркую галерею образов представляют также отрицательные персонажи, в столкновении с которыми особенно четко раскрывается мировоззрение Халмурада. Так, два непримиримых мира убедительно показаны в очень сильной сцене ночного разговора Халмурада со своим бывшим хозяином — ишаном.

Узбекские советские писатели воспитываются на лучших образцах классической и современной русской литературы. В романе «Учитель» явственно ощутимы горьковские традиции, чувствуется воспитательное значение творчества великого писателя. Так, Халмурада до глубины души волнует бессмертный образ Данко. «Пусть факелом горит и мое сердце!» — думает он.

Глубоко правдивое, реалистическое произведение Парда Турсуна показывает становление узбекской советской интеллигенции, рост социалистического сознания узбекского народа, вставшего на верный путь — путь построения коммунистического общества.

Л. БАТЬ

Парда Турсун. Учитель. Роман. Перевод с узбекского В. Смирновой. Госиздат УзССР. Ташкент. 1951. 416 стр.

Петар Петрович-Негош

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Петар Петрович-Негош родился в 1811 или в 1813 году (точно не установлено). Черногорцы называли его Владыка Раде: в юности он стал государем и владыкой (высшим духовным лицом) Черногории.

Но не как владыка и не как государь Петар Петрович-Негош обрел бессмертную славу среди югославских народов, а как гениальный поэт-патриот. Это одна из самых замечательных, самых колоритных фигур не только черногорского, но и югославского прошлого. Его «Горный венец» — величайшая драгоценность в сокровищнице нашей литературной классики.

Писать Негош начал еще в детстве. Это были патриотические песни о борьбе с турками. Черногорцы знали их наизусть и пели в сопровождении национального инструмента — гуслей.

Главные произведения Петара Петровича-Негоша — «Лучи микрокосма», «Степан Малый» и «Горный венец».

Гениальное произведение Негоша «Горный венец» (1847) посвящено восстанию черногорцев и истреблению потурчан в Черногории в конце XVII века. Главным действующим лицом этой патриотической лирико-эпической поэмы является черногорский народ. Почти все персонажи поэмы — подлинные исторические личности.

По глубине, красоте, народности, патриотизму «Горный венец» представляет собой вершину сербской поэзии.

Негош относится к числу самых выдающихся югославских поборников братства и дружбы с великим русским народом. Он постоянно подчеркивал, что без помощи русского народа славянские народы не могут стать свободными. Поэт называл Москву «единственным местом на земном шаре, где может ликовать душа черногорца».

Дважды Негош приезжал в Россию — первый раз в 1833, второй — в 1837 году. В своих письмах он рассказывает о ней с трогательной любовью.

Изо всех поэтов Негош больше всего ценил Пушкина. Смерть гениального поэта больно отозвалась в сердце Негоша. «Счастливым певцом великого народа» назвал он Пушкина в стихотворении, посвященном его памяти («Тени Александра Пушкина»).

Негош прекрасно знал «Слово о полку Игореве», отрывки из которого он перевел на сербский язык. Русский язык Негош особенно любил и знал отлично.

Негош умер в расцвете своих творческих сил 19 (31) октября 1851 года.

Фашистская клика Тито — Ранковича не пощадила и этого югославского великана. Она подло спекулирует именем Негоша, используя его в своих темных целях. А между тем каждое слово из негошевского «Горного венца», написанного более ста лет назад, бьет с огромной силой прямо в лицо белградской фашистской банде предателей.

Титовцы преступно фальсифицируют произведения Негоша, в первую очередь «Горный венец». Под видом «драматизации» поэмы титовцы воровски выбросили из нее все то, что их более всего разоблачает как предателей; они искалечили, извратили гениальные мысли и стихи поэта. Этим они нанесли тяжелое оскорбление не только памяти гениального поэта, но и черногорскому народу, гордостью и славой которого является Негош.

«Фашисты, — говорил Г. Димитров, — перетряхивают всю **историю** каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом...»

Наперекор презренным титовским фальсификаторам черногорский и все другие югославские народы свято хранят в неприкосновенной чистоте наследие своего великого поэта. Это наследие народ использует как мощное оружие в освободительной борьбе против англо-американских захватчиков и их наймитов — клики Тито — Ранковича.

Перо ПОПИВОДА

Дирижер оркестра узбекских народных инструментов Лола Султанова.

Народная артистка Узбекской ССР Галия Измаилова исполняет танец с колокольчиками.
Фото Г. Зельма

ДУТАР ЗАЗВУЧАЛ ПО НОВОМУ...

Оркестр народных инструментов Узбекистана. Дирижер А. И. Петросянц проводит репетицию.

Фото В. Коссовского

Концерт закончился поздно. Как и всюду, в Синцзяне гостей — артистов советского Узбекистана — долго не отпускали со сцены. Когда аплодисменты наконец стихли и музыканты убрали инструменты, к руководителю оркестра лауреату Сталинской премии А. И. Петросянцу подошла группа зрителей.

— Покажите нам ваши инструменты,— обратились они к дирижеру.— Рубаб любят и у нас. Но в руках кашгарских музыкантов он никогда не звучал так чудесно. Нам интересно узнать, в чем секрет.

Гости снова достали из футляров свои инструменты. Беседа с синцзянскими музыкантами затянулась надолго. Покидая театр, синцзянцы унесли с собой подарок советских артистов — два рубаба.

...Пятнадцать лет назад у преподавателя Ташкентского музыкального училища А. Петросянца зародилась мысль реконструировать узбекские народные инструменты. Ни на одном из них нельзя было играть по нотам. Произвольно расположенные каждым мастером надвязные лады неравномерно распределяли тоны. Инструменты, как говорят музыканты, не были темперированы. Проиграет на рояле педагог музыкальную фразу, а повторить ее на дутаре или рубабе ученику не удается: недостает в гамме инструмента многих звуков. На старом инструменте можно было исполнять только звучащие в унисон мелодии.

Создать у народных инструментов нормальную хроматическую гамму с правильным чередованием тонов, сохранив при этом все оттенки звучания, присущего народной музыке Узбекистана, значило широко распахнуть перед каждым, кто играл на дутаре, гиджаке или рубабе, дверь в чудесное царство классической музыки. За реконструкцию народных инструментов взялся А. Петросянц. Вместе с ним работает мастер-самоучка С. Диденко.

В небольшой мастерской экспериментальной лаборатории Узбекского государственного института искусствознания висят круглые, точно арбуз, гиджаки, большие и маленькие дутары, своеобразные, с эластичной кожаной декой рубабы, каплевидные, с длинным грифом тамбуры... Рядом с ними неуклюжими кажутся выдолбленные из целого куска дерева старинные инструменты. Хотя в новых инструментах и повторяется форма, но они легче, совершеннее. Уже не надвязные жильные «пардэ» (лады), которые каждый мастер передвигал на свой слух, а медные или деревянные пластинки фиксируют правильную хроматическую гамму. На таких инструментах можно сыграть и узбекскую народную песню и исполнить произведение Чайковского.

В музыкальных школах и училищах республики, в консерватории обучение идет теперь уже на реконструированных народных инструментах. В оркестрах появились и новинки: дутар-альт, гиджак-бас, гиджак-контрабас,— созданные А. Петросянцем и С. Диденко.

Своеобразной школой музыкантов стал оркестр народных инструментов Узбекской государственной филармонии. Здесь проходит проверку каждый созданный мастерской инструмент, сюда приносят композиторы написанные ими произведения.

В репертуаре оркестра сейчас более пятисот партитур — народные песни, музыка советских композиторов, танцы из опер Глинки и Чайковского, отрывки из сюит Грига.

Неузнаваемо изменились старинные дутары, гиджаки, рубабы, еще и сейчас встречающиеся в колхозных поселках Узбекистана. Со сцены раздаются шутливо-грозная мелодия марша злобного карлы Черномора из «Руслана и Людмилы» Глинки, полный чувства Григ. Самый колорит стал выразительнее, глубже. Обогащенные старинные народные инструменты Востока зазвучали по-новому, как бы найдя в музыке новые краски.

Н. СОЛОВЬЕВА

Ташкент.

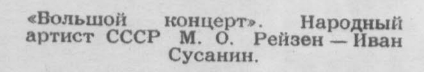
Испытание нового дутара-альта. Справа налево: заслуженный деятель искусств Узбекской ССР А. И. Петросянц, Л. Султанова и конструктор С. Е. Диденко.

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ

Вера СТРОЕВА,

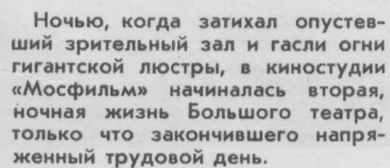
заслуженный деятель искусств

«Большой концерт». Народный артист СССР М. О. Рейзен — Иван Сусанин.

«Большой концерт». Сцена из спектакля «Князь Игорь».

Ночью, когда затихал опустевший зрительный зал и гасли огни гигантской люстры, в киностудии «Мосфильм» начиналась вторая, ночная жизнь Большого театра, только что закончившего напряженный трудовой день.

В павильонах киностудии можно было встретить в эти поздние часы Ярославну, оплакивающую Игоря, и самого Игоря, увидеть огневые половецкие пляски... Здесь шла съемка цветного художественного фильма «Большой концерт», посвященного творчеству Большого театра Союза ССР.

Очень трудно было решить, что именно из обширного репертуара театра следует показать, кого из многочисленных артистов богатой дарованиями труппы снимать в нашей картине. Хотелось как можно полнее запечатлеть на экране огромный масштаб спектаклей Большого театра, познакомить зрителей не только с мастерством солистов Большого театра, но и с достижениями всего коллектива, включая хор, оркестр, кордебалет.

Хотелось рассказать и о тесной дружбе Большого театра со зрителями и о воспитании молодой его смены из народных талантов. Эти темы и нашли свое отражение в сюжете сценария (автор — Я. Максименко). Пользуясь особенностями нашего искусства, операторы М. Гиндин и В. Николаев широко применяли съемку с движения, при которой кинообъектив, переходя последовательно от одного объекта к другому, как бы расширяет поле зрения. Это тем более важно, потому что зритель в театре, в особенности, если он занимает место в дальних рядах партера или в верхних ярусах, не может подробно рассмотреть сценические детали, хорошо видеть игру актера. Кинематограф в этом случае помогает зрителю. Было сделано немало съемок крупным планом.

Руководствуясь эскизами декораций художников Большого театра Ф. Федоровского, П. Вильямса и других, наши художники — заслуженный деятель искусств И. Шпинель, молодые мастера П. Киселев и Е. Серганов — искали свое собственное решение в оформлении. В павильоне «Мосфильма» строились заново соборная площадь в Путивле, шатры половецкого стана, декорации к «Ромео и Джульетте», «Ивану Сусанину», «Евгению Онегину», была воздвигнута точная копия зрительного зала Большого театра.

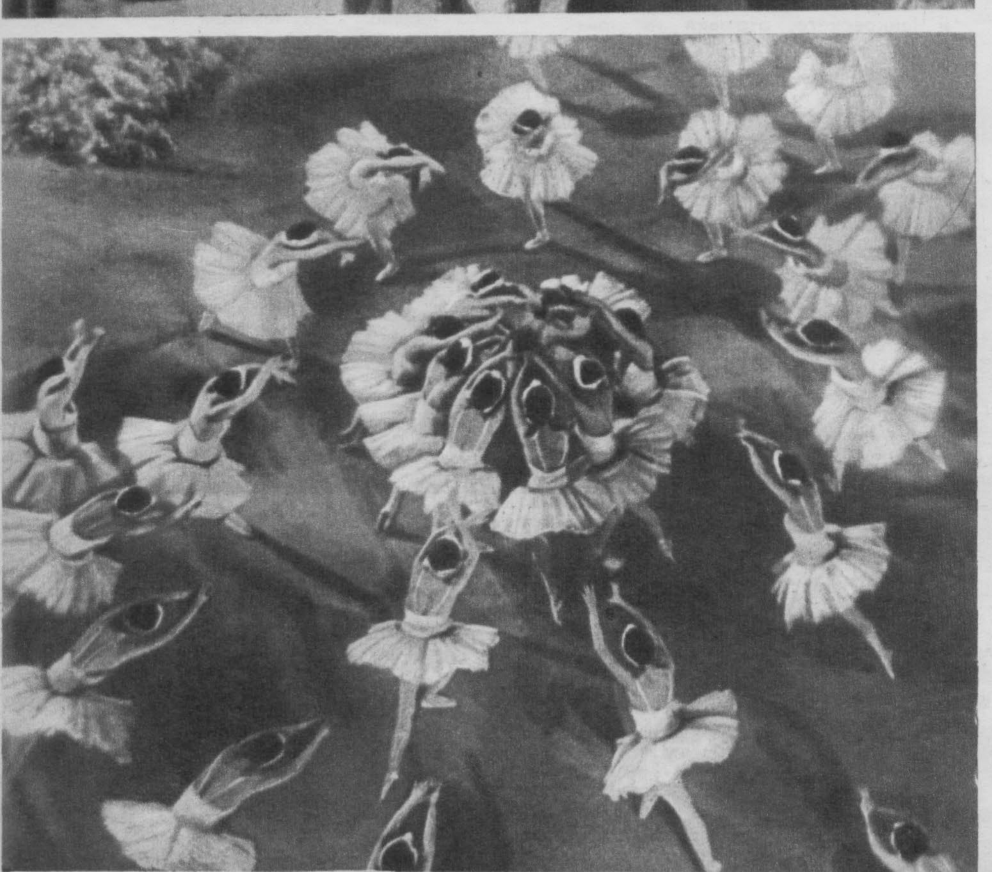
Искусству мастеров комбинированных съемок — оператора Б. Арецкого и художницы Л. Александровской — мы обязаны множеством эффектных эпизодов в фильме: «затмением солнца», «пожарами» и другими.

Немало поработали музыкальный редактор фильма композитор Н. Крюков (он же автор финальной кантаты) и звукооператор Б. Вольский, добиваясь музыкальной цельности фильма, включающего в себя богатый и разнохарактерный материал.

Большую помощь в создании этого фильма оказал нам весь коллектив театра и особенно его художественный руководитель, народный артист СССР Н. С. Голованов.

Участие в фильме народного артиста СССР А. Пирогова представляло особенно большой интерес: он впервые снимался в кино, и партию Игоря он также исполнял впервые.

В роли половецкого хана Кончака выступает народный артист СССР М. Михайлов, а Ярославны — заслуженная артистка РСФСР Е. Смоленская. В знаменитой сцене половецких плясок в нашем фильме снимались народная артистка СССР О. Лепешинская, народный артист РСФСР А. Мессерер, заслуженные артисты РСФСР Е. Чикваидзе и Г. Фарманянц.

«Большой концерт». Сцена из балета «Лебединое озеро».

В отрывке из «Лебединого озера» Чайковского участвуют народная артистка РСФСР Марина Семенова, заслуженные артисты РСФСР Майя Плисецкая, В. Преображенский, Ю. Кондратов.

Значительное место в фильме занимают фрагменты из балета С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». Здесь кинопленка запечатлела замечательное мастерство выдающейся балерины, народной артистки Союза ССР Галины Улановой. Образ шекспировской Джульетты принадлежит к лучшим сценическим созданиям Улановой. Достойный ее партнер в роли Ромео — народный артист РСФСР М. Габович. В «Ромео и Джульетте» снимались также народный артист РСФСР А. Ермолаев и заслуженный артист РСФСР С. Корень.

Вокальное искусство представлено в нашем фильме выступлениями народных артистов СССР М. О. Рейзена, исполняющего арию Сусанина, И. С. Козловского, который поет арию Ленского, народных артисток РСФСР В. А. Давыдовой и М. П. Максаковой, исполняющих русские народные песни.

Участвуют в фильме и представители оперной молодежи, занявшей заметное место в труппе Большого театра. Мария Звездина и Александр Огнивцев исполняют в «Большом концерте» роли колхозницы Наташи Званцевой и рабочего Уфимцева. На судьбе Званцевой и Уфимцева мы хотели показать, как в нашей стране растут молодые таланты из народа.

Вспоминая дни совместной творческой работы с коллективом Большого театра, хочется сказать об его исключительной дисциплинированности и трудоспособности. Съемки чаще всего происходили ночью. Артистам приходилось выступать перед киноаппаратом после утомительного рабочего дня, проведенного на сцене,— дневных репетиций, вечерних спектаклей. Однако ни усталость, ни трудность непривычных выступлений перед кинообъективом никогда не приводили к небрежности исполнения.

Неоценимый вклад внес в сокровищницу русской и мировой музыкальной культуры Большой театр — его 175-летие отмечалось в этом году как всенародный праздник. Советский народ любит и высоко ценит мастеров Большого театра. Концертные гастроли солистов и радиопередачи знакомят с творчеством актеров Большого театра широкие слои населения. И все же те, кто живет далеко от советской столицы, лишены возможности видеть постановки Большого театра. Желание сделать искусство Большого театра еще более доступным миллионам зрителей натолкнуло нас на мысль о создании специального кинофильма.

Однако нам казалось раньше и кажется сейчас, что только в целой серии картин о Большом театре можно было бы выполнить подобную задачу.

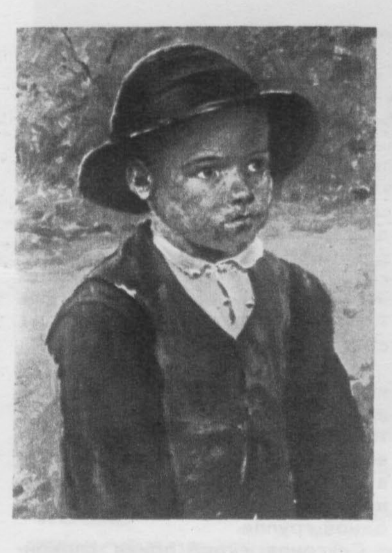
Мы надеемся, что советская кинематография еще и еще раз вернется к этой теме, и вслед за «Большим концертом» зритель получит и другие фильмы, знакомящие его с замечательным мастерством артистов Большого театра Союза ССР — лучшего музыкального театра мира.

Картины жизни народной

В чехословацком искусстве прошлого столетия известна была группа художников, называвшаяся «Поколением Национального театра». Скульптора И. Мысльбека, пейзажиста Маржака, автора популярных иллюстраций на исторические темы М. Алеша и других представителей «Поколения» объединяло стремление отразить в искусстве прошлое своего народа, рассказать об его героях, показать пейзажи родной страны. И хотя все эти мастера интересовались преимущественно историческими сюжетами, для чехословацкого искусства очень важным было обращение к национальной тематике.

В конце семидесятых годов XIX века эти, тогда еще совсем молодые художники приняли участие в оформлении нового театрального здания, выстроенного по проекту архитектора Зитека. Коллективная работа привела к тому, что вся группа была названа общим именем «Поколение Национального театра». Почетное место в ней принадлежало Вацлаву Брожику, память которого чтит чехословацкий народ, отмечая в этом году сто лет со дня рождения и пятьдесят лет со дня смерти выдающегося живописца.

Родился Вацлав Брожик в 1851 году. Тяга к искусству рано определила его жизненный путь. Он поступил в Пражскую академию художеств и окончил ее. Ранний период творчества В. Брожика отмечен увлечением сюжетами, характерными затем для всего «Поколения». Он брал свои темы из истории родной Чехии, обычно из средневековья, не

В. Брожик. МАЛЬЧИК В ШЛЯПЕ.

теряя при этом ощущения современности, стараясь раскрыть в далеком прошлом черты, близкие сегодняшнему дню.

В своих исторических картинах художник обращал основное внимание не на отдельных действующих лиц, а на события, их обстановку и условия. Поэтому произведения В. Брожика документально точны и правдивы.

В огромном зале пражского Града разыгрывается драматическая сцена: возмущенные горожане расправляются с изменившими народу наместниками. В картине много людей, выписанных живо и свежо, много разнообразных сцен, в каждой из которых Брожиком подмечено свое, особенное. Полотно «Расправа с чешскими наместниками в пражском Граде» характерно для всех исторических работ художника.

Но не огромные и многочисленные полотна на темы истории и не галерея портретов выдающихся деятелей культуры Чехословакии главное в творчестве В. Брожика. Наиболее впечатляют его работы, посвященные крестьянской жизни, портретные зарисовки людей из народа. В них художник смог особенно полно раскрыть свой незаурядный талант.

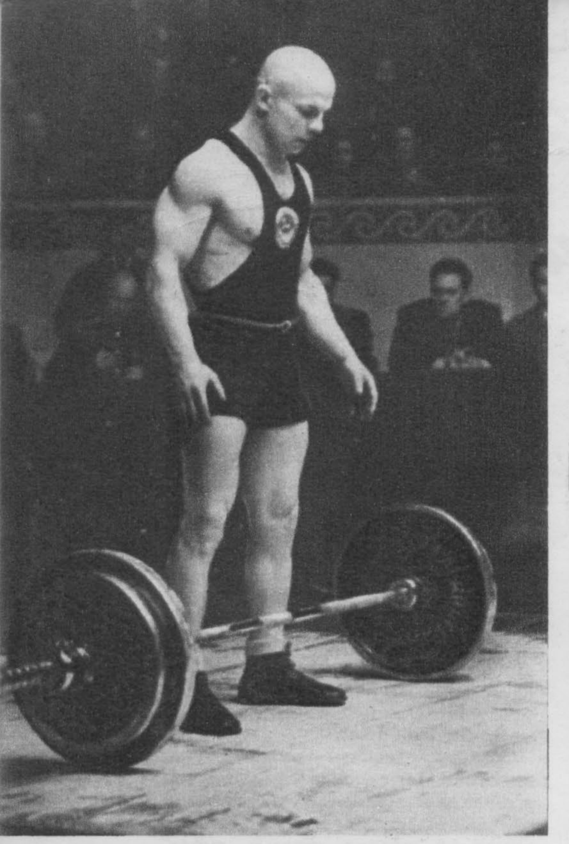
С некрасовским «мужичком с ноготок» перекликается «Мальчик в шляпе» — маленький работник, с детских лет узнавший тяжесть труда. В плотно сжатых губах, внимательном взгляде из-под чуть насупленных бровей, во всем облике крепыша чувствуется большая серьезность, присущая крестьянским образам В. Брожика. Той же внутренней серьезностью отмечены и лица молодых крестьян в картине «На поле». Молодая женщина тяжело задумалась о чем-то своем, ее муж озабоченно всматривается вдаль. И слишком горьки их думы, чтобы можно было заметить красоту наступающего дня, пронизанного первыми лучами солнца. Глядя на картину, невольно думаешь, как хороши эти поля и как тяжко живется их труженикам.

За постоянную думу о родине и народе любят в сегодняшней Чехословакии искусство певца жизни народной Вацлава Брожика.

И. ГРИНЕВ

В. Брожик. НА ПОЛЕ.

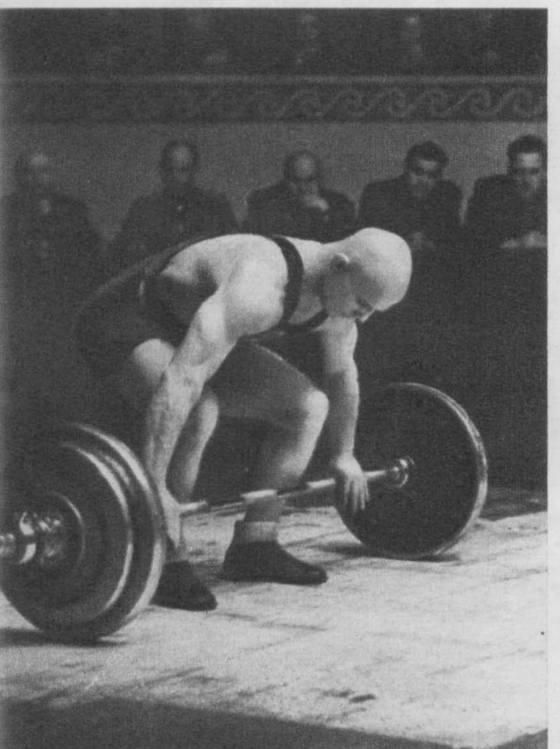
ЕСТЬ МИРОВОЙ

И. БОРИСОВ

Фото А. Бурдукова

К спортивному залу они шли вместе, прислушиваясь к гулу большого оживленного города. Солнце еще просвечивало сквозь пышные кроны лип, а на земле уже сгущались вечерние тени. Навстречу по широкой Сталин-аллее двигались веселые группы молодежи. Они приветствовали русских друзей на общепонятном языке улыбок и сияющих глаз. Так уж повелось на Всемирных студенческих играх.

Николай Саксонов привык в «трудные» минуты спортивной жизни видеть рядом с собой хладнокровного Аркадия Воробьева. Они были земляками, учились в одном медицинском институте, на одном факультете и даже в одной группе.

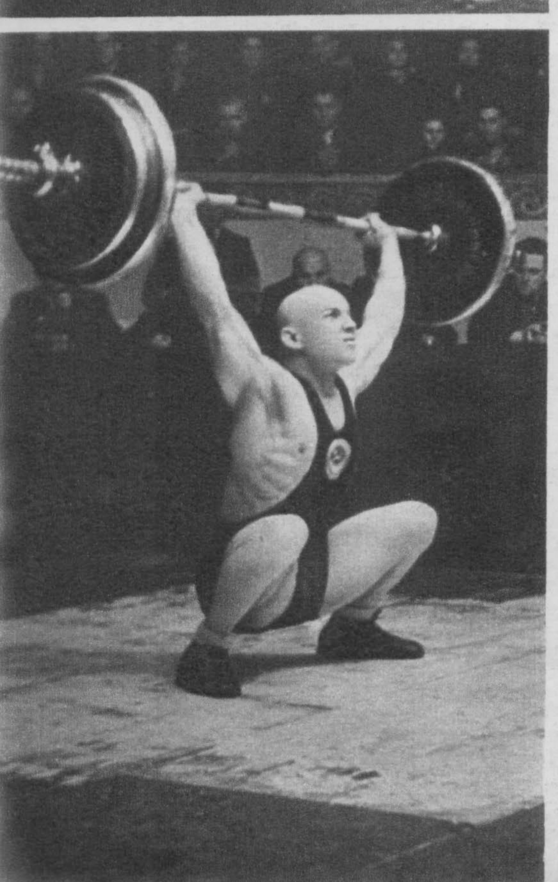

Саксонов скоро понял спокойствие и неторопливость своего друга — то была вера в свои силы. И то, что Воробьеву удалось превысить мировой рекорд в рывке для атлетов среднего веса, Николай принял как должное: ведь он верил в это.

Со своей стороны, Воробьев питал такое же дружеское уважение к Саксонову и, чего, может быть, не знал Николай, именно у него учился быть решительным и твердым. Помнится ему, как поразил его при первой встрече немногословный Саксонов. Николай казался тяжелее своих 60 килограммов. «Крепкий паренек», — подумал Воробьев, оглядывая мускулистое, ладно сбитое тело молодого штангиста. На руках и ногах Саксонова темнели следы зарубцевавшихся ран. Как узнал потом Воробьев, Саксонов был четырежды ранен — в обе руки и обе ноги.

Спортивный успех пришел к Николаю Саксонову не сразу, и в этом была своеобразная закономерность.

В детстве Николай любил бегать на коньках, играл в футбол и хоккей. Эту подвижность и гибкость Саксонов принес в тяжелоатлетический зал. Балансируя с тяжелой штангой, он выработал в себе удивительное чувство равновесия. Каков бы ни был предельный вес, какая бы ни была площадь опоры, молодой атлет не терял устойчивости.

«Овладел техникой — вырабатывай силу», — наставлял тренер Фоминых. И действительно, в чисто силовом движении — жиме — молодой штангист значительно отставал от многих своих товарищей-полулегковесов, не говоря уже о таких выдающихся атлетах, как Евгений Лопатин и Моисей Касьяник. Трудно приходилось Саксонову, очень трудно. Сначала, казалось, у него не было никаких шансов на успешное соревнование с этими спортсменами. Лопатин побеждал Саксонова, а Касьяник ни в чем не уступал Лопатину.

И все же Саксонов смело включился в спор сильнейших и... потерпел жестокое поражение — на первенстве СССР 1948 года он занял всего лишь седьмое место. Но Саксонов не был подавлен случившимся. В вагоне свердловского поезда, прислонившись головой к холодному оконному стеклу, он размечтался ни мало, ни много о новых рекордах Союза. Рекорды принадлежали замечательному советскому силачу Георгию Попову.

«Застоялись рекорды Георгия Владимировича», — улыбался невидимому собеседнику Саксонов, и ему вспоминался плотный добродушный Георгий Владимирович Попов с каштановым вихром, свисавшим на лоб. Это у него, у Попова, научился Саксонов мастерству рывка — так называемому рывку «разножкой». У него, у старейшего гиревика, Саксонов перенял удивительную неуспокоенность, жажду совершенства.

Всего лишь год потребовался Саксонову, чтобы с седьмого места перебраться на первое. Мужество воина сослужило хорошую службу и в спорте. А борьба с бесстрастным грузом металла требовала немалого мужества. Юноша находил в себе силы приходить каждый вечер в тяжелоатлетический зал и работать, работать...

Исподволь готовился молодой штангист к побитию рекордов Попова в рывке и толчке. Но в последний момент между ним и Поповым встал третий атлет — чемпион мира 1950 года египтянин Файяд.

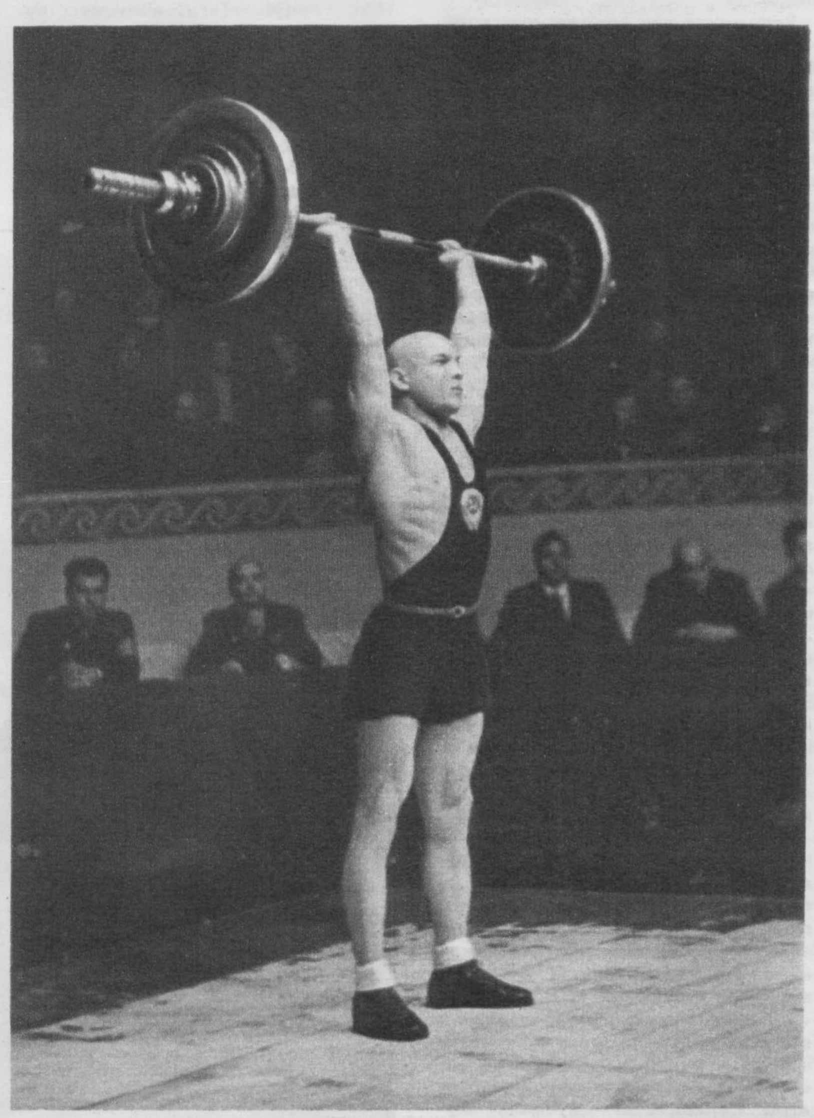
Файяд ничего не мог поделать с результатами Попова — состязаться с ним было поистине невозможно. Но Файяду повезло: рекорды русского штангиста не регистрировались как мировые, так как они были установлены до вступления Советского Союза в Международную федерацию гиревиков.

Значит, прежде всего Файяд...

Никогда Саксонов столько не ходил на лыжах, как минувшей зимой. В подмосковном доме отдыха Вороново готовился он к встрече сильнейших тяжелоатлетов страны. Набирался сил, совершенствовал технические навыки.

Месяц пролетел незаметно, и наконец наступил день испытания. Запорошенный снежной крупой автобус привез штангистов к спортивному залу. Как всегда, рядом с Саксоновым находился Воробьев.

— Ты можешь, ты должен... И весь сказ...— говорил Аркадий.

Н. Саксонов взял вес.

РЕКОРД!

А сказ поначалу развертывался не совсем гладко. Подход к первому весу — 100 килограммам — закончился неудачей. Штанга, с силой выброшенная вверх, потянула за собой подсевшего под нее атлета и грохнулась о помост. Как видно, Саксонов неточно расположил свое тело под весом, погорячился.

«Серьезней, держись!» — выговаривал сам себе атлет, покидая сцену. В сущности, он очень легко вырвал штангу, но не смог ее удержать. Главное — сила — есть, сейчас нужно восстановить то сосредоточенно-чуткое состояние, когда мышцы становятся «зрячими», а каждое усилие может быть измерено еще до своего зарождения.

Саксонов снова подошел к штанге. Он был насторожен и решителен. Рассчитанным движением, как бы нацелившись, Николай обхватил гриф. Холодная сталь прилипла к ладоням. Рывок — и штанга, сверкнув серебристыми кругляшами, взмыла вверх. Не отрывая глаз от грифа, Саксонов осторожно встает из подседа. Вздрогнули мощные мускулы ног, руки напряглись. Вес взят!

Третий раз подошел к штанге Саксонов и... поднял 105 килограммов — столько же, сколько египтянин.

«Файяд в твоих руках!» — пошутил кто-то в раздевалке, набрасывая на Саксонова теплый халат. А там, на сцене, главный судья уже позванивал мелким набором дисков: устанавливался рекордный вес — 105,5 килограмма.

Зал застыл в ожидании. Только слышно, как от легкого сквозняка шуршат на столе у секретаря бумаги.

Пора... Саксонов подходит к штанге. Сейчас бы он не услышал и пушечной канонады. Стены зала сужаются до кромок помоста. Он — и штанга. Медленно наклоняется Саксонов. Пальцы неторопливо обжимают гриф. Мышцы расслаблены — это кратковременный отдых перед «взрывом». Ноги расставлены в стороны. Так удобней.

Вдох. Тело как бы наполняется бодростью, силой, весом. Мускулы включаются мгновенно. Неимоверной силы рывок вверх и одновременно резкий уход под штангу. Груз немного отклоняется назад, но вслед за ним прогибается и туловище атлета, руки, «замкнутые» в плечах,— лопатка к лопатке,— как железные тиски, удерживают штангу. Есть мировой рекорд!

С того зимнего вечера прошло немного времени. Весною в финском городе Турку Саксонов прибавил к своему мировому рекорду еще 500 граммов. А сейчас, на Всемирных студенческих играх в Берлине, он должен выйти на помост переполненного молодежью спортивного зала, чтобы штурмовать новый мировой рекорд, на этот раз в толчке...

...В раздевалке Николай устраивается рядом с Воробьевым. По очереди подходят они разминаться к штанге.

Почти пятнадцать лет был незыблем рекорд Попова в толчке: 136 килограммов — 8 с половиной пудов. Этот громадный вес надо поднять сначала на грудь, а затем вытолкнуть на прямые руки. А собственный вес Саксонова — 60 килограммов.

Щурясь от яркого света, он выходит к штанге.

Пальцы атлета обхватили рубчатую трубку грифа. Невидящими глазами смотрит Саксонов в затемненный зал. Там сидят его друзья — знакомые и незнакомые. Если не все они верят в его победу, то, во всяком случае, каждый желает ему удачи.

Саксонов резко потянул вес на себя — силой ног, туловища, рук. Штанга отделилась от помоста и пошла вверх. Глубокий, выверенный на тренировках подсед, и руки атлета ловко подворачиваются под гриф.

В отвесно падающем свете люстр видно, как розовеет от прилива крови грудь спортсмена. Выведенные вперед руки с желваками мышц говорят о большом напряжении. Кажется, вот-вот Саксонов опустит штангу. Но сильным толчком посылает он ее вверх и, когда она проходит линию головы, снова подседает под нее. Штанга замирает на выпрямленных руках. Отныне еще один мировой рекорд принадлежит советской Родине.

Под шумные аплодисменты зрителей покидает Саксонов сцену. У самых ступенек его догоняет светловолосый кареглазый подросток. Сгорая от смущения и гордости, он передает рекордсмену пестрый букетик цветов. Саксонов останавливается. Мальчик не сводит с богатыря восхищенного взора.

— Спасибо, дружище, спасибо!

Руки атлета, только что поднявшие сказочно громадный вес, сильные, обожженные войной руки бережно берут скромный подарок берлинского школьника.

Новый успех

Советские штангисты славятся на весь мир своим мастерством. Команда советских тяжелоатлетов неоднократно принимала участие в крупнейших международных состязаниях, неизменно добиваясь больших успехов. Последнее выступление в октябре этого года наших штангистов за рубежом, в Польше, внесло еще две поправки в таблицу мировых рекордов.

Штангист полусреднего веса Ю. Дуганов в рывке двумя руками установил новый мировой рекорд — 129 килограммов. С большим успехом выступил заслуженный мастер спорта Г. Новак. В жиме двумя руками ему удалось перекрыть свой же мировой рекорд, установленный им в этом году для атлетов полутяжелого веса. Новак выжал 141,5 килограмма.

ОНИ ВПЕРВЫЕ СТАЛИ ЧЕМПИОНАМИ

В. Бражник берет высоту 4 метра 27 сантиметров.

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ПОПЫТКИ

На щите появились цифры: «4 метра 20 сантиметров».

Высокий, сухощавый, атлетически сложенный спортсмен напряженно и внимательно смотрел на рейку, висящую высоко в воздухе. Преподаватель легкой атлетики Киевского института физкультуры Владимир Бражник на своих лекциях, рассказывая о прыжке с шестом, всегда подчеркивал, что здесь успех решает не только отличная и всесторонняя физическая подготовка, включающая в себя гибкость и точность гимнаста, стремительность и легкость спринтера, силу штангиста, но и огромная целеустремленность, непрестанное стремление к высоте.

Владимир Бражник воспринял это стремление от своего отца, известного в свое время гимнаста, ныне заведующего кафедрой гимнастики Киевского института физкультуры. В том же институте учился и сын, пройдя там большую спортивную школу. Теперь Владимир Бражник сидит на траве минского стадиона рядом с тремя сильнейшими прыгунами страны и смотрит, как судьи устанавливают рейку на высоте 4 метров 20 сантиметров. Около него Владимир Князев, Борис Сухарев и Петр Денисенко. Они внимательно ощупывают свои узловатые гибкие шесты. Кого же ждет удача?

Петр Денисенко сравнительно легко перешел планку, и Бражник, выйдя на дорожку, в последний раз взглянув на рейку, словно парящую в воздухе, легко держа свой шест наперевес, устремился вперед и красиво и точно перенес свое тело над рейкой...

Ни Князеву, ни Сухареву не удалось взять высоту 4 метра 20 сантиметров. И теперь уже только двое продолжали борьбу — Денисенко и Бражник. Снова перед ними рейка, поднятая вверх еще на 7 сантиметров. И на этот раз Владимиру Бражнику с первой попытки удается прыжок. Так впервые Владимир Бражник выиграл первенство СССР.

ДЕВУШКА ИЗ ДРУЖКОВКИ

Спортсменкам предстояло пробежать по берлинскому стадиону имени Вальтера Ульбрихта два круга. Был дан старт состязанию на 800 метров.

После первого круга впереди оказались советские бегуньи П. Солопова, В. Помогаева и К. Димитрук. Между ними разгорелась упорная борьба. Спортсменки шли плотной группой, не уступая друг другу. Только почти у самой финишной ленточки Полина Солопова сделала рывок и опередила на мгновение Помогаеву.

Двумя неделями позже П. Солопова, В. Помогаева и другие стартовали на 800 метров в Минске во время розыгрыша первенства Советского Союза по легкой атлетике. И на этот раз бег повела Солопова. Но вскоре ее обогнали В. Помогаева и В. Богатырева. Следом бежала молодая украинская спортсменка Нина Плетнева.

За двести метров до финиша Плетнева опередила всех противниц. Она и закончила бег первой с блестящим результатом, превышающим официальный мировой рекорд.

Нине Плетневой была вручена золотая медаль чемпионки Советского Союза.

Нина Плетнева только прошлой весной начала заниматься физкультурой на стадионе своего родного завода имени Ворошилова. Завод этот выпускает горное оборудование и находится в Дружковке, в Донбассе.

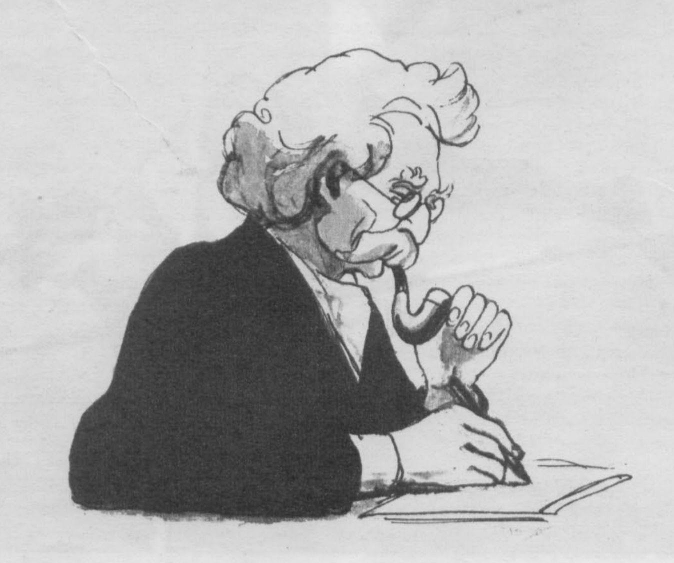
Сначала Нина заинтересовалась баскетболом и велосипедным спортом, а потом начала выступать и на беговой дорожке. Молодая бегунья оказалась настолько способной и упорной в тренировках, что уже осенью выполнила норму мастера спорта. Она продолжала упражняться и зимой на свежем воздухе. Результаты сказались на минском стадионе. Девушка из Дружковки надела майку чемпионки СССР.

Нина Плетнева устанавливает мировой рекорд.

Фото Н. Волкова

Фельетоны

Марка Твена

На русском языке печатаются впервые

Рисунки Л. Бродаты

Чем занимается полиция

Разве не добродетельна наша полиция? Разве не обеспечивает она идеальный порядок в городе? Ведь это ее бдительное око, ее распорядительность помогают всем местным хулиганам и головорезам становиться на путь истины. Что, разве не так? Разве не полиции мы обязаны тем, что наши дамы осмеливаются днем ходить даже по окраинам города, разумеется, если их охраняет... полк солдат? А не говорит ли о радении полиции то, что хотя многие важные преступники преспокойно разгуливают на свободе, стоит только кому-нибудь залезть в чужой курятник, как его в два счета упекут в каталажку и имя полисмена, геройски захватившего похитителя курицы, будет увековечено на столбцах газет? А какие полисмены смекалистые, энергичные, подвижные! Взгляните на любого из них, как он шествует по тротуару со скоростью один квартал в час! От такого быстрого движения у людей начинает рябить в глазах и делается нервное расстройство. А как аккуратно полисмены носят форму! А какие у них нежные руки! Вы говорите, полисмен не трудится? Не работает, как вол? Разве нет?..

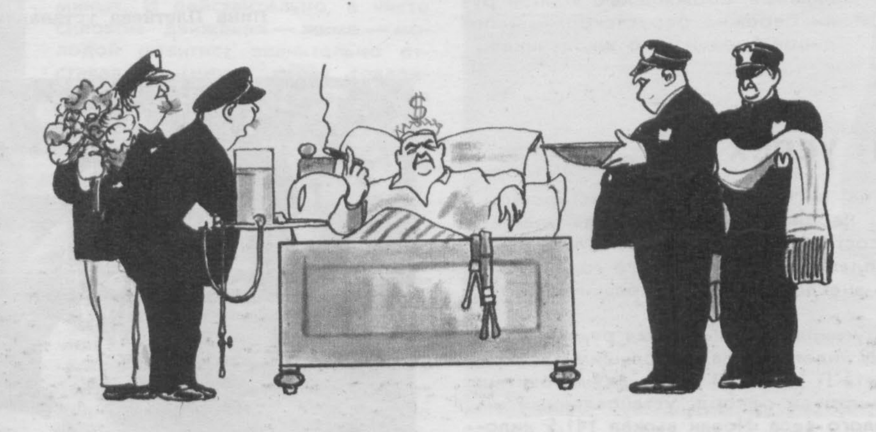
Лично я не имею никаких претензий к полиции. Когда позавчера вечером лавочник Зиле проломил череп несчастному бродяге, утащившему у него мешки из-под муки стоимостью в семьдесят пять центов, полисмены потащили бродягу в тюрьму и весьма добродушно запихнули его в камеру. Вы что же полагаете, они поступили неверно? А по-моему, все было правильно! Не арестовывать же им лавочника Зиле, не говорить же ему: «Полно, братец, ты заявляешь, что поймал этого незнакомца с поличным у себя во дворе, а мы видим только, что ты размозжил ему голову кувалдой; так вот посиди и ты за решеткой, пока мы не опросим противную сторону: вдруг твои показания не подтвердятся? Твое же преступление доказано: нападение на человека и нанесение увечий». С какой стати поступила бы так полиция?! Не волнуйтесь, никто и не думает обвинять ее в этом!

А что такого, если полисмены и бросили полуживого человека в камеру, даже не позвав врача осмотреть его рану? Они просто считали, что это успеется и завтра — пусть только бедняга протянет до завтра! Разве дурно, что тюремщик не стал тревожить искалеченного человека, когда два часа спустя обнаружил его без чувств? Зачем было будить арестованного, ведь он спал, а люди с размозженным черепом имеют обыкновение так безмятежно спать! Разбудить заключенного было невозможно, но тюремщик не видел в этом повода для беспокойства. О чем тут было беспокоиться? В самом деле, о чем? Арестант — человек неизвестный, правом голоса в нашем городе не пользуется; кроме того ведь заявил же давеча про него джентльмен, что он украл какие-то мешки! Ага, украл! Значит, он сам выключил себя из общества и своим дьявольским преступлением лишился права на христианское сострадание! Я в этом убежден. И полиция тоже. Поэтому, хотя неизвестный и скончался рано утром после четырехчасового бодрящего сна в тюремной камере, с головой, рассеченной на две половины, словно яблоко, от лба до затылка (так зафиксировано протоколом вскрытия), но какого чорта вы лезете обвинять полицию? Вечно вы суете свой нос, куда вас не просят! Других дел нет у вас, что ли? Я уже с ног сбился, защищая всюду полицию от разных нападок.

Мне хорошо известно, что наша полиция — воплощение добра, великодушия и гуманности. Только вчера мне напомнили, с каким блеском проявились эти ее качества в случае с капитаном Лизом. Лиз сломал себе ногу, и шеф полиции назначил Шилда, Уорда и еще двух полисменов ухаживать за капитаном, выполнять с материнской нежностью все его прихоти. Подумайте только, шеф дал капитану четверых из самых сильных и работоспособных своих полисменов, в то время как другие, мелочные людишки сочли бы, что, на худой конец, достаточно с Лиза и двоих. Да, наш шеф не поскупился: он отправил всю четверку этих клоунов в полицейской форме в полное распоряжение больного. И это не так уж дорого обошлось городу Сан-Франциско: каких-нибудь пятьсот долларов в месяц.

А вот находятся же люди, которые по злобе своей утверждают, что капитану Лизу не грех было самому раскошелиться и что если бы он лечился за свой счет, то наверняка не стал бы тратить из своего кармана по пятьсот долларов в месяц на сестер милосердия! Кстати, по слухам, власти завалены заявлениями от разных заинтересованных лиц с требованием увеличить число полисменов для охраны имущества от грабителей. А глядишь, начальство не знает, куда девать своих подчиненных, мечется с высунутым языком, изобретая для них разные занятия, и даже назначает полисменов сестрами милосердия, лишь бы найти им что делать.

Вы и представить себе не можете, как меня огорчают эти вечные нападки на нашу добродетельную полицию! Ну, ничего, я верю, что на том свете ей воздастся за все сторицей!

Переписка со священниками

В течение долгого времени я внимательно следил за всеми попытками привлечь кого-нибудь из таких видных священнослужителей, как Хоукс из Нью-Йорка, Брукс из Филадельфии или Каммингс из Чикаго, на пост проповедника в наш замечательный храм, известный под названием собор Милосердия. Убедившись, что все старания церковного совета завербовать одного из них безрезультатны, я счел долгом вмешаться и использовать свое влияние — уж какое там оно ни есть, — чтоб поддержать благое дело. Берясь за это, я не угодничал перед советом и не искал для себя личных выгод: все знают, что я даже не принадлежу к числу прихожан собора. Ни с кем я не говорил, никому даже не намекал, что собираюсь писать священникам. Я действовал добровольно, движимый собственным великодушием, желанием облагодетельствовать верующих.

Привожу текст моего письма к преосвященному доктору Хоуксу.

Дорогой доктор! Мне стало известно, что Вы отказались от должности священника у нас в Сан-Франциско с окладом в семь тысяч долларов в год. Поэтому я решил самолично написать Вам. По секрету — только молчок! — собирайте свои монатки и катите сюда, обещаю, что останетесь довольны. Совет храма хотел схитрить: семь тысяч Вам предложили только для начала торга — никто не ожидал получить Вас по такой дешевке. Я все устрою. Обещаю, что Вы заработаете здесь больше денег за шесть месяцев, чем могли бы получить у себя в Нью-Йорке за целый год... Я пользуюсь огромным авторитетом у духовенства, особенно у преосвященного Вадсворта и преосвященного Стеббинса, так как пишу за них проповеди. Последнее тоже по секрету и не для разглашения.

Вам здесь у нас понравится. Местечко на диво. Грандиозное поле деятельности: грешники идут косяками. Закинешь удочку и сразу вытягиваешь полдюжины. Поверьте, самые скучные, стертые, затасканные проповеди пригонят к Вам целую толпу кающихся грешников. Это точно спекуляция землей: огромные доходы при ничтожном капитале! Вот я, например, накатал не так давно для одного священника епископальной церкви самую бессмысленную, бессвязную проповедь, какую Вам приходилось слышать. На нее мой клиент, едва закинув удочку, выловил целых семнадцать грешников. Тогда я подправил свою стряпню, чтоб она годилась для другой религии, и преосвященный Томас поймал на свой евангелистский крючок одиннадцать человек. Я снова подкрасил чуть-чуть основные догмы и дал эту проповедь Стеббинсу. И что Вы думаете? Стеббинс обратил несколько человек в свою, унитарную, веру. Тогда, недолго думая, я еще разок переставил не-

которые слова в своем произведении, и на этот раз клюнуло у Вадсворта. Так моя проповедь пропутешествовала по всему городу, из церкви в церковь, служа под разными соусами всем верованиям. В общей сложности за то время, что она находилась в действии, мы выловили сто восемнадцать самых отвратительных грешников, какие только когда-либо катились прямым сообщением в ад.

Что касается работы, то она здесь легкая до смешного. Один из вашей братии раздает гимны, второй читает молитвы, третий — главы из евангелия. Вам же абсолютно нечего будет делать, пойте свои псалмы да читайте проповеди. Пения не бойтесь: мелодии простенькие, и для этого дела требуется не больше музыкального образования и слуха, чем для того, чтобы выкрикивать: «Продаю конверты, смазанные клеем, две дюжины за четыре цента!» Между нами говоря, если Вы знаете несколько мотивов модных популярных песенок, то вполне этим обойдетесь и даже вызовете сенсацию. Проповедовать с амвона — тоже пара пустяков. Привезите бочку каких хотите древних проповедей — все равно никто не разберет, старые они или новые...

Черкните мне, Хоукс. Хоть я лично с Вами незнаком, но слышал, что про Вас говорят люди. Тем не менее Вы мне нравитесь.

Марк Твен

Ответ Хоукса:

Дорогой Марк! Я впервые услыхал о Вашем существовании, получив Ваше любезное письмо; но мне кажется, будто я знаком с Вами вечно. Как Вы хорошо понимаете нас, тружеников на ниве господней, как сочувствуете нашей борьбе за кусок хлеба! Бог Вас да наградит за это — на том свете. В Сан-Франциско я, к сожалению, приехать не могу. Не думайте, что я сразу собирался отказаться от Вашего места,— я лишь хотел, как говорят грешники, набить себе цену. Однако приглашение из Вашего города так подняло меня в глазах местных жителей, что некоторые джентльмены решили заполучить меня для церкви св. Георга-мученика, которую они собираются приобресть, и предложили мне десять тысяч в год. Видя такую заботу о себе, я с подобающей моему сословию кротостью согласился и подписал контракт. Впрочем, на худой конец, я и сам себя прокормлю, пока торговля хлопком идет успешно. Я завел дела на бирже (это, кстати, является одной из причин, почему мне нельзя покинуть Нью-Йорк), вложил капитал в одно дельце, и так как оно находится в зачаточном состоянии, то ему требуется неотступный хозяйский глаз.

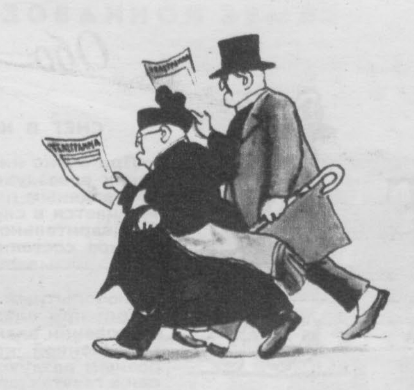
Ваш покорный слуга, преосвященный Хоукс.

Мои письма Бруксу в Филадельфию и Каммингсу в Чикаго, а также их ответы мне будут напечатаны в нашей газете на будущей неделе.

На прошлой неделе я пообещал напечатать в этом номере газеты свою переписку со священниками Бруксом и Каммингсом. Но теперь я вынужден просить читателей освободить меня от этого обещания. Дело в том, что я получил телеграммы от сих почтенных служителей церкви, в которых они утверждают, что я поступил бы бестактно, если б опубликовал их письма. Отцы Брукс и Каммингс подкрепляют свои утверждения аргументацией столь веской, убедительной и для меня решающей, что я не могу не согласиться с их мнением. Вот текст обеих телеграмм (как всегда, телеграф перевирает мое имя и фамилию):

«М-р МИК ТВАЙН! Узнал, что Вы опубликовали письмо преосвященного Хоукса. Вы губите духовенство. Моего письма не печатайте. Не валяйте дурака, вонмите разуму. Предлагаю пятьсот долларов.

Брукс»

Теперь я понимаю, что мой долг — сохранить письмо Брукса в тайне. Все же шепну читателю, что Брукс зарабатывает в филадельфийской церкви больше, чем ему предложили у нас, и кроме того он еще спекулирует нефтью.

«М-р МАК-СВАЙН! Неужели ты так глуп, что напечатал письмо Хоукса? Чорт паршивый! Моего не печатай, не дури, Майк! Готов уплатить пятьсот даже шестьсот долларов.

Каммингс»

После этой телеграммы я уразумел всю нетактичность своего намерения предавать огласке письмо Каммингса. Хочу лишь вскользь отметить, что Каммингсу тоже невыгодно переходить в собор Милосердия, ибо в Чикаго ему платят дороже и вдобавок он там недурно подрабатывает спекуляцией на хлебной бирже.

Да, некстати меня дернуло опубликовать письмо Хоукса! Весьма жаль, что я так поторопился. Станет он теперь предлагать мне... аргументацию!

Марк Твен об американских политиканах

Нетрудно, пожалуй, доказать с фактами и цифрами в руках, что не существует никакой специфически-американской породы преступников, за исключением членов конгресса США.

* * *

Вот как выглядит хамелеон:

Он жирный, ленивый и кажется погруженным в созерцание; но становится весьма деловым и ловким, как только вблизи него появляется муха: он сразу высовывает язык, напоминающий чайную ложку, и хватает насекомое. Вид у хамелеона святошеский... Но наиболее выдающейся его чертой являются глаза: каждый из них действует совершенно самостоятельно... Один глаз хамелеон закатывает к небесам, а другим глядит перед собой, и это придает ему поразительное сходство с американским конгрессменом, у которого всегда один глаз в сторону избирателей, а другой — на взятку...

* * *

Блоху можно выдрессировать, чтоб она делала почти все то, что умеет делать член конгресса.

* * *

Читатель, представь себе, что ты идиот. А теперь представь, что ты член американского конгресса. Впрочем, я повторяюсь...

* * *

Политический делец Билл Стайлс, добиваясь избрания в сенаторы своего человечка, сетовал по поводу безнравственности членов американских законодательных органов. «Просто душа болит,—сказал он,—как трудно найти законодателя столь высоких моральных устоев, чтоб он сохранил верность тем, кому продался».

* * *

Наш век — век прогресса, и наша страна — страна прогресса. Это огромная, прекрасная страна, породившая Вашингтона, Франклина, Лонгфелло, Уильяма Твида, Сэмюэля Помроя, Джея Гуда[1], недавний состав конгресса, не имевший (в некоторых отношениях) равного себе в истории, и, наконец, американскую армию, которая одержала победу над шестью десятками индейцев, взяв их измором, что — видит бог — гораздо культурнее, чем какая-нибудь резня. У нас введена лучшая в мире система присяжных заседателей в уголовном суде, хотя ее эффективности мешает одно обстоятельство: страшно трудно находить каждый день двенадцать таких заседателей, которые бы ничего не знали и не умели читать. Отмечу также, что наш уголовный кодекс блещет статьей, которая позволила бы оправдать по суду самого Каина: ему достаточно было бы объяснить свое преступление «душевной болезнью». Могу еще с гордостью добавить, что в нашей стране имеются законодательные органы, для подкупа которых установлена самая высокая в мире такса.

[1] Твид и Помрой — современники Марка Твена, крупные американские политиканы, заведомые преступники; Гуд — миллионер, получивший известность своими жульническими операциями.

* * *

Несколько определений:

Что такое сенатор? Человек, который пишет законы в столице США в те промежутки времени, когда не сидит в тюрьме за свои преступления.

Что такое слуги народа по-американски? Люди, выдвинутые на посты, где они могут распределять наживу.

Что такое избирательный бюллетень? Единственный вид товара, которым у нас торгуют без патента.

* * *

В связи со смертью одного из руководителей Таммани-холла, центра «демократической партии» в Нью-Йорке, Марк Твен заметил:

«Я отказался присутствовать на похоронах этого человека, но послал вежливое письмо, в котором указал, что приветствую данное мероприятие от всей души».

Перевела с английского В. Лимановская

Заокеанский меняла

Председатель объединенной группы начальников штабов США Брэдли выехал в Европу для проведения военных совещаний во Франции, Греции и Турции.

* * *

Соединенные Штаты отправили в маршаллизованные страны большое количество консервов из конины.

Он — из числа гостей незваных.
Вот цель его командировки:
Полки солдат в вассальных странах
Скупить он хочет по дешевке.

Расчетливому господину
Хлопот в Европе будет масса:
Не так легко ему конину
Сменять на пушечное мясо!

Сергей ШВЕЦОВ

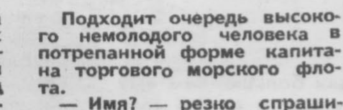

Рисунок Е. Ведерникова

Зарубежный юмор

Случай на бирже труда

Западноберлинская биржа труда. Сотни безработных толпятся в большом грязном зале, с вялой надеждой поглядывая на длинный ряд закрытых окон регистратуры. Над ними уже много дней висят таблички: «Спроса нет».

Лишь одно окно открыто, и возле него вытянулась длинная очередь. Это — окно регистрации вновь прибывших, становящихся на учет.

Подходит очередь высокого немолодого человека в потрепанной форме капитана торгового морского флота.

— Имя? — резко спрашивает регистратор, не поднимая головы над регистрационным листком.

— Христофор, — тихо говорит регистрирующийся.

— Фамилия? — все так же резко спрашивает регистратор.

— Колумб, — еще тише отвечает капитан.

— Что? — регистратор отрывает глаза от своей писанины и с изумлением осматривает моряка.

— Ничего удивительного,— говорит тот. — Просто мой отец, Иоханнес Колумб, был в день моего крещения навеселе и... желая пошутить, дал мне такое имя. Поскольку фамилия уже...

Регистратор вскочил, высунул голову из окна и, с сочувствием оглядев кишащий людьми зал, громко крикнул:

— Эй, ребята, идите сюда! Вот парень, который заварил вам всю эту кашу!

Из немецкого журнала «Welt im Bild»

Обо всем

СНЕГ В КОМНАТЕ

При очень низких температурах в воздухе, пересыщенном водяным паром, пар превращается в снег или лед без предварительного перехода в жидкое состояние. Этот процесс называется сублимацией.

Любопытный случай сублимации при внезапном соприкосновении влажного воздуха натопленной комнаты с морозным воздухом улицы описан в газетах конца XVIII века. В танцевальном зале одной из петербургских ассамблей было очень многолюдно и стало так жарко и душно, что многие дамы падали в обморок. Тогда некий кавалер выбил стекло в окне. От ворвавшегося с улицы морозного воздуха в зале пошел обильный снег.

«КРАСНЫЕ КЛЕТКИ»

Переносчиками кислорода и углекислоты в теле человека являются красные кровяные тельца — эритроциты (что значит: «красные клетки»).

В капле крови около 5 миллионов эритроцитов. А всего в крови человека «красных клеток» так много, что если их все вытянуть в ряд одну за другой, то образовавшейся цепочкой можно было бы четыре—пять раз обмотать земной шар по экватору.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В МИРЕ ФАУНЫ

Есть простейшие одноклеточные животные, которые живут лишь один час. Всего несколько часов продолжается жизнь бабочек-поденок.

Наряду с этим есть животные, например, крупные крокодилы или некоторые гигантские черепахи, доживающие до 200—300 лет.

Столетняя жизнь — нередкое явление среди обитателей мирового океана. До 80—100 лет живут лососи, карпы, сомы. А щуки живут и значительно больше.

Среди птиц столетнего возраста достигают гуси, лебеди, гаги, вороны, орлы-беркуты, коршуны, попугаи. Соколы доживают до 150—170 лет.

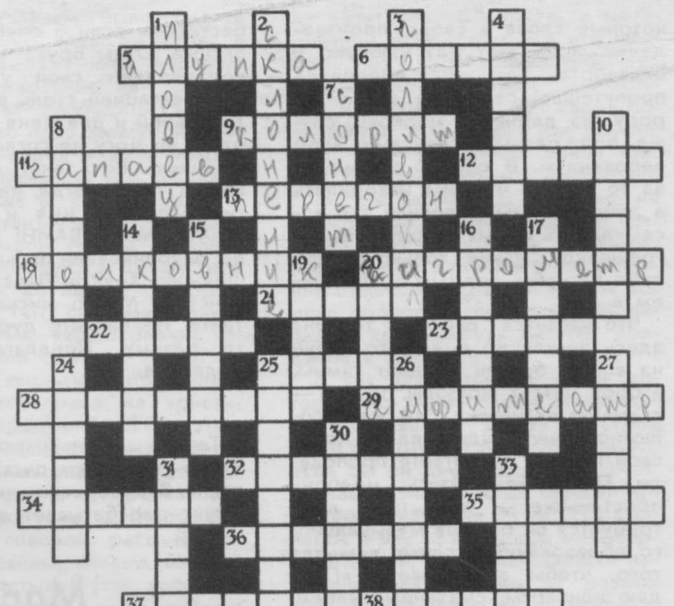
Среди млекопитающих такая продолжительность жизни — исключительное явление. Здесь обычно счет идет лишь в пределах первых пяти—шести десятков. Продолжительность жизни собак не превышает 30—35 лет и то в редких случаях, волка — 15 лет, льва — 35, медведя бурого — 50, некоторых обезьян — 50—60, лошади — 50 (изредка 60), коровы—25, овцы—15 лет.

Из млекопитающих лишь слоны живут долго — до 150—200 лет.

КОЛИЧЕСТВО ОСАДКОВ ЗА ГОД

В течение года с поверхности земного шара испаряется огромное количество воды — свыше полумиллиона кубических километров. Столько же возвращается и обратно на землю в виде дождя и снега.

Если это количество осадков одновременно распределить равномерно по всей поверхности земного шара, то образуется слой толщиной примерно в один метр.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Черноморский курорт. 6. Морская рыба. 9. Взаимное соотношение красок на картине. 11. Роман Фурманова. 12. Условленное секретное слово. 13. Участок пути между станциями. 18. Воинское звание. 20. Прибор, определяющий влажность воздуха. 21. Город в РСФСР. 22. Музыкальный инструмент. 23. Береговая опора моста. 25. Южное дерево и кустарник. 28. Лекарство. 29. Места в театре. 32. Положение, выражающее закономерность. 34. Свидетельство об окончании учебного заведения. 35. Судно. 36. Логичность, четкость, отчетливость. 37. Специалист по освидетельствованию товаров. 38. Музыкальный термин.

По вертикали:

1. Спортсмен. 2. Изменение слов по падежам. 3. Многоголосие. 4. Шина колеса. 7. Род стихотворения. 8. Приспособление в токарных и сверлильных станках. 10. Планета. 14. Искусный гимнаст. 15. Специальность рабочего. 16. Авторитет. 17. Представитель одного из народов СССР. 19. Рассказ М. Горького. 20. Краткое образное изречение, поучение. 24. Отчетливость произношения. 25. Плановое ведение хозяйства предприятия на основе самоокупаемости. 26. Размах колебания. 27. Рассказ И. С. Тургенева. 30. Смазочное масло. 31. Стихотворение А. Кольцова. 33. Русский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

3. Октябрь. 6. Хикмет. 7. Рекорд. 10. Величие. 12. Водоем. 14. Коттон. 15. Автокар. 16. Юность. 18. Мастер. 20. Трест. 22. Пойма. 23. Русло. 26. Александров. 30. Атлас. 31. Витим. 32. Иллюминация. 35. Днепр. 36. Бланк. 37. Андижан. 39. Украина. 40. Алмаз. 41. Матросов. 42. Котлован.

По вертикали:

1. Скрепер. 2. Армения. 4. Тихонов. 5. Оркестр. 8. Гидроузел. 9. Смольный. 11. Прогресс. 13. «Мать». 14. Крым. 17. Слава. 19. Суров. 20. Трак. 21. Труд. 22. Плотина. 24. Отчизна. 25. Сарпинская. 27. Сумы. 28. Нона. 29. Цимлянская. 33. Лава. 34. Цирк. 38. Народ. 39. Узбой.

Подумай!

НОВИЧОК И УЧЕНИКИ

В «Арифметике» Л. Ф. Магницкого (1703 год), одном из первых учебников юного М. В. Ломоносова, помещена такая задача:

«Вопроси некто учителя некоего, глаголя: повеждь ми колико имаши учеников у себе во училищи, понеже имам сына отдати во училище: и хощу уведати о числе учеников твоих. Учитель же отвещав рече ему: еще придет ми учеников толико же, елико имам, и полтолика, и четвертая часть, еще же и твой сын, и тогда будет у мене учеников 100: вопросивый же удивился ответу его отиде, и начат изобретати...»

Иными словами, отец оказался в положении ученика и должен был найти ответ на свой же собственный вопрос: «Колико имаши учеников... во училищи».

Сколько же их было? Установив это, попытайтесь также ответить и на такой вопрос: не напоминает ли вам условие задачи другой, более известный ее вариант? Что это за вариант?

В этом номере помещены репродукции картин В. Е. Маковского «Свидание», «Игра в бабки», «Осужденный» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ.

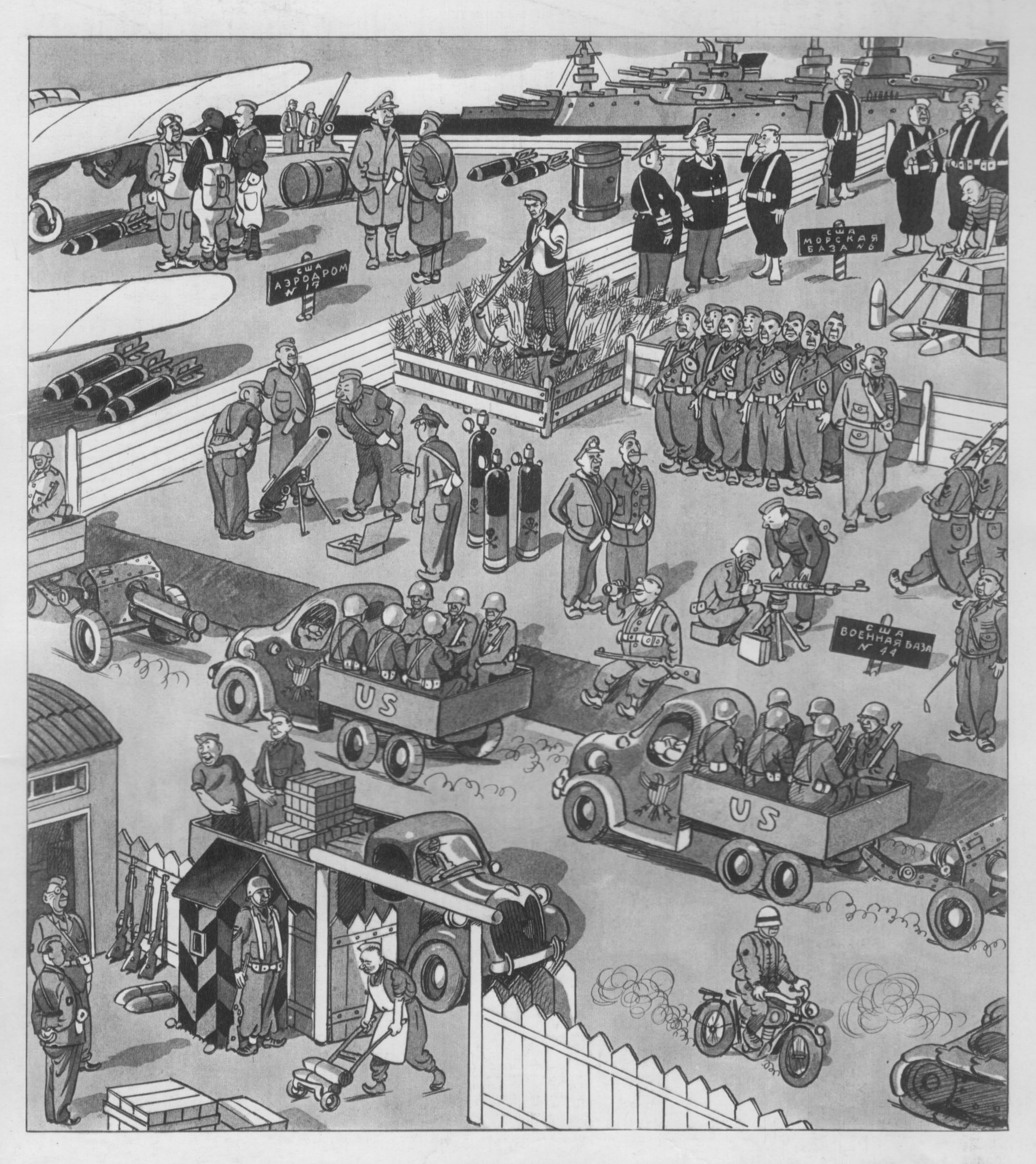
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07462. Подписано к печати 9/XI 1951 г. 5½ печ. л. Тираж 426 000. Изд. № 635. Заказ № 1896. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

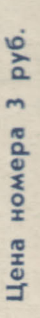
НА МАРШАЛЛИЗОВАННОЙ ЗЕМЛЕ

Рисунок Ю. Ганфа

ВИДЫ НА «УРОЖАЙ»

Министерство мясной и молочной промышленности СССР — ГЛАВМЯСО

производства Московского ордена Ленина комбината имени А. И. Микояна